

В ПЛЕНУ У ТАЙНЫ ОСТАЮСЬ (ЛАБИРИНТ).

ТЕЗЕЙ И ЕЛЕНА

(Сны и тайны порой становятся явью, и тогда мы приходим в мире иллюзий и фантазий)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ВСТУПЛЕНИЕ В РОМАН

СОН О ПЕРСЕЕ и СОН О ЛАБИРИНТЕ

ГЛАВА 1 И ОТСТУПИЛА ТЬМА

О том, как наступил раздор между богами и людьми, и как вообще все в том мире начиналось

ГЛАВА 2 РОКОВЫЕ СТРАСТИ

Явление героини, небольшой отрезок в середине жизни ее, после Тезея, но до Париса и Троянской войны

ГЛАВА 3 ВЛАСТЬ ИЛИ СТРАСТЬ?

ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ для Медеи, там, где оправдаться еще никому не удалось и встреча с волшебницей Цирцеей

ГЛАВА 4 МЕСТЬ ВОЛШЕБНИЦЫ

Явление героя (начало), первая женщина в жизни его и как Медея пыталась отомстить не только Язону, но и Тезею за то, что он ворвался в ее жизнь и спутал все планы

ГЛАВА 5 ЯБЛОКО РАЗДОРА.

Явление второго героя, без вины виноватого Париса, и как все изменилось в этом мире после его явления.

ГЛАВА 6 МАГИЯ ВЕРНОСТИ.

А тем временем пока подрастал Парис мы отправляемся с лабиринт Миноса вместе с Тезеем, и встречаем несчастную царевну Ариадну, которая дорого заплатит за свою любовь

ГЛАВА 7 СЕСТРЫ

О том, как Тезей пытался хоть что-то исправить, и все-таки женился на младшей сестре Ариадны, царевне Федре, и что из этого вышло

ГЛАВА 8 ВЛЮБЛЕННЫЙ В БОГИНЮ

О новой забаве богини раздора, какую ошибку совершила царица, и как она за нее расплатилась.

ГЛАВА 9 ВЛАДЕЮЩИЙ ТЬМОЙ

О том, что творилось в это время там, куда отправлялись души ушедших героев. Мы оказались вместе с ними у повелителя Тьмы Аида, как все начиналось, и что происходило до появления Тезея

ГЛАВА 10 ВОЗЛЮБИВШАЯ ТЬМУ

О том, как дочь Деметры Персефона оказалась любимой женой Аида, и что происходило там до появления Тезея и других героев

ГЛАВА 11 ТЕЗЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

О том, как бездумно и безрассудно отреагировал на трагедию наш герой, куда и зачем на этот раз отправился тот, кто прошел в юности лабиринт Миноса.

ГЛАВА 12 ОТЕРГШАЯ БОГА

О том, что происходило с Троянской царевной Кассандрой, пока Тезей томился в Аиде, и какой страшный подарок она получила.

ГЛАВА 13 БОГ БЕЗРАССУДНОЙ ВОЙНЫ

О том, кто принял самое активное участие в Троянской войне и сыграл одну из главных ролей в этом кровавом действе.

ГЛАВА 14 МЕСТЬ ЦАРИЦЫ

О самом ярком из героев Троянской войны, и о царице, которая отомстила за свой мир, но убедилась, что любовь сильнее войны и смерти

ГЛАВА 15 ГИБЕЛЬ ЦАРЯ

О том, что стало с героями после того, как война закончилась, как они жили и умирали.

Глава 16 ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ВО ТЬМЕ

В которой мы снова встречаемся с Еленой Прекрасной, пытаемся понять, что чувствовала та, из-за которой все началось.

ГЛАВА 17 СЛЕПАЯ СТРАСТЬ

И снова Медея и Тезей, он вернулся из Аида, как и герои с войны, но что же ждало его в новом и совсем непонятном мире?

ГЛАВА 18 ГЕРОИ В АДУ

О том, как правые и виноватые встретились в Аиде, что они почувствовали и как там все определилось для каждого из них

ГЛАВА 19 ЖИТЬ, ПОТЕРЯВШИ ЦАРЯ

О том, как царица Электра решила отомстить за отца своего и что из этого вышло.

ГЛАВА 20 ДЕТИ ГЕРОЕВ

О превратностях судеб и тех лабиринтах, которые подстерегали детей героев, что с ними случилось и чего не случилось в этом мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В ПЛЕНУ У ТАЙНЫ ОСТАЮСЬ (ЛАБИРИНТ).

ТЕЗЕЙ И ЕЛЕНА

(Сны и тайны порой становятся явью, и тогда мы приходим в мире иллюзий и фантазий)

Предисловие.

И снова мы листаем преданья старины глубокой, седая античность распахнула перед нами свои дивные страницы. А кто там, скрывается за маской. Кого только нет на нашем маскараде. Вот и первый герой Персей появился, прекрасный и грозный, достойно прошедший все испытания, которые послали ему судьба и боги.

А вот и последний герой - Тезей, но кто его спутница? Кого встретил он в вечности: коварнейшая Медея, верная Ариадна, не любящая Федра, воинственная амазонка, прекраснейшая Елена.

Но почему Елена рядом с Тезеем. А разве не он украл ее первым, когда о Парисе не было еще никакой речи?

Она была совсем юна, она просила о защите. И кто знает, если бы он смог удержать ее, возможно и Троянской войны бы не было, и это была бы совсем другая история.

Но Тезей оставил Елену, чтобы спуститься к самому Аиду и надолго оставаться там - безрассудство, которое очень дорого стоило многим. Что происходило на земле в то время, когда он сидел у врат черного замка Аида?

Что стало с Еленой, Ахиллом, Менелаем и Агамемноном.

Все это мы знаем из древних преданий. Они расстались надолго, на всю жизнь. Хотя какой бы долгой не была жизнь героев, это всего мгновение в сравнении с той вечностью, которая была у них впереди.

И там они снова оказались вместе Последний герой сын Посейдона, и прекраснейшая из женщин - дочь самого Зевса.

Земная жизнь - только одно мгновение в сравнении с вечностью, но, сколько же всего случилось за это мгновение, сколько пришлось пережить им.

Только все это в прошлом, а в реальности они просто остались рядом навсегда после того, когда осушили до дна кубки, в которых была вода из Леты.

Забвение и покой, вот что должны были получить и эти герои. Заслужили ли они счастье? Как знать, но покой они точно заслужили. Их больше не интересует, что и как происходило на земле, столько воды в той самой Лете утекло, но это не может не интересовать нас.

Ангелы, дамы, драконы, явь перемешана с сном,
И колокольные звоны, там, в пустоте за окном,
Рыцари яростно бьются, и на глазах у чужих
Музы задорно смеются, рядом художник возник.
И полотно, оживая, стало реальностью снова,
Мир, и эпоха другая, снится, и кажется новой
Жизнью сегодня довольна грустная дева во мгле.
Знаешь, мне больше не больно жить на забытой земле.
Если художника грезы, будут доступны и нам,
Странные, черные розы, музыки дивной волна.
И никого в полумраке, и никому не скажу,
Как в этой и песне и драме на эшафот я вхожу.
И палачу улыбаюсь, и не боюсь в этот час,
Всем этим девам на зависть Ния во мгле повстречать.
И провожая чужого, снова стою у окна,
Ангелы, дамы, драконы, полночь и тихо луна,
Лик этот дивный осветит, и в пустоте бытия
Только порывистый ветер, только художник и я.

А еще карнавал страстей, лица героев и злодеев и благоуханные легенды о временах, которые только художники и писатели и могут нам вернуть нынче

Снова мы обращаемся к их судьбам и ступаем в лабиринт, из которого еще не скоро придется выбраться. Но это самое удивительное путешествие, и пусть оно никогда не кончается. В путь, дорогие мои.

ВСТУПЛЕНИЕ

Лирическое

И снова мужчина уходит от женщины в никуда,
И первая и последняя им брошены, вот беда.
В пучине страстей и сумерек, никто не смог удержать,
И снова Тезей уходит. Он их бросает опять.
О чем Медея смеялась, чего хотела Елена,
И где-то во мгле качалась, та главная, только пена
Все снилась ему ночами, и в этом кругу забвенья,
И снова Тезей уходит, яростно и вдохновенно.

Он вам обо всем расскажет, а может, будет молчать,
И снова герой уходит, скрывая в душе печаль
С Аидом ли спорит или, уносится по волнам,
В какой суматохе жили, герои, я им больна
Елена, Медея, Федра, и Ариды нить
Выводит его из бездны, но только насмешка - жизнь,
Без женщины, удивленно. Он смотрит один во тьму

Не любящий, не влюбленный. Что видится там ему?
Какая немая сила его в забвенье ведет,
И снова Тезей уходит, стремится всегда вперед,
Своих побед, не считая, не ведая боль утрат
Она танцует, нагая, она все зовет назад,
Того, кому не вернуться, того кто всегда бросает.
С усмешкою оглянулся, растаял он, исчезает

СОН О ПЕРСЕЕ

В те незапамятные времена над миром царила тьма. Жестоки и несправедливы были грозные боги, но в коварстве своем их превосходили земные властители, которые ради спасения собственной жизни, а то и просто спокойствия никогда не щадили и родных и близких своих. Но самое главное, что в коварстве своем они старались

бороться с богами, и были уверены, что пусть это не удавалось другим, но у них обязательно получится.

Юноша знал с самого начала, какими страшными тайнами было окутано его появление на свет, как томилась в подвале его мать, виновная только в том, что по предсказанию колдуньи она должна была родить мальчика, а он станет причиной смерти его деда.

Его дед никогда бы не допустил такого, он мог погубить весь мир и свою дочь, чтобы выжить и остаться у власти. Заточенная в подземелье, она не могла встретиться ни с кем из смертных. Но Даная была так прекрасна, что сам Зевс пробрался к ней, золотой дождь осветил мрак. Так на свет и появлялись первые герои.

Грозный царь так и не смог понять, что от судьбы не удастся убеждать, и когда мы стремимся все переиначить, обмануть богов, то незамедлительно следует наказание. Боги никогда не позволяли самовольничать.

Мальчик стал сыном самого коварного и грозного Зевса, это в свое время спас из утробы отца своего братьев и сестер и должен был породить героев для этого мира. Невинная пленница оказалась в его объятиях, в отличие от смертных, для него не страшны были никакие преграды.

Но, помня о золотом дожде, и породившем его в крошечной тьме, где оказалась его мать, он понимал, что должен совершить свой подвиг - и сразиться с чудовищем.

Но для этого ему надо было еще преодолеть тьму, когда он младенцем оказался в деревянном ящике, брошенном по воле деда в море. Он должен был просто выжить и спасти свою мать и вырваться из тьмы, куда они и были брошены. Он никогда не мог служить тьме, с самого рождения он вынужден был вступить с нею в неравную схватку. И победить. Он должен был вырасти, и засиять в чужом мире, чтобы вернуться и исполнить предсказание в своем собственном.

Но тот, кто попытался заступиться за свою мать, отправился к чудовищам, и принес грозному царю голову медузы Горгоны. Так он

расправился с сильными мира сего, не желавшими считаться с близкими и дальними, ради собственного спасения.

Знал ли юный Персей, что он был сыном бога, догадывался ли о том, или совсем ничего не ведал, какое это имеет значение, он устремился в тот мир, где обитали люди и чудовища.

Удача была на его стороне, богиня Афина в сопровождении Гермеса появилась перед ним, и получил он и зеркальный щит, чтобы видеть все, что за его спиной происходит, и волшебный меч Гермеса, и только такая удача могла спасти жизнь божественному юноше.

Не стал он прямо смотреть на чудовище, готовое уничтожить любого, в щит свой смотрел Персей, когда убивал Медузу, и пало к его ногам безобразное, безжизненное тело, а голову он забрал с собою, как доказательство своего подвига. Но она еще могла послужить ему грозным оружием, против мира, готовившего ему новые испытания, и легко решал судьбы человеческие.

Его обидчики, родной ли дед, или коварный царь, отправивший юношу на верную смерть, должны были получить по заслугам.

И понял тогда Персей, что, только победив, чудовища, и в себе, и в реальном мире, можно рассчитывать на свет и удачу. И за жену свою ему пришлось сражаться с третьим царем, покорно ради собственного спокойствия готов он был отдать на растерзание собственную дочь Андромеду тому, кто оказался сильнее его и лишал покоя.

Даже трудно представить себе, что было бы, окажись на месте сына Зевса простой смертный. Коварство и гибельность владык - окружали его со всех сторон, и тьма отпускалась все ниже и ниже. Но бог смерти и все его слуги верные оказываются бессильными перед героем. Их единицы, они избранные, они приходят в этот мир для того, чтобы изменилось что-то, чтобы противостоять безрассудной жестокости. И все зависит от силы этого противостояния.

Чудовищ много, они коварны, они кажутся несокрушимыми, если не прилагать никаких усилий. Наверное, с ними можно как-то сжиться и подчиниться их воле, оправдывая собственное бессилие. И какое-то время мы и волнений никаких не испытываем. Но только в маленькой победе над собой, и в большой над ними, и кроется смысл нашего бытия.

Как трудно выбраться из тьмы подземелья, из тьмы деревянного ящика, их мрака, где обитают Медузы и богини ночи, из царства, где владыки сложили свои мечи и готовы встретить смерть свою, а чаще чужую, с завидным спокойствием. Как трудно просто жить, когда борьба становится единственно возможной формой существования, но только тот, кто посмотрел в глаза чудовищ, и не погиб славной смертью, а выжил и победил и достоин легенд и мифов, он становится воином света.

СОН О ЛАБИРИНТЕ

А во сне она видела тот замысловатый лабиринт, в который должны были отправиться очередные жертвы, чтобы оказаться съеденными Минотавром.

Она вышла навстречу кораблю. Ариадне всегда было жаль тех, кто должен был расплачиваться за спесь и месть отцов своих.

Они были так молоды и прекрасны. Но она помнила грозного отца своего, и не решилась бы помочь ни одному из них, если бы еще издали не увидела этого высоко и светловолосого юношу.

И она с первого взгляда, когда услышала флейту Пана, поняла, что произошло. На этот раз Купидон не обошел ее стороной, и она была влюблена.

Сначала она и думать не хотела о том, чтобы как-то нарушить запреты и помочь ему, и всем, кто был с ними, они оставались противниками и жертвами, они должны были умереть. Но потом, когда прошел какой-то срок, и царевич приблизился к ней и показался еще прекраснее, она поняла, что

сделает все, не допустит того, чтобы безобразный братец, плод греха ее похотливой матери, рвал на куски и проглатывал это прекрасное тело.

Отец взглянул на нее и понял, что из-за этого царевича его дочь готова нарушить запрет, потому он и приказал следить за ней особенно тщательно.

- Почему мы влюбляемся в тех, кого не должны любить?- спрашивала себя царевна и понимала, что все безнадежно для нее, она не сможет противостоять всему, что происходило в этом мире и в душе ее.

Еще какой-то срок она противилась, думала о благоразумии и о собственной судьбе, но когда все во дворце заснуло, а стражники стали говорить друг другу о том, что завтра пленники отправятся в лабиринт, она поднялась и стала спускаться туда, где они томились в ожидании.

Сначала она убеждала себя в том, что хочет только взглянуть на них еще раз. А когда подошла к решеткам, отделявшим ее от несчастных гостей, то с удивлением заметила, что все они спят, словно в последний раз хотят выспаться перед кровавыми испытаниями. И только Тезей сидел впереди, ближе остальных и смотрел на царскую дочь.

- Кто ты и зачем ты здесь? - спросил он у нее, таким нежным голосом, что она позабыла обо всем, и приблизилась к решетке.

- Неважно, кто я, мне ничего не грозит, это тебя в лабиринте ждет голодный минотавр.

- Об этом лучше не думать, до испытания есть еще какое-то время, и можно подумать о реальности, о жизни и о любви. А уж потом и умереть, если это было угодно нашим богам.

- Но зачем же умирать так быстро, когда большая и светлая жизнь впереди, - почти воскликнула она, в дальней части подземного коридора слышались шаги стражников. Еще так недавно Ариадна в чем-то сомневалась, но в тот миг она просунула клубок шерсти через прутья решетки.

- Но зачем здесь мне нужны нитки, - удивился он, - вряд ли моя одежда успеет порваться, а завтра она мне вообще не понадобится.

-Когда пойдешь в лабиринт, иди последним, и распускай нитки, так вы сможете найти дорогу назад, - говорила она спокойно.

- Ты веришь в то, что мы вернемся.

- Я знаю об этом, но не спрашивай о той, которая помогает тебе.

В тот момент стражник появился около решетки и удивленно спросил:

- Что делает здесь в такой час царская дочь.

- Я хотела взглянуть на царевича, которого вы приговорили к смерти, это запрещается?

Ничего на то не ответил стражник, пропустив ее вперед, еще раз взглянул на стоявшего около решетки юношу. Он и сам дивился тому, что в Афинах не нашлось других, наверное, у них совсем худо, если сам царевич оказался тут и готов стать кормом для скота.

№№№№№

В тревожных ожиданиях прошел для Ариадны остаток ночи, она понимала, что случиться должно что-то невероятное. Они уже донесли отцу о том, что она была в подвале, говорила с Тезеем, но что он может сделать. Она хотела пойти к нему и попросить о нем, но понимала, что это только усилит его гнев, и расправа будет еще более жестокой. Если бы оставалась хоть какая-то надежда, она бы сделала это, но суров и беспощаден был царь, особенно после того, когда родилось чудовище, и он вправе был обвинять свою жену в измене. И слышать ничего не хотел о том, что было там, и как все это разворачивалось.

Впервые в душе Тезея появилась надежда на спасение. Он понимал, что всегда есть кто-то, кто выведет тебя, даже в мире, казалось бы, населенном вечными его недругами и соперниками. Он все еще смотрел в прекрасные зеленоватые глаза девушки, которой и след давно простыл, и дал себе слово, что если ему удастся спастись и вернуться в Афины, то навсегда, до конца дней она останется в его объятьях, и никакая другая, даже богиня не нужна ему.

Как щедры мы на обещания в трудную минуту, когда почти не верим в то, что они сбудутся. И только потом, когда чудо совершается, все кажется уже иным, и не особенно хочется вспоминать о том, что было обещано в пылу страсти или в минуту страшной опасности, что в сущности одно и то же. Но это только потом. А пока, почему бы за миг до смерти не представить себе счастливую жизнь с юной зеленоглазой царевной.

№№№№№№№№

Незаметно подкрался рассвет. Тезей понимал, что он мог оказаться для него последним. Хотя в это не особенно верилось - юноша был так молод. И только клубок шерсти, оставленный ночью царевной, оставлял в его душе какую-то ну надежду. Но он не особенно верил в то, что все получится, разве не знал он, сколько случайностей подстерегает на каждом шагу? И все-таки безнадежность отступила, оставалось только думать о том, что если все пойдет как надо, то и для них наступит миг спасения, и тогда. Но он не позволял себе думать о том, что может случиться, если ему удастся спастись.

В лабиринте было темно и сыро, пахло какими-то испарениями, они натыкались на кости и мертвые тела, откуда-то со стороны взирало на них дикое существо, с выпученными глазами, что-то странно сверкали во тьме.

Но Тезей замыкал цепочку, и старался веселить всех молодых людей, которые двигались в этой тьме, навстречу чудовищу и своей гибели. Он успокаивал их и говорил, что если они наберутся терпения, то все завершится благополучно, ведь он добровольно все это время был с ними и готов был разделить их судьбу.

И незаметно нить оставалась на том пути, куда они шли. Странно, что их предшественники не догадались сами поступить так же. Это было не особенно надежно, нить могла оборваться, но это хоть что-то, ведь могло быть и еще хуже. И все зависело оттого, что они предпримут и смогут ли выбраться обратно.

Они опустились на землю, решив переждать немного, а потом, когда все решат, что они мертвы, отправиться в обратный путь. Выбраться из лабиринта и пробраться на свой корабль уже не составит труда.

№№№№№№№№

Через несколько часов по приказу своего царевича, они двинулись в обратный путь. В начале лабиринта они подождали ночи, чтобы не быть замеченными. К ним присоединилась еще дюжина пленников, чудом уцелевшая с прошлого раза.

Как глупо и обидно погибнуть теперь, когда они были уже почти спасены.

Корабль поджидал их в условленном месте, ведь о спасении Тезей думал и прежде, только представить себе не мог, как оно было бы возможно.

Город мирно спал, когда они вернулись на корабль. На берегу он встретил царевну. Все это время она ждала его, приносила жертвы своим богам и хотела только одного - увидеть его еще раз живым и невредимым. И страшная дерзость овладела душой спасенного - он подхватил ее на руки и понес на корабль, понимая, что не оставит ее тут. А в случае преследования, если царю что-то станет известно, он объявит о том, что женат на ней и придется примириться с этой вестью грозному Миносу, не станет же он гневить своих богов.

Как прекрасна жизнь, когда ты юн, силен, и опасность, грозившая тебе и твоим друзьям, миновала.

В объятиях его прекрасная девица, он строил воздушные замки. Но богиня любви прекрасная и коварная Афродита не могла простить ему того, что он клялся, будто Ариадна станет ему навсегда дороже любой из них. Какая дерзость, как может смертная ровняться с богинями.

И уже Гермес слушал ее приказание.

- Иди к нему и скажи о том, что Ариадна предназначена в жены моему сыну Дионису, и пусть попробует увести ее с собой, тогда лабиринт покажется ему детской шуткой по сравнению с тем, что будет его ждать в дальнейшем.

Гермесу и самому не нравилась дерзость Тезея. Он обижался, зная, что тот не обратился за советом к нему и не особенно склонен был благодарить своих богов за чудесное спасение, а ведь если бы они не захотели этого, то ничего бы у него не вышло. И он разбудил его среди ночи, вытащил из объятий царевны и передал слова Афродиты.

- Ты будешь спорить с богами? - поинтересовался он, - смотри, спасение может обернуться только отсрочкой на несколько часов приговора. Тебе казалось, что ты похитил дочь у царя, ты похитил невесту у бога, в это большая разница.

Перед юношей был Гермес, в том не было никаких сомнений, он знал, как опасно спорить с богами, от них не сбежать, как от царя Миноса, они достигнут и на земле и под землей. Он убеждался в том, что риск его не оправдан, ничего не случиться. Он все равно не сможет остаться с ней. Но оглянулся на спящих людей, которых снова подвергал опасности и это после того, когда они уже спаслись, и теперь им умирать еще страшнее, чем в первый раз.

- Забирай ее, - потребовал Тезей, отвернулся и закрыл лицо руками.

Через минуту он разбудил среди ночи команду, и они отправились прочь. Никто не знал, когда и как исчезла царская дочь. Никто ничего не видел и не слышал, а Тезей не отвечал ни на какие расспросы. Он забыл распорядиться о том, чтобы черные паруса сменили на белые. Афиняне издали поняли, что все посланцы их погибли. Боялись говорить о том своему царю, но он увидел это и сам, и в отчаянии бросился со скалы.

Тезей знал, что никто больше никогда не будет его любить так, как та, которую он вероломно предал, и любил так пылко. Она была первой и единственной. Но понимаем мы это не сразу, а только с течением времени

догадываемся о том, что было настоящим, а что только странным миражом, мелькнувшим где-то и растаявшим вдали.

А когда он узнал, что от тоски и горести по нему царская дочь бросилась со скалы, он долго думал о том, стоило ли спасаться такой ценой? И во всех женщинах он искал только ее одну, женился на ее сестре, которая полюбила его сына, предав самого царя. Наверное, она просто хотела показать ему, каково быть преданным и оставленным, а потом отправилась к своей несчастной сестре.

Более печальную судьбу трудно было представить, и все только потому, что ты так и не смог выбраться из тьмы, из того лабиринта, в который все время загоняла тебя судьба. Он знал в конце своей странной жизни, что все время ошибался и выбирал неверный путь, хотя казалось бы и не совершал ничего скверного.

В самый последний миг он увидел призрак героя, того, кто выбрался из подземелья, из деревянного ящика, а потом из мира, где правила богиня ночи, он спас свою Артемиду.

- Мне жаль тебя, - говорил ему Персей, - мне очень жаль тебя.

Более странного и горько финала и не представить себе. И можно было говорить о богах и людях. Но и те, и другие всегда были одинаково жестоки, только одни могли все вынести и стать победителями, а для таких, как он, поражение стало сутью бытия.

ГЛАВА 1 И ОТСТУПИЛА ТЬМА

О том, как наступил раздор между богами и людьми, и как вообще все в том мире начиналось

ЗАБАВЫ БОГИНИ РАЗДОРА

Неясно, кто к вам под личиной явился,
Поэтому будьте добры,
Непрошенный гость, он за маской укрылся,
В пылу и судьбы и игры,
Кому она яблока нынче бросает,

Кто будет судить и рядить.
Но снова Эрида вас в пропасть толкает,
За нею не уследить.

С любовницей муж, и глядит виновато,
Пыгается бред объяснить,
А сын ваш подругу уводит куда-то,
И ласковый враг деловит.
Да что это нынче творится такое,
А это Эрида, мой друг,
Вас чести сомнительной вновь удостоит,
Ворвется в ваш мир среди вьюг,

И если хозяйка добра и наивна,
Она растворится во мгле,
Забавы богини раздора, и ливни
Потопом на бедной земле,
Окажется все в этой звездной пучине,
Наивен и слаб человек,
Когда он противится грозной богине,
И плач проступает сквозь смех.

Античность в реальности вновь проступает,
И яростно дева молчит.
Когда зеркала в пустоте отражают
Ее, непорочна на вид.
Но стоит ли верить, иллюзии холод.
А ты говорила: - Добра.
Но муж твой к подпруге спокойно уходит.
Продолжилась злая игра

Не стоит кого-то обижать невниманием, потому что среди обиженных может оказаться богиня раздора Эрида. Может быть, она не самый приятный гость на свадьбе, но если вы не пригласите ее, то будет еще хуже.

Разве мог знать Пелей, разве ведала Фетида, чем обернется их неосторожность и невнимание? Все началось, когда среди приглашенных на их свадьбу не оказалось только богини раздора Эриды. Забыли ли они о ней, или просто побоялись, что произойдет что-то грустное, но не пригласили, а она не забыла об этом пиршестве и никак не могла туда не заглянуть. Богиня захватила с собой золотое яблоко и отправилась на свадьбу без всякого

приглашения. Она никогда особенно не церемонилась ни с богами, ни с людьми. И увидев там всех богинь, а особенно тех, которые нравились ей меньше остальных, а это были Гера, Афина и Афродита, решила богиня Эрида немного позабавиться, а так, как было при ней волшебное яблоко, то и подбросила она его богиням, оказавшимся за столом рядом. И не просто золотым было это яблоко, а на нем было написано: «Прекраснейшей».

Три очаровательных ручки потянулись к нему. И все забыли о свадьбе, и о мире, потому что три богини, на глазах у остальных не собирались уступать друг другу заветного плода.

О, как в тот момент забавлялась Эрида. Она гордилась собой, и смотрела на Зевса, которому вовсе не до смеха было - он понимал, что они через минуту обратятся к нему, и тогда ему придется вершить несправедный суд - сделать выбор между любимой дочерью, взрывоопасной женой своей, от которой он столько натерпелся и богиней Любви. А она была не менее коварна, чем богиня мести и раздора.

Еще до того, когда они повернулись к нему, он обратился к Гермесу:

- И что нам делать теперь?

Гермес понимал, как много от него зависит, но времени для раздумий было так мало. А в тот момент, когда он навещал Кассандру, дочь царя Трои, он видел там странного пастуха, даже имя его запомнил - Парис. Вот и брякнул, видя, что Громовержец стораает от нетерпения:

- Парис, скажи им, пусть идут к Парису, парень их и рассудит.

Зевс вздохнул облегченно, решение было принято, богини покинули свадьбу. Печальной оставалась невеста, которую не могли поделить недавно сам Зевс и Посейдон. Но, узнав о том, что она родит сына, который превзойдет отца своего, быстро отказались от нее. Зевс и Посейдон поспешно выдали ее замуж за ничтожного Пелея, и сами на эту свадьбу пожаловали, чтобы как-то скрыть слабость и позор свой.

Фетида смотрела на витавшую поблизости Эриду. Она знала точно, что грядущие события их еще заставят встретиться и при самых печальных обстоятельствах.

Боги удалились к себе. Гермес приволок Эриду к Зевсу.

- Ты все никак не можешь успокоиться?

- Интересно, что такого я сделала, пришла на свадьбу той, которая чуть не стала твоей любовницей, и не погубила тебя, пришла, хоть они меня не звали, но пришла. И чем был плох мой подарочек - золотое яблоко, волшебное, между прочим? А то, что твои жадные богини схватили то, что им не полагалась, разве я в том виновата? Да и кто им вообще сказал, что они на самом деле прекраснейшие, ведь это было приготовлено для Фетиды, как утешение, вы-то негодяи оба бросили ее бедную, хотя ни в чем она и не была повинна.

Зевс слушал ее и понимал, что не за что ухватиться, богиня ускользнет от его обвинений и ему еще хуже будет, но и успокоиться он никак не мог. Богиня казалась наивной, и с очаровательной улыбкой творила свои черные дела.

- Ты и на самом деле не знала, что творишь, не ведала, что случится, когда Парис одной из них отдаст яблоко?- допрашивал ее он.

- Конечно, не ведала, а кто просил тебя отправлять их к Парису, вот сам бы и совершил свой суд, али ты перестал верховным богом быть. Я тебя не просила их к Парису отправлять.

- Не просила, - согласился Зевс, он хотел быть все-таки справедливым, и прогнал ее прочь, понимая, что если поговорит еще немного, то будет обвинен ею же во всех смертных грехах.

Эрида тем временем спокойно отправилась к себе, по дороге она потешалась над Зевсом:

- Вот так всегда, только бы других безвинных во всем обвинять, он решил не спорить ни с кем, не терять ни одну из них, тут же нашелся этот Странник,

который помог ему выкрутиться из затруднительного положения, все остались довольны, и только бедная Эрида, забытая и брошенная отечай за все.

Конечно, богиня приbedнялась недаром. Прекрасно она знала, как и что будет после того, как бросит свое яблоко. Пора было восстановить справедливость, и вернуть царевича Париса в Трою, а с ним отец поступил так же, как боги с ней, он просто выбросил беспомощного младенца в лес, когда узнал о страшном пророчестве. Глупец, он думал, что Эрида позволит совершиться такому злу. Она отнесла его к пастуху, растила и следила за ним, потому что должно было свершиться возмездие, никому не позволено младенцами разбрасываться. Она даже поможет украсть ему эту самую Елену, и опять потому, что она досталась не ее любимому Агамемнону, а только брату его Менелю. А царь тот оказался так хорош и благороден, что только молча любил и страдал, и не увел ее у брата своего, а ее Парис уведет, и на глазах у всех к себе в Трою и привезет.

Богиня знала точно, но пока не хотела думать о том, что произойдет дальше. Но война - разве не об этом мечтает, не только Менелай, но и эта несносная Афина, об Аресе она уж и не говорила, а пахать и осуществлять их мечтания снова придется ей. И это справедливо, то, что погибнет город, в котором царь выбрасывает младенцев на погибель только потому, что глупая Пифия сказала ему, что именно от этого младенца он погибнет, и вместо того, чтобы готовится защищаться, все предусмотреть, Приам решил пойти по очень легкому пути - просто от младенца избавиться. Лучше бы спросил у богини, как погибнет город. Они привыкли только пророчествами сыпать и ничего толком никогда не поясняют, а перепуганные владыки услышат самое страшное для себя и начинают творить, что вздумается, вот и пошло- поехало.

Эрида вспомнила, как точно так же в свое время она спасла и вырастила и Персея, когда царь решил погубить его, вон какой славный герой получился. Но память у них коротка, они постарались позабыть о том, что героя им подарила не глупая Даная, а именно она. Но на этот раз они все это запомнят очень хорошо, особенно те, кто выживет. Она постарается даже для этой

странной Фетиды, тоже, как всегда, забывшей о ней, и сделает из ее Ахилла настоящего героя, слава которого не померкнет никогда. А что бы значил ее Ахилл без той самой троянской войны, да просто один из сонма греков, любимец матушки и только. А тут, она и царицу ему подарит, и с Агамемноном спорить позволит, и даже убить Гектора. Хотя для такого молодца это не составит особенного труда. Но в веках кто будет разбираться, каков был Гектор и как его Ахилл убивал. И даже самого его убьет прекраснейший из богов Аполлон, руками ее Париса, конечно, но каждого ли из героев убивал такой бог? И все это она делала для тех, кто с ней считаться не собирался, даже сама удивилась своему рвению яростному.

С какой стороны бы не посмотрела Эрида на то, что будет происходить под ее чутким началом, все у нее получалось просто великолепно. Да и могло ли быть по-другому.

Но некогда ей прохлаждаться, надо было взглянуть на то, что там происходило, и как действует ее воспитанник.

Парис посмотрел в тот момент на богинь, к нему приближавшихся, и хотел поступить мудро - просто сбежать от них, но когда появилась за его спиной та, которую он помнил с самого начала и считал своей матерью, и в какой-то мере так оно и было, то он не посмел этого сделать.

- Не бойся, мальчик мой, - уже говорила она, - они не так страшны, как кажутся, и тебе выпала великая миссия, вершить свой суд.

Дальше все было как в тумане, Парис все время слушал их, но оглядывался на нее. И когда она слегка усмехнулась, он отдал заветное яблоко Афродите.

Но ему казалось, что решил это он сам. В его одинокой душе никогда не было любви, а была она такой прекрасной и таинственной, что только ее и хотелось парню больше всего, вот он и решил, а она только очень тихо подсказала ему правильный выбор, так что ни он сам, ни богини и не слышали ее голоса.

Эрида радовалась тому, что чуть не лопнула от злости и унижения Гера, Афина просто вспыхнула, и молча удалилась. И хотя сама Афродита ей нравилась не больше, чем эти двое, и понятия она не имела о том, что такое любовь, но из трех зол, как она понимала, выбрали они с Парисом все-таки меньшее. И самое забавное, сколько с ним будет связано потом, а вот бы оставался просто пастухом, или сыном царевича, если бы не она.

Узнав о том, что происходило на лесной поляной перед Троей, Зевс решил еще раз поговорить с Эридой.

- Ты все-таки на войну их всех подтолкнула.

- Словно Афина ему мир обещала, а о твоей женушке я не говорю, она только кажется мягкой да пушистой, но войну ведет бесконечно, и тебе известно не хуже моего, что любовь и война, это лучше, чем просто война или ревность и стервозность без любви.

Эрида не могла и ему спустить, она ясно намекала, что Гера не любит громовержца, не заботясь о том, что это он воспринимал наиболее болезненно, но кажется, именно этим ей и хотелось его уколоть. Но самое удивительное, что почти во всем она была права, и тогда он спросил ее только об одном:

- Но скажи, почему больше всех должна страдать моя Елена, в чем она повинна?

- В том, что она твоя дочь, в том, что ее угораздило влюбиться с этого несносного сына Посейдона, в том, что она не любит моего Агамемнона.

Эрида поняла, что в запале она проболталась. Зевс с интересом узнал о том, что она за что-то не любит Тезея, и любит царя Микен, это было хоть что-то новенькое. И он уцепился за ее откровения.

Но она не собиралась говорить о своих личных делах, зато он собирался.

- На дно морское спуцусь (Зевс терпеть не мог подводного, как и подземного мира), но узнаю, чем это тебе так досадила Тезей.

- Можешь не спускаться, потонешь еще, сама скажу, - угрюмо говорила она. - Этот паршивец лишил мою обожаемую Медею Афин, и она должна

была спастись бегством, и что потом мы против него не предпринимали, все ему было нипочем, все время он сухим из воды выходил, и только малютке Персефоне удалось удержать его в своей тьме, за что я ей и благодарна.

Эрида напомнила ему о том, что герой томился у Аида, и все, что оставалось Зевсу после их разговора, это отправить туда своего сына Геракла:

- Негоже ему там оставаться, если родной отец не заботиться о нем, то ты его освободишь.

Геракл обрадовался этому поручению. Он столько уже бесполезных дел исполнил для всех ничтожных владык, что это было лучшим из всего. Он и сам давно скучал без Тезея, потому что не было второго, того, на кого он мог бы оглядываться. А еще ему хотелось досадить Эриде. Она столько скверного наделала, так исковеркала его собственную судьбу, что без слез на нее и смотреть нельзя. Конечно, герой никогда не плакал, но это так образно сказано. Ему нужно было раздобыть там адского пса - очередной ненужный подвиг, но между делом он и Тезея от плена избавит.

Эрида не стала противиться, она знала, что Тезей вернется, только вернется напрасно, тут его больше ничего хорошего не ждет, одни разочарования. Елена стала женой другого, Медея жаждет окончательного возмездия, и только он сам останется изгнанником и странником, и Афин ему не видать больше, пусть возвращается. Этот подвиг для Геракла будет не только бесполезным, но и очень даже вредным. Он не понимает, что иногда лучше все оставить так, как есть, не стоит будить лиха, пока оно спит. Потому она благосклонно решила не мешать Гераклу, да и тому хватит сидеть без всяких дел.

А вот про Агамемнона Зевсу она пока ничего говорить не стала - пусть останется у нее хоть какая - то тайна, не должен же он знать о ней все.

Но когда она уходила от Зевса, который и на этот раз ни о чем с ней не договорился, она наткнулась на Геру. Не ревность, а ярость вспыхнула в душе богини. Она понимала, а теперь и убедилась в том, что это Эрида во всех ее последних бедах виновата была.

- Как ты смеешь распоряжаться нашими судьбами, и кто позволил тебе отдать яблока Афродите?

- Его отдал Парис, - если ты помнишь, - отвечала ей спокойно Эрида, - только надо было ему обещать что-то более существенное, а если ты сама ни на что не способна, то нечего других винить.

Гера понимала, что ничего кроме гадостей от богини раздора она не услышит, но остановиться так просто все-таки не могла.

- Не смей появляться здесь, от тебя только одни беды.

- А от тебя одни радости, - задорно отвечала та, - уже Зевс наш бедный, не знает куда бежать и кому что сказать, глаза бы мои тебя не видели.

Гера открыла рот, она не собиралась допускать того, чтобы последнее слово осталось за Эридой, но та уже растаяла, ее и след простыл.

Ей некогда было ругаться с праздно гулявшей Верховной богиней, которая считает себя Прекраснейшей и дивится тому, что этого не может разглядеть никто другой, даже ее собственный муж. Ей нужно было еще помочь Парису украсть Елену, вернуться с ними в Трою, заставить Приама принять ее и потом с тревогой ждать тех, кто придет воевать. Да и мало ли еще каких безобразий может случиться, когда в мире столько богов и богинь, и все они спорят друг с другом, сталкивают героев лбами, а потом все сваливают на нее, потому что обязательно должен быть кто-то на кого можно все и свалить.

На обратном пути она заглянула к Пану, чтобы немного поболтать с ним. Он так мил, и разве не спасла она это чудовище, когда та же самая матушка так испугалась его, что в ужасе бросила со скалы. Потом, когда будет больше времени, она заглянет к нимфе и напомним ей о том, что никто не может бросать беспомощных детей на произвол судьбы, на верную гибель, иначе они будут иметь дело с ней. А она еще подумает, как им отомстить за такие скверные поступки, и пусть потом обвиняют ее в чем угодно, она была уверена в своей правоте.

Пан поджидал Эриду. Но они души друг в друге не чаяли и всегда были рады встрече.

Он никогда не забывал того небольшого добра, которое кто-то для него сделал. Он любил слушать ее веселые рассказы и прощал ей многие забавы, а что-то стремился исправить. Она благосклонно позволяла и ему совершать добрые или злые дела, да и кто разберет, какие из них добрые, а какие нет.

ГЛАВА 2 РОКОВЫЕ СТРАСТИ

Явление героини, небольшой отрезок в середине жизни ее, после Тезея, но до Париса и Троянской войны

Она обнажалась, срывая одежды,
Нелепейшей страсти, и странной надежды,
Желая вам душу свою показать,
Пред этой толпой обнажалась опять.
И молча смотрели чужие мужчины,
И не было более странной картины.
Чем эти, летящие прочь покрывала,
Со смехом немим всю одежду срывала,
Швыряла толпе дорогие наряды,
О, дивная осень, момент листопада.

Кружились, кружились листья золотые,
И девы смотрели, о чем-то грустили.
И контуры - вдруг нагота проступила,
И замерли все, и толпа отступила,
А там пустота - нет прекрасного тела,
Она хохотала, куда-то летела.
И только одежды ее дорогие,
Над этой толпой возбужденной кружили.

И все им казалось - она обнажиться,
И в тело нагое хотелось влюбиться,
И впиться, терзая, но нет его, други,
И это узнали, и смотрят в испуге.
На то, чем никто не посмел обладать,
И дева иллюзий вернется опять,
И будет во тьме над толпою кружить,
И только на вечер позволит любить,

И воздух руками нелепо хватать,
Одежды надежды с усмешкой бросать
Она не устанет, в экстазе мужчины.
И девы ее раздраженно окинут
Презрительно взглядами, будут курить.
Мы только иллюзии можем любить

Легко ли быть дочерью верховного бога и прекраснейшей из женщин? В любое время, в любом мире. Спросите у Елены. Она расскажет вам свою историю, и может быть тогда, вы порадуетесь тому, что не так совершенны, что не устремились к вам все цари и герои, что не завидует вам сама богиня Любви Афродита.

В трудной и неравной борьбе со своими грозными соперницами яблоко, на котором было написано это страшное слово, досталось ей.

Но были для богини в те минуты неминуемы уступки и потери. Она должна была пообещать несносному мальчишке любовь Прекраснейшей из женщин - дочери самого Зевса. А еще неизвестно, как ко всему этому отнесется сам Зевс, захочет ли он смотреть на то, как крадет он Елену и увозит в свою Трою, как собираются на войну все цари и герои. И громовержцу понятно, что не только людям, но и богам придется принимать в ней участие. И еще не ясно как повернется судьба.

Но не задумывалась в тот момент легкомысленная богиня, когда получила заветное яблоко, о том, что случится позднее, как будут страдать многие и многие из людей и богов. Правда, есть и другая сторона у этой медали: на войне все чувства обостряются, люди и боги спешат любить, и страсть кипит с невероятной силой, вот для нее раздолье.

Но не думала Афродита и о том, что самой ей придется воевать на стороне Троянцев. И вместе с ней там окажется только коварный Аполлон, которому не за что ее было особенно любить, ведь она с самого начала

лишила его своего расположения и по ее воле ни одна женщина не любила его, вопреки его красоте и талантам.

Ни о ком из героев не думала Афродита. А Агамемнону пришлось принести в жертву свою дочь, чтобы отправиться на эту войну, и возбудить такую ненависть в душе своей жены (и сестры той самой Елены), что убьет она героя героев, как только вернется он домой, один из немногих цел и невредим.

Но Афродита наверное, и вела его домой именно для того, чтобы посмотреть, как убьет его Клитемистра, и останется мертвое тело его в ванне, наполненной водой и кровью - никакой более страшной мести не могла придумать для победителя Богиня любви, а он - то надеялся, что она изменилась к нему.

Впрочем, не только за погубленную жизнь дочери мстила мужу - герою не особенно верная жена. Началось это значительно раньше. В тот день, когда она впервые увидели друг друга, когда он решил жениться и появился у них. О, как она была влюблена. Еще бы герой героев, умен, обаятелен, да такой, что и не слабой девушке можно лишиться чувств. Как трепетала она, боясь, что отец откажет Агамемнону, словно ему можно было отказать. Но беда всегда приходит оттуда, где не ждешь ее. И давно убедилась старшая сестра, что она всегда исходила от Елены, еще тогда, когда появился герой героев Тезей, она была уверена в том, что он заберет ее - взрослую и прекрасную - старшую из дочерей царя. И ей снился сон, что она станет царицей Афин. Но боги тогда просто решили посмеяться над ней. Хотя она самозабвенно любила его. Ее не смущала ни история с Ариадной, ни гибель Ипполиты, ни загадочная смерть Федры, они все ничего не значили рядом с ней. Она была уверена, что способна сделать его счастливым. Но когда Тезей взглянул на только что появившуюся 12 летнюю Елену, он сразу же забыл о ней, словно и не собирался жениться.

Никто не знает, как это случилось, только на рассвете он вместе с Еленой исчез. Отец был в ярости, она рыдала и была уверена в том, что жизнь ее закончена. Только время неумолимо, оно лечит любые раны.

И богиня любви в награду за страдания дала ей еще один шанс, когда появился Агамемнон. И она забыла Тезея и влюбилась в него без памяти. И он увидел уже подросшую, молчаливую и далекую Елену позднее, за свадебным столом. Это спасло ее свадьбу, но не спасло брака, хотя тогда она не верила в это ни минуты.

Клит не поверила своим глазам. Он не отрывал взора от ее младшей сестры еще за свадебным столом, пока она не убежала куда-то, произнеся что-то невразумительное. Ей не надо было быть умной, не надо было открывать рта. Но она не забудет тот странный гул среди гостей, который и означал ее поражение и победу Елены. Она знала, что не простит ей этого никогда.

Он переменялся с той минуты. Он не отказывался от нее, но они стали так далеки, его мысли блуждали где-то. И она подозревала, что он оставался с ней, только для того, чтобы быть поближе к ее сестре. И когда сама Елена ворвалась в ее покои и прокричала в истерике:

- Уезжайте скорее, я снова буду виновата во всем.

Она всегда умела казаться невинной, несчастной, обиженной, в то время, когда из-за нее страдали другие.

Она стала торопить его, но он находил какие-то причины, и все еще оставался во дворце ее отца.

Как ей удалось тронуться в путь и покинуть родные чертоги, она и сама не помнила. И как они могли зачать детей, хотя почти никогда не оставались вместе, этого она тоже не особенно понимала, но так было тогда.

А потом, потом это сватовство. Среди прочих женихов был и младший его брат Менелай. Но он не мог не оказаться там вместе с ним. Он предлагал поехать и ей, но она как раз ждала Ифигерию, ту самую, которая была принесена в жертву для того, чтобы спасти из плена (да кто поверит в то, что Елену мог кто-то пленить) ее сестрицу.

И этим было все сказано. Но тогда он обрадовался, узнав, что она не может отправиться с ними. И она радовалась тому, что не видела всех

бесчинств, которые происходили в доме ее отца. Даже давно женатый Одиссей был там с ними и советы свои раздавал.

Сколько бы времени они решали, кому ее передать, одному Зевсу известно, да и он, вероятно, притомился ждать их. Только тот самый хитрец, наконец, и предложил невероятное - она сама должна была найти себе жениха по вкусу, да где такое вообще видано, чтобы безмозглая девица выбирала себе мужа. Но они согласились.

Клит не удивилась бы, если бы эта бесстыжая выбрала мужа своей сестры, ей всегда и все позволялось. Но она оказалась благоразумней, и указала на его брата Менелая. Приличия были соблюдены, но ему же и лучше, он мог бывать с ними, сколько вздумается, появляться в их доме, когда захочется. И если младший брат что-то и заподозрит, то и слова не посмеет сказать. И она будет молчать. Да и попробовал бы кто-то сказать, что он не только совесть, но и рассудок свой потерял.

Как долго ждала мужа назад Клитемистра, он не возвращался, и она была почти уверена в том, что он там останется в Спарте. Но когда она уже перестала ждать, то появился он, угрюмый и мрачный, даже не взглянул на них. И за все за это она должна была благодарить Елену. Хотя та всегда казалась невинной овечкой, что с нее спросишь. Он не рассказывал ничего из того, что там происходило, а она даже спрашивать боялась - этот разговор мог стать началом конца.

Они молчали о Елене, но дни казались угрюмыми и бесконечными.

Ей иногда казалось, что если не самому царевича Троянского, то богиню Любви он все-таки просил о том, чтобы Елена была похищена, хотя глупо так думать, но и по-другому она не могла.

Как обрадовался он, когда Менелай привез дурные вести. Ему едва удавалось скрывать свои пылкие чувства. Все бросил царь и муж семейства, чтобы в Трою умчаться. Каким вдохновенным он чувствовал себя в те дни. Ей оставалось только убежать к себе и разрыдаться от полного бессилия. Но

мечь- это блюдо, которое подают в холодном вине. Царица знала, что она не успокоится до конца.

Менелай говорил, что ему нужна была эта богом забытая земля, победа, слава, но она точно знала, что ему нужна была только Елена. Представить себе, что она не в Спарте, до которой так легко добраться, а в богом забытой Трое он не мог. И уничтожит ту самую Троию, глазом не моргнув. Она успела за это время узнать своего сурового мужа.

№№№№№

Вождь поражался тому, какой злобной фурией оказалась его жена. Когда этот проходимец, который заставил Приама считать себя царевичем, похитил ее вероломно, она бесновалась. И ни грамма сострадания и жалости не было в ее душе. А он, как только представил себе, что это ангельское создание находится на краю света, в Трое, так и половину мира снести готов был.

Ему бросил вызов, и кто, пастух, который не знает своего рода и племени. Ведь это даже не легендарный Тезей, против которого он пошел с такой же яростью, случись это в его бытность, но Парис.

Ему не давало покоя и то, что Тезей уже спасал ее, и хорошо, что его не находили больше не на том, ни на этом свете. Он пропал бесследно, значит, настал черед Менелая спасти Елену. И он им всем еще покажет.

Царь чувствовал себя настолько оскорбленным, что расправлялся со всеми, кто осмеливался хоть слово сказать о том, что это не их война, и спартанцы сами должны защищать свою царицу, которая просто сбежала от его брата - любила - разлюбила.

Последнее вселяло в его душу надежду. Если она и не любит Менелая, то есть надежда, что рано или поздно вернется к нему. Он думал о ней так, словно она уже была в его объятиях. Но нет ничего страшнее неутоленного желания, оно уничтожает душу и заставляет забывать обо всем.

Но первые испытания начались сразу. Вечная девственница и охотница Артемида потребовала жертву. Об этом сказал грозному царю оракул, когда они не могли дожидаться попутного ветра.

Если бы богиня Артемида потребовала в жертвы его жену, он отдал бы ее с большей радостью, но ей нужна была девчонка, которая родилась в его отсутствие, и по времени она вообще не могла быть его дочерью. Но это не главное, ему не было особенного дела до того, чья дочь Ифигения - она жрица Артемиды, но путь к Елене и к Трое был открыт, это главное. Без сожаления расставался он с царицей, которую в последнее время переносил с трудом, и на крыльях любви направлялся к той, которая была светом в окне и любовью всей его жизни.

№№№№№

Какая странная история, - говорила Афродита Артемиде, с которой она встретила около того самого жертвенника, где недавно лежало тело девушки.

- Что же в ней такого странного?

- Ты лишила его дочери, - богиня любви удивленно подняла брови, глядя на девственницу.

- Он и не на такое ради Елены способен. Но разве не ты все так запутала? - спрашивала она сердито.

- Можешь не верить, но нет, пока я возилась с Парисом, на царя внимания как-то не обращала, там что-то происходило помимо меня. Я совсем его не знаю, мне трудно что-то и самой понять.

Артемида не поверила ей. Но она точно знала, что Парису не нужен был такой сильный соперник, да и Менелай слишком хорош, чтобы его так унижать.

- Менелай получил свою Спарту, - присоединился к их разговору Аполлон, - ему больше ничего и не надо, Агамемнон всегда имел свое царство, ему нужна только царица. Он поздно понял, какую ошибку

совершил, когда женился на земной женщине и оставил без внимания богиню, за это он и был наказан, хотя тогда его испугала и смутила дурная слава Елены. Но Эрот твой просто над ним издевался, вот он и получил то, чего меньше всего хотел. Всегда так бывает.

Аполлон ничего больше говорить не стал, с Афродитой они продолжали старый спор. Она считала, что он слишком красив для любви, ему и так очень много дано, он же страстно хотел получить именно то, чего у него не было.

Но не о любви в те тревожные минуты думал Аполлон, а о той войне, которую из-за своей неудовлетворенной страсти развяжет вождь и царь.

Он знал то, чего не знала даже богиня любви. Отец Елены Зевс, все делал для того, чтобы они не остались наедине. Он точно знал, что Елена не устоит перед ним, он был так похож на любимца, ее отвергнувшего, Тезея. Когда он появился, ей показалось, что вернулся Тезей, только на этот раз он не просто развлекается, а пылает страстью. Во всех этих игрищах, когда она была женой то одного, то другого, ее избранник Менелай оказался верным, но бесстрастным мужем, ему нужна была Спарта и дочь Зевса, но не любовница. Она подозревала, что его женщины вообще мало волновали. Вот Агамемнон совсем другое дело, и он достался этой полудохлой рыбе - ее старшей сестре, у которой кроме зависти и злобы не было никаких других чувств. Она, наверное, была с ним назло всем, она бы и тогда выбрала его, если бы он не был женат на ее родной сестре, такую дерзость даже Одиссей бы не потерпел.

Перед своим выбором она встречалась с ним, и он сказал ей, этот хитрец:

- Я знаю, о чем ты думаешь, не смей делать этого, даже твоей отец Зевс так открыто не шел против своей жены. Это плохо кончится.

- Все, что со мной связано всегда плохо кончалось, - обреченно вздохнула Елена.

- Но родственников не трогай, для него это каприз, блажь, он не стоит спокойной жизни, не втягивай нас в войну, в первую очередь пострадают невинные.

Тогда она послушалась Одиссея. А потом не было случая, она не могла предположить, что Зевс не допустит их близости, и не потому, что он за ее сестрицу печется, а просто потому, что тогда (он это и по себе знал) Агамемнон не соберется на войну против Трои. И все будет не так, как в Книге Судеб написано. А никто не смеет ничего изменять в судьбах мира.

Громовержец по себе знал, что за бывших возлюбленных не воюют, их просто тихонько забывают, и самое большое, что делают мужчины и боги - они заботятся о своих детях, да и то не всегда.

Он видел, как ждет этих событий Афина, об Аресте и говорить нечего, да что война, ему нравилось смотреть на то, как сам Агамемнон умирает от страсти, не в силах до нее дотянуться, на какие безумства он готов решиться.

Когда Зевс увидел девочку на жертвеннике своей дочери Артемиды, он был по-настоящему потрясен, и понял, что тот и на самом деле не перед чем не остановится. Зевсу и самому приходилось жертвовать кем-то, но чтобы так. Конечно, он радовался, что ради его дочери царь отдал свою, но это было где-то за гранью его понимания. А что должна была чувствовать по отношению к нему девочка, почти ребенок.

Нет, порой он отказывался понимать людей, особенно вождей, это было где-то за гранью его представлений о мире.

Впрочем, он не понимал и Елену. Когда царевич Парис украл ее, она не обратилась к нему за помощью, она вообще не казалась пленницей. Даже если Афродите удалось ее обморочить - она должна была расплатиться за проклятое яблоко. Но сама Елена не могла не противиться этому, а она не противилась совсем.

Она любила Агамемнона, но почему уехала с мальчишкой, чтобы сбежать от него, или чтобы посмотреть будет ли он ее спасать? И самое интересное, какую роль играет во всем этом тот, кого она выбрала себе в мужа? Сдавалось ему, что вообще никакой, ему просто неудобно было оставаться дома, когда все воевали из-за его жены.

Еще не началась война, а Зевс заглянул уже вперед, в тот день, когда она закончится. Он не сомневался в том, что и Одиссей, и Менелай, и Агамемнон останутся живы, после того, когда все завершится, но что потом. С кем останется его дочь? Что предпримет вождь, и что сделает его брат. Об этом у него еще было время подумать. Ему не хотелось, и тогда отдавать свою дочь ни тому, кто обезумел от страсти, ни тому, кто было так холоден и равнодушен. Но больше ее некому было отдавать - вот в чем беда главная и была. Тезей, которого она так любила, уже томился у брата его Аида, но он уже отверг ее любовь, хотя и украл ее и отвез в Афины. Она так страдала тогда, бедняжка, и он не собирался умножать ее страдания теперь.

№№№№

Царь царей вдыхал холодный воздух, из всех сил он рвался к чужим берегам, там, где томилась его любимая женщина. Он старался не думать о том, что уже пришлось заплатить, и что придется, он точно знал, что, освобождая такую женщину, за ценой не постоит, и нет такой цены для него. Она и жизни его дороже.

И где-то рядом с ним стоял Ахилл. Он взирал на воду равнодушно и немо. Его волокли на чужую войну. И не было ему дела до той, которая свела всех с ума, и втащила их в водоворот смертей и боли, и еще меньше, до влюбленного безумца царя, он думал о том, что многие из них направляются только в один конец, и никогда не вернутся домой.

В ту ночь не сомкнул глаз и другой герой - троянский царевич Гектор, ему только что доложили о том, что попутный ветер раздувает паруса кораблей их врагов.

Спокойно спал, обнимая прекраснейшую из жен, только царевич Парис, и ему снилось, что он летает над бескрайним океаном. И он улыбался во сне.

И для каждого из них мирная жизнь с ее прелестями и радостями была уже почти в прошлом, а скоро она станет только сладостным воспоминанием, в огне и тяжести бесконечной войны, конечно, если они вообще останутся

живы. Но не пора ли оборотить свой взор назад и, пока еще не началась та самая война, вспомнить о том, что и как там было, в той великолепной мирной жизни.

Какого похищения не мог простить Тезею Агамемнон, почему из-за него так страдала прекраснейшая из женщин, что в объятия к Парису готова была броситься?

Много чего еще предстоит узнать нам с вами.

ГЛАВА 3 ВЛАСТЬ ИЛИ СТРАСТЬ?

ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ для Медеи, там, где оправдаться еще никому не удавалось и встреча с волшебницей Цирцеей

О, каким прекрасным был в тот день ее остров, залитый золотом солнечного света. Но Цирцея снова осталась одна, как только корабль с аргонавтами отправился дальше. Она понимала, что покою ее наступил конец в тот момент, как отправили юного Язона на край света. Требовала, чтобы раздобыл он (украл), золотое руно - подарок их отца Гелиоса ее брату Ээту. За этим самым руном гонялись боги и люди, и каждому казалось, что стоит только заполучить его, можно сидеть, сложа руки и наслаждаться всеми радостями жизни.

Правда, никто из них никогда не видел, чтобы хотя бы с другим подобное происходило. Но в том, что это так, были уверены все, вот и стремились к брату ее, царю далекой Колхиды на край света все кому не лень, а кому лень было, так воинов, и рабов, и нелюбимых детей туда отправляли.

За все эти годы грозный царь научился с ними справляться, и так это хитро делал (конечно, с ее помощью), что либо бежали непрощенные гости без оглядки, либо оставались там навсегда, сгинув где-то. Да и Дракон, охранявший руно нуждался в питании, а питался он исключительно такими проходимцами, которых, что самое удивительное, не становилось меньше.

Но так не могло продолжаться долго. Стали они своих богов на помощь призывать. А богам очень обидно было, что какой-то неведомый царь, числивший себя от титанов, так расправляется с их подопечными, и к ним никакого уважения не проявляет. А уж Гермес, и сам всегда готовый стащить то, что плохо лежит, и вовсе решил покончить с непреступным этим руном, и потому он узнал заранее обо всех заданиях-испытаниях, которые давал им царь. И были готовы новые непрошенные гости ко всем неожиданностям.

Но и с ними до сих пор как-то вместе они справлялись, пока не родился в этом мире Ясон. Это имя Цирцея в книгах Судеб прочитала задолго до появления юноши в этом мире. И пока оставался он странником в этом мире, но ничто не могло обмануть Цирцею. Она понимала, что он явится к Пелею, и отправит тот племянника своего подальше, в надежде, что если не раздобудет Язон руна, то и сам назад не вернется.

Но не знал пока царь вероломный, зато знала волшебница Цирцея, что сама Гера уже бросилась помогать Ясону. Она Афины к себе пригласила в тот момент, и стали они вместе думать, как спасти героя от гибели.

И не могли две воинственные богини ничего лучше придумать, как Медею, ее племянницу наградить любовью к этому красавцу. Так они собрались и шумиху вокруг руна прекратить, и волшебницу грядущую на весь мир ославить, потому что чувствовали, какая сила в ней сокрыта была.

Это был страшный удар для Цирцеи. Многому она обучила юную Медею, закалила ее различными снадобьями волшебными, но никто никогда не был защищен от любви, и Медея не была. А если учесть, что следили они все втроем за девушкой неотступно, то понятно было, что добром вся эта странная затея не может завершиться. И сам Ясон был хорошо собой. Только куда ему против внучки самого Гелиоса. И она не стала ее ни о чем предупреждать, потому что понимала мудрая волшебница, что трех богинь ей не одолеть, а напрасно пугать девушку тоже не стоило. И оставалось ей только наблюдать издали за тем, как бросилась помогать Медея незнакомцу, когда

отец ее суровый такие задания придумывал, что не вышел бы он живым после каждого из них.

Эта она предупредила о заговоре трех богинь, и он не мог сразу отказать храбрецу, но и сдаваться просто так не собирался, вот и совершал тот свои подвиги напрасные. Поля зубами дракона засеивал, а потом с железными воинами сражался, и много еще чего на совершал, а все сухим из воды выходил. А Медея уже добралась до самого Дракона, тот спокойно встретил хозяйку, даже хвостом завилял, ему и в голову не пришло, что она спокойно предаст их всех. Дракон был хоть и могуч, но наивен, он пока доверял людям, особенно тем, ради которых службу нес, за это и должен был жизнью своей поплатиться.

Много о чем не догадывались в те дни люди, звери и чудовища, потому что развлекались богини, упиваясь собственной властью, спасая одних, и гробя других.

Цирцея знала, что молодые богини не могли любить ни дочь Титана Гелиоса, ни внучку его. Если не совершить какого-то злодеяния против них, то со своими чарами волшебными они могут этот мир, им с таким трудом доставшийся, с ног на голову перевернуть. А это уже никуда не годилось, потому Гера и готова была объединиться даже с любимой дочерью Зевса, которую не она на свет рожала, и не смутило ее даже то, что обворовать они должны были сад ее сына Ареса, бога войны. А когда сказала ей об этом Фемида, узнавшая об их заговоре, только вспыхнула Гера:

- Вот и пусть делом займется, а то только за Афродитой своей и носится, уже забыл, как воевать и охранять.

Гера готова была жестко воспитывать не только Геракла, но и Ареса и не сомневалась в своей правоте. Ничем нельзя было взять богиню, которая задумала странные свои дела повернуть.

Цирцея таила молчание, она только смотрела, слушала и думала о том, как и что будет происходить дальше.

Медеи не составляло труда усыпить дракона. Язон получил заветное руно, еще не догадываясь о том, что это просто шкура барана, довольно маленькая и золотистая. Но она ни на что особенно не годится - очередной обман для того, чтобы отвлеклись герои от бунтов и делом занялись долгим и трудным, и себя проявили хорошенько. Сколько таких дел Аид в подземном мире для своих бунтовщиков придумал - вон Сизиф до сих пор камень в гору катит, и уверен, что на этот раз у него все получится. И он, хорошо сделав эту работу, будет освобожден от нее, ведь очень трудно поверить в то, что никогда он ее сделать не сможет, и освобождения не наступит никогда. Так и руно. От службы теперь можно было Дракона освободить, для остальных же беды и проблемы только начинались.

Когда корабли остановились на их острове, и сошли они на берег, вышла к ним красавица Цирцея. Она видела, как смущена была Медея, а на герое просто лица не было - он понимал, что творил недоброе дело. И только ее ласковая улыбка заставила этих двоих немного успокоиться.

А Цирцея просто не могла заставить торжествовать Геру, которая и ждала ее ярости, того, что она обвинит их во всех грехах и прогонит. Ведь кровь племянника ее родного и брата Медеи была на их руках, да и много чего еще припомнить можно было, но не припомнила. И тогда вина самих богинь не видна будет, когда и за что они отвечали - не бывало такого прежде. Но Цирцея вела себя как-то странно, и это встревожило Геру.

Когда они отведали кушаний чудных, и напитков испили добрых, стала она им советы давать.

- Чтобы отец ее не вернул назад и не расправился, ты жениться на ней должен, - говорила она Язону, и очень удивилась, когда тот задумчиво посмотрел на нее, словно он должен был сделать выбор, а ведь не было у него никакого выбора, разве не понимал он этого?

Но ничего этого в тот момент не замечала Медея, она была влюблена в первый и в последний раз и счастлива.

- Глупец, он не понимает, что, такая как Медея и мстить будет так, что мало не покажется.

Но ничего она не сказала тому, кто готовился стать героем. Она и после разрыва так много для него сделает, - думала в тот миг волшебница. Разве бы остался в веках этот проходимец, если бы не ее племянница?

Но к ней сразу же после их отплытия заглянул сам Гелиос:

- Я не понимаю тебя, дочь моя, - начал он без всяких приветствий, - почему ты так поступаешь с ними?

Она молча взирала на сияющего отца своего:

- Но что с ними делать прикажешь.

- Она твоя любимая племянница и ученица, этот парень, просто проходимец, который ради власти на все готов, а ты и упрека в их адрес не бросила.

- Это сделают другие, - отвечала она ему спокойно,- должен же кто-то пожалеть ту, которую все мы отдали на откуп новым богиням, позволяя им вершить то, что вздумается.

Цирцея бросала ему упрек, хотя он не особенно понимал, в чем она его обвиняет.

Гелиос окончательно запутался, он никак не мог уразуметь, что же ему делать с нею.

- Ты не видела брата своего, он погрузился в печали, он потерял наследника.

- Но не из-за того, что золотого руна лишился, а из-за того, что был слишком доверчив. Ведь шкура эта ничего не принесла ему, кроме хлопот и испытаний, дракона жалко, он ни за что погиб, а брат наш еще и возблагодарит богинь, за то, что не пожалуют к нему новые воришки и искатели бесплатного счастья.

- Они же нас всех уберут, эти новые боги, - возмущался Гелиос, он видел, что она отказывалась от борьбы.

- Но если нас так просто убрать, то, возможно, это и стоит делать?

Цирцея видела Прометея, прикованного к скале, и не сочувствовала ему, тот пытался служить Зевсу, вот и дослужился. Она же оставалась на своем острове и вмешиваться ни во что не собиралась.

Ему показалось, что Цирцея просто хочет его позлить, но обида ее была иной. Разве не видел он, как богини договаривались о том, как помочь Ясону, разве не видел он, все с высоты своей наблюдавший, как стрела Эрота полетела в юную душу Медеи, да сам Зевс никогда не мог уклониться и противостоять, а что уж о ней говорить. И надо было просто шагнуть навстречу и Гере и Афине (и сам Зевс никогда прямо не действовал, а искал окольные пути), но Гелиос упрямо хранил свое достоинство, и теперь, когда беда совершилась, самое просто было с ними расправиться, вот богини бы порадовались. А она не собиралась доставлять им такой радости.

№№№№№

Не только Гелиос, но и Ясон ничего не понимал, после того, как они покинули остров волшебницы. Он ведь знал точно, что его поступки были не особенно благовидны, а то, что творила Медея - это просто катастрофа. Но он помнил пока, что она делала все это ради него, хотя он вовсе не хотел таких последствий.

И если бы Цирцея обратила их в свиней, он бы понял это, а она посоветовала совсем другое - жениться на ней. И это в то время, когда он думал о том, как бы сбежать от нее. И если не делал этого, то понимал, что она может причинить ему какой-то вред, и уж тогда власти и золотого руна не видать, и все усилия и жертвы были напрасны. А ради власти и богатства, которые пока были для него иллюзорны, он готов был терпеть даже Медею, хотя понимал он, что окончательно запутывается. И вспоминал герой, как мечтал о тихой, покорной незлобивой жене, от которой бы только радость и свет исходили, но внучка Гелиоса готова была его спалить без остатка.

Медея мирно спала, когда он вышел на палубу. Как нестерпимо полило солнце. Как он мечтал скорее переступить порог своего дворца (там все еще царил его дядюшка) и, наконец, получить то, что он завоевал себе пусть и не особенно праведным путем. Ясон смел верить в то, что тот спокойно уступит ему свой трон, в то время как родственник этот только и ждал известия печального о том, что они сгинули и уже в царство Аида или Посейдона перебрались. Но в мечтаниях своих видел себя Ясон уже царем, правда и тут его поджидали огорчения.

Он вспомнил лицо Медеи и понял, что не стоит даже мечтать о возлюбленной и наложнице, она просто уничтожит любую из тех, кто стоит на ее пути. Но зачем тогда ему нужна и слава и власть, если он не может быть с той, которую будет любить по-настоящему. И он готов был отказаться от трона, который ему пока еще никто уступать не собирался.

От слепящего солнца слезились глаза. Новый его родственник, кажется, не был так благосклонен к нему, как волшебница, и он в унынии понимал, что, как только решается одна проблема, тут же возникает другая.

Цирцея думала о том, что пока Медея ослеплена страстью, ей не видно того, что спокойно бы заметила любая взрослая женщина.

- Он никогда не будет царем, даже если на какой - то срок захватит свой или чужой трон, он никогда не будет царем.

Последняя фраза по всем морям и океанам полетела, как странная птица и донеслась до Ясона. Он страшно побледнел, потому что понимал, что эти слова произнесены одной из богинь, и они относились к нему.

И в тот момент он понял, что должен забыть обо всех страхах и чувствах и мертвой хваткой вцепиться в Медею, потому что только с ней, с волшебницей Цирцеей, с Гелиосом он станет хоть кем-то.

Она не удивилась, когда он заговорил о женитьбе, и обрадовалась. В новый мир она вливала царицей без царства, но разве не хватит у нее воли и сил для того, чтобы на глазах у всех ради своего любимого изменить этот мир?

Она не могла знать только одного, в том мире, куда они направлялись давно и прочно царили три богини Гера, Афина, Афродита, которые были не благосклонны к ней, видя, что она во всем превосходит их, знали, что у нее есть какая-то тайна, и Цирцея, которая к ним относилась скорее насмешливо, чем с восторгом, и они понимали, что если не объединяться против Медеи, то она обойдет их всех. Они к тому моменту и забыли уже, что покровительствовали Язону, тем более что он так поспешно назвал себя ее мужем, в этом крылся какой-то подвох, какой-то сговор против них.

№№№№№№№№

Медея открывала мир, заранее против нее настроенный, она пока не понимала, что и тот, который назвал ее женой и царицей, был бессилен, и не только не мог ее защитить, но упорно ждал от нее новых подвигов. И хорошо, что она пока о том не ведала.

Но нашлась та, которая готова была и Аиду помочь, чтобы досадить благородным богиням, и это была богиня раздора Эрида, всегда любившая Гелиоса, и жаждавшая добиться от него благосклонности.

Не могла знать юная Медея, какая у нее грозная соперница. Эта самая богиня, видя, что положение у них плачевное, и не зная характера Медеи и подсунула ей ту самую царевну, которая и должна была поправить их положение.

Она предположить не могла, что Ясон давно готов был влюбиться в кого угодно, чтобы что-то изменить, а тут юная и прекрасная царевна. И она, узнав от него же самого о подвигах и странствиях героя, который и врагов разил, и с великанами сражался, влюблена была без памяти, и ни на что не смотрела, никого не слушала. Может быть, с ним и волшебница, но она ему царство подарит, и Ясон станет защищать ее - святая наивность

Он темнил, он готовил пламенные речи, для того, чтобы оправдать очередные свои неблагоприятные поступки. Медея сначала понять не могла того, что он говорил и делал. А потом оказалась странно спокойной. Любой бы насторожился, но он был просто проходимцем, а не хитрецом, потому все за чистую монету и принял, царство и царица так одурманили ему голову, что об опасности он в те минуты и думать не хотел.

№№№№№

Знала ли Цирцея о том, что должно было произойти. Наверное, она предпочитала не видеть, не слышать и не знать. И какой смысл был вмешиваться на этот раз. Медея в защите не нуждалась, он сам заслужил все, что происходило с ним, потому она предпочитала заниматься своими делами, отправилась в путешествие, и вернулась только, когда трагедия уже совершилась.

Она видела героя на берегу моря, он был в полном одиночестве. Гермес смотрел на него растерянно, он никогда не видел такого провала.

- И чего ты хотел, спокойной жизни, но ты взял в жены Медею, да и как можно было быть таким глупцом, я много чего повидал в этом мире, но такого еще не встречал.

При этом он не скрывал своего раздражения.

- Я свободен, - говорил Язон, и в мире еще немало царских дочерей и царств.

Это поразило посланника еще больше, чем недавнее отчаяние. Он неутомим, надо бы спасти от него и от колдуньи наивных царских дочерей.

№№№№№

Медея покидала мир, который был так к ней жесток, она остановила дракона перед пропастью и повернула его к Афинам. Тетушка говорила ей о том, что там она пробудет недолго. Но там будет настоящий герой, а не эта пародия, которая не заслуживает ничего кроме презрения. Она понимала, что

должна все хорошенько продумать, но любовь больше она никогда не будет особенно рассчитывать, она все устроит по иному, так, что богини еще поймут всю свою ничтожность, и мстить Медея собиралась Гере - этой верной и сварливой жене Громовержца, и конечно Афродите, богине любви.

В этом мире не было второй такой, которая бы бросила вызов богиням, не было и никогда не будет, но ведь и Медеи, внучки Гелиоса самого, никогда не будет тоже.

№№№№№

Пока Медея устраивалась в Афинах и возвращала молодость царю, Цирцея могла немного передохнуть и привести свой мир в порядок, она поджидала Одиссея, который по всем предсказаниям должен был задержаться на ее острове и подарить ей наследника. И для этого, не рассчитывая даже на собственные силы, она обратилась к богу страстного влечения Гиммеру, который и должен был ей помочь справиться с этим хитрецом. Но другой ей и не нужен был, с Ясонами они уже намаялись, и она кроме презрения к приبلудным царевичам ничего не испытывала. А этот воин, скиталец и герой. Настоящий герой, бросивший вызов богиням. Но эта история была еще впереди. Пока Медея в Афинах встречала Тезея - единственную настоящую любовь своей жизни.

ГЛАВА 4 **МЕСТЬ ВОЛШЕБНИЦЫ**

Явление героя (начало), первая женщина в жизни его и как Медея пыталась отомстить не только Язону, но и Тезею за то, что он ворвался в ее жизнь и спутал все планы

Богини бывают жестоки, в коварстве своем леденя
Очнулась тогда раньше срока, и вышла на берег Медея.
А юноша бурей влекомый куда-то в морскую пучину,
И брошенный в дикую схватку, он даже и не был мужчиной

Напрасно Цирцея молила, не трогать его, не случилось.
О, дикая прихоть и сила, забылась Медея, влюбилась.

И грозный отец отступает, и брат - только бледная тень,
Все дальше она уплывает, и множится ужас смертей.

Он слаб и беспечен до срока, да только слепая любовь
Всегда поступала жестоко, что стало, Медея с тобой?
Уже ничего не хотела, уже никого не ждала,
Соперницы юное тело, Огню ты его предавала,

Но дети, невинные дети. А он остается живым,
И только отчаянно светит луна обреченно над ним.
Куда ты сегодня, Медея, туда, где явился Тезей,
Последний герой, и робея, застыл он пред силой твоей.

Что будет? Еще непонятно. Но след от бывшего на ней.
Она пощадит, вероятно, в Афины явился Тезей
Богини бывают жестоки, в коварстве своем леденя
Очнулась тогда раньше срока, и вышла на берег Медея

А до Елены в жизни нашего героя была Медея. Страшно даже представить себе, что юный и прекрасный, в самом начале он столкнулся именно с ней.

Но так было когда-то. Но как это было?

Преданная и покинутая своим героем женщина будет мстить не только герою, но и всему остальному миру. И в мести ее будет своя правда и радость. А как еще могла утешиться могущественная и раздавленная предательством никчемного царя Язона волшебница Медея? Она решила мстить всему остальному миру.

В последний раз она оглянулась на тела своих сыновей, на изнывающую от адской боли царевну, решившую стать ее соперницей. Она за свое желание, за страсть к Язону заплатила сполна. Отравленный плащ и корону,- вот что получила она из рук отвергнутой волшебницы, и поспешила примерить и полюбоваться чудными вещицами, решив, что Медея добра и великодушна.

Она узнала ее великодушие, когда сдирала их с себя вместе с кусками кожи и мяса. Ее смерть была долгой и мучительной. И предатель все это видел и страдал, а чего еще он мог от нее ждать?

Даже богиня Афродита должна была прийти в ужас и трепет, когда она, уверенная в том, что любовь оправдывает все, и в любви, как в сражении, все средства хороши, даже когда она увидела, как отомстила Медея, и то воскликнула Гермесу с диким ужасом в глазах:

- Догони и уничтожь ее.

И она была подвержена этой дикой страсти, от которой разрывалась на куски душа Медеи. Но Гермес не двинулся с места.

Легко сказать, попробовала бы она сама это сделать, да и когда вестник богов был палачом, он только приносил в этот мир дурные или хорошие вести, хотя кто же на первый взгляд отличит дурные от хороших известий, и со временем они становятся совсем иными. Но уж учинить расправу над Медей, даже если бы ему приказал Зевс, и тогда бы он не стал этого делать, выкрутился бы как-то. Зевса он боялся меньше, чем Медею - это точно.

На этот раз она ушла от наказания. Надо было как - то устраивать свою жизнь дальше, она покинула опостылевший ей мир, и дракон случайно или специально принес ее к Афинскому царю Эгею.

Знал ли он о том, что произошло с Ясоном, или не догадывался даже? Кроме собственной персоны его ничего не интересовало, его жизнь подходила к закату, а ему так хотелось возратить пыл молодости, и прорицательница сказала, что только волшебница может сотворить такое, и она скоро появится. Вот и явилась дева на чудном золотом Драконе, это была она, а незнакомка так молода и обольстительна, она пообещала ему не только избавить от болезней, но и вернуть молодость. Как же было ему не жениться на ней, и не сделать царицей Афин.

Медея на этот раз добилась своего. И царь помолодел, она не обманула его. И когда память вернулась к нему, то вспомнил он и не особенно приятные вещи, о которых ни за что не хотел говорить своей царице, чтобы не тревожить ее.

А было это в пору той первой молодости, когда он отправился в путешествие по миру, и было ему предсказано, что не должен он развязывать

до конца путешествия бурдюк с вином, иначе умрет от горя. Но кто же так силен, чтобы не нарушить клятву. И не у каждого во врагах лютых числилась Афродита. Вот и не смог он удержаться от соблазна, напиться доброго вина, и ждал исполнения пророчества. А она уж смогла забросить его к какому - то неведомому владыке Питфею.

Вот в довершение всего в постели дочери его царь Эгей и оказался пьяным и ничего не помнившим. Он ничего не мог объяснить. Оставаться там царь был не намерен, вот и сбежал от возлюбленной своей, оставив под камнем только меч и сандалии, по которым и мог опознать своего наследника, который придет к нему, когда подрастет, конечно, если он вообще появится на свет.

Не знал Афинский царь и не интересовался он до сих пор тем, появился ли у него наследник, или напрасно он волновался. Только теперь, когда с ним рядом Медея оказалось, вовсе ему не хотелось, чтобы старые истории их обоих тревожили. Она так много для него сделала, и он не собирался ее лишать наследства. Афины он собирался подарить своей царице. Если кто-то после его смерти и должен был стать царем Афин, так ее, а не чей-то сын.

Напрасно надеялся Эгей, что волшебнице, ставшей царицей, ничего не известно. Она хорошо знала старую историю, и когда поняла, что если наследник существует, то он скоро объявится, тогда она и отправилась на остров, к тетушке своей, волшебнице Цирцее, которая всегда ей помогала, и молодость мужу ее подарила именно она.

На этот раз волшебница была грустна.

- Сама видишь, как иллюзорна, бывает победа наша, в тот момент, когда хотелось бы отдохнуть и ни о чем не думать, мир и рушится прямо нам на головы.

Нахмурилась Медея. Тетушка могла немного сгущать краски, но она никогда ее не обманывала.

- Ты хочешь сказать, что и этот царь таков же, как и Язон, получив молодость, он бросит меня и будет искать молодую?

- Да нет, все они разные. Молодость его - иллюзия, он изменять тебе не собирается. А то, что задолго до твоего появления случилось, изменой не считается, только тебе от этого не легче.

- Значит, наследник все-таки существует, это не сказки глупых старух, - разочарованно вздохнула Медея.

- Да, он поднял уже камень, достал меч свой и сандалии царские и к Афинам направляется. Если даже ты и родишь ему сына, он только младшим будет, хотя и молодой царь этот мало на что способен, а тот, кто твоим первым врагом станет, он говорит, что отец его сам Владыка Морской.

Медея нахмурилась еще больше.

- Он так говорит, или это так и есть на самом деле, тетушка, ведь это большая разница.

- Не стоит о том, говорить, Медея, если его не остановили и перуном не проткнули, то это может и правдой оказаться.

Тетушка молчала, больше она от нее ничего добиться не могла, но и успокоиться невозможно было после таких вестей. Медея, словно загнанный зверь, металась по острову.

- И что мне делать прикажешь?

- Сама потом увидишь, что об этом заранее говорить.

Они были на морском берегу, и Владыка морей мог слышать их, а она вовсе не хотела, чтобы волной огромной накрыло ее уютный остров. Ведь и эта жертва ничего не изменит в судьбе Медеи, она уже определена раз и навсегда

Она могла рассчитывать на помощь тетушки, да и сама со многим справиться. Но утешения были какими-то слабыми.

№№№№№№№№

Юноша поднял камень и достал меч и сандалии. Он знал, что настала пора отправиться в прекрасные Афины, там правит тот, кто должен передать ему власть - так сказала ему мать, и отец, который уже несколько раз являлся

ему во сне, а однажды, когда он стоял на берегу моря, внезапно поднялась буря, и он увидел его. Как же прекрасен и силен был Бог морей, и его отец. Он и сказал ему об Афинах, и о клятве царя, который считает себя его отцом.

- Ему нужен наследник, и ты им станешь в свое время.

Тезей понимал, что это время настало.

Долгим и трудным оказался его путь, потому что выбрал юноша опасную дорогу, чудовища и звери дикие на пути у него вставали. И со всеми приходилось ему сражаться. Но вскоре он убедился в том, что люди бывают еще страшнее зверей лютых. Тогда он столкнулся с великаном Перифетом, он убивал всех странников железной дубиной.

Цирцея не сказала Медее о том, что она уже просила этого разбойника встретиться с Тезеем и расправиться с ним, а потом следила за тем, что из этого выйдет. Она поняла сразу, что кто-то предупредил юношу, потому что он подкрался к спящему разбойнику, схватил огромную дубину и опустил ему на голову в тот момент, когда тот только глаза раскрыл.

- Это еще что за дела, - только успел крикнуть он, когда Тезей ударил его во второй раз еще сильнее.

- А говорили, что тебя так не убить, будто ты заговоренный, - как ни в чем не бывало, говорил Тезей, разглядывая мертвого великана.

Волшебница, тоже здесь оказалась, обернувшись черной вороной, и все это видела, она понимала, что должна остановиться, иначе подобно Гере, она сделает из него героя, и дадут ему ее имя. А этого только ей не хватало.

Слава о юном герое, сокрушителе великанов и разбойников, уже дошла до Афин, сначала Медее решила, что говорят о другом человеке, потому что тому, кого она опасалась, проще было добраться по морю. Но кто ей сказал, что герой будет выбирать легкий путь.

И она стала упорно думать, что же ей делать, когда он появится. Конечно, можно было заставить его влюбиться в себя, подчинить, и убрать царя. Но она не хотела больше повторять собственных ошибок, кто сказал, что, став царем, после всего, что она для него сделала, и Тезей не предаст ее, как это сделал

Язон? Нет, надо более верный способ найти - просто убрать его. Царя настоящего она уже заполучила, осталось только его царство себе забрать. Отравленный плащ, именно так она убрала царевну, и очень надежно получилось, мертвый Тезей не сможет ее предать, не станет выбирать себе новую царевну. Так она и решила поступить с ним.

А герой уже входил в Афины. И взирая на город, который ему был обещан, он был счастлив. Столкновения с чудовищами и разбойниками ничему его не научили.

Медея видела его с самого начала, когда он продвигался по улицам города, который она уже привыкла считать своим. Переодевшись в платье своей служанки, она незаметно двигалась за ним. Он был очень молод, силен и красив. Ее душа воспламенилось, но тем больше хотелось ей убрать его со своего пути, чтобы и следа от него не оставалось.

- Никогда больше я не стану делать ставку на любовь, - говорила она, - даже если это будет Гермес или сам Зевс, особенно если это окажется Зевс. Они оставляют и предают нас без всякого сожаления. Это мы должны оказаться сильнее, чем они. А любовь лишает нас не только сил, но и разума.

И в этом Медея оказалась постоянна, решения своего она больше не меняла.

А между тем Тезей - юный и прекрасный, уже появился на пиру у царя Эгея.

- Он дерзок и не обуздан, - усмехнулась волшебница.

Молодая царица понравилась юноше. Он слышал о ее темном прошлом, но это привлекало еще сильнее. Он надеялся на отца своего, и еще больше верил в то, что она никогда не сможет серьезно ему навредить, а вот оказаться в ее постели - это так увлекательно, тем более что он никогда не считал Эгея своим родным отцом, и не видел причины для запрета.

Ему и в голову не могло прийти, что царица может отказать ему, какими бы не были ее соображения по этому поводу.

-Сначала ночь страсти, а потом можно и повраждовать от души, если она еще захочет сражаться, после того, что между ними случится, - самодовольно думал царевич.

Юность наивна, она полагает, что весь мир думает так, как она сама. Но Медея, улыбнувшись, в тот момент протянула ему чашу с вином.

- Сама царица должна угостить героя, - говорила она, - я не могу доверить этого своим служанкам.

Она и не собиралась никому доверять.

Царь, как ни глуп и ни пьян он был, прекрасно понимал, что задумала Медея, но он добродушно думал о том, что она должна потешиться, а сам он докажет всем, что ничего не ведал и к этому не причастен. Это была почти правда.

И когда юноша благодарил ее и готов был выпить кубок до дна, взгляд Эгея внезапно упал на меч на поясе его, и тогда он понял, кто перед ним находится, извернулся словно змея, и выбил кубок и рук юноши.

Отпрыгнули люди, пировавшие вместе с царем, они кожей почувствовали страшную опасность, вино пролилось на дорогой ковер и зашипело. На нем осталось белое пятно.

- Сын мой, ты пришел ко мне, я уж думал, что и не дождусь тебя, - говорил в тот момент царь.

Все происходило так неожиданно, так быстро, ничего больше не могла предпринять царица, чьей власти пришел конец.

Медея понимала, что сорвалось все в последний момент, она не сможет ничего больше сделать.

Но не только о наследстве думала она, ее жизни угрожало что-то, ведь мальчишка наверняка захочет с ней расправиться, как только он узнает о том, что было в чаше с вином. Ждать и медлить было некогда. И тревожно кричала ворона у нее над головой, предупреждая об опасности.

Медея бросилась в свои покои. Она заклятием вызвала дракона, успела схватить только самые дорогие вещи, и запрыгнула на дракона своего.

На этот раз все оказалось еще страшнее, она не смогла даже отомстить за себя, а проклятый царь, которому она подарила молодость, встретил своего сына и наследника. С ней же он расправится, не моргнув глазом. Такова его благодарность.

Она остановила своего дракона.

- Подожди, мне надо передохнуть и подумать, я не могу оставить их просто так, - твердила она.

№№№№№№№№

Вместе со всеми узнал Тезей о бегстве царицы. Он сокрушался о том, что так и не сможет соблазнить ее. Значит, первой его женщиной станет не могущественная и прекрасная Медея? Вот что угнетало его больше всего.

- Не грусти о ней, - угрюмо говорил Эгей, - она хотела тебя отравить.

- Она успела меня отравить, отец, я всегда буду мечтать о ночи с ней. Ничто не может быть так желанно, как то, что недоступно.

- Да, эта зараза, которая никогда не проходит, я и сам уже скучаю и тоскую без нее, - признался вдруг царь, и опрокинул очередной кубок с вином.

В тот же миг он снова ощутил себя старым и одиноким. Тем более что взрослый сын сидел с ним рядом.

В тот вечер они были странно откровенны друг с другом. Но долго скучать и тосковать им не пришлось, потому что вскоре к городу подступили 50 сыновей Паллада - брата Эгея. Их вовсе не устраивало то, что появился невесть откуда наследник, а уж волшебница смогла обрисовать им картину вероломного захвата власти авантюристом, у которого ничего нет за душой.

- Ему удалось раздобыть где-то меч, который царь принял за потерянный им когда-то в юности, словно мечи чем-то отличаются, а он может чужой от своего отличить. Ваш брат доверчив и он готов отдать власть любому, но вы должны завоевать то, что принадлежит вам.

В запале каждый из них обещал сделать ее своей царицей, Медея только усмехалась - глупцы, она сама выберет себе царя.

Поверили ли они волшебнице, или просто она угадала их намерения, но над Афинами нависла в то время страшная опасность.

№№№№№№

Дракон метался над осажденным городом, Медея думала о том, как она расправится со своими помощниками, когда они уничтожат Тезея. Ей не нужно было так много царей, хотелось только среди всех найти хоть одного верного и преданного ей, но и это оказалось не так просто.

Когда ночью Тезей обрушился на мирно спавших своих родственников, Медеи поблизости не оказалось, предупредить их было некому. Так в одну ночь исчезла половина претендентов на ее руку и сердце, выбор ее значительно сузился.

Когда на рассвете проснулись остальные (у него просто не хватило времени перебить всех) они увидели, что произошло, тогда и бросились они на утек.

Вернувшись, Медея и глазам своим не поверила - перед ней лежали только мертвые воины ее. И не нужно было спрашивать о том, кто с ними расправился.

Она вспомнила слова Цирцеи о том, что он сын Посейдона, и не стоит гневить грозного бога. Она и сама уже понимала, что не стоит, и решила быть благоразумной. На какой-то срок.

Она хотела убраться пока с его пути и следить за ним издали, мстить блюдо, которое подают в холодном виде, и обязательно наступит момент, когда она ударит его в самое сердце. Она не могла забыть его взгляда. Как он мечтал о ней, даже в тот момент, когда она протягивала ему кубок с отравленным вином.

- Любовь, так любовь, - про себя решила Медея, в этом была даже своя прелесть, она и сама была когда-то наивна и доверчива, так, что позволила проходивцу Язону исковеркать свою жизнь.

Он полюбит другую, навсегда, а потом найдет на его голову Гермес, который и заставит его страдать, а ее ему не на что будет упрекнуть:

- Ариадна, Ипполита, Федра, Елена, - повторяла Медея пока еще никому неизвестные имена, - он выпьет чаше отравленного вина до дна, и умирать будет долго и мучительно, она об этом позаботится, но ее имя будет для него не только первым, но и последним. Потому что эти девицы - только слабые тени в его героической жизни

ГЛАВА 5 ЯБЛОКО РАЗДОРА. ПАРИС. Явление второго героя, без вины виноватого Париса, и как все изменилось в этом мире после его явления.

Ведает ли младенец, еще томившийся в утробе матери, о том, что с ним случится в грядущем, знает ли он, что станет яблоком раздора для грозных царей и воителей.

Хотелось ли Парису прийти в этот мир, пришел бы он сюда, если знал заранее, что из-за него, помимо его воли будут происходить такие события, и боги и герои вдруг обратят свой взор на прекрасного и скромного пастуха, каковым он себя и считал долгое время.

Потом, на стенах Трои, он часто думал о том, что самым лучшим выходом из той заварушки, в которой он оказался, и было оставаться пастухом. Но каждый хорош задним умом, а тогда когда к пастуху пожаловали богини, разве можно было подумать, что это и будет началом беды.

Но как он мог даже предположить, что погибель его и его мира будет так обольстительно выглядеть: Афина, Афродита и Гера. К каждому ли они приходят даже во сне, не говоря уж о реальности, втроем, просят, стараются обольстить, обещают невероятные дары. Но с ним было такое, хотя потом он и сам уже сомневался в том, что ему это не приснилось.

Лучше бы приснилось, потому что сны предупреждают об опасности, а тут все так волшебное и красиво, а опасность уже окружила тебя со всех сторон.

У них было яблоко, но и сам он был таким же яблоком для своей собственной семьи. Беда пришла задолго до появления богинь, еще до его

появления в этом мире, когда его матери Гекубе приснился горящий факел. Если бы она промолчала и не бросилась выяснять, что может значить этот сон, то, возможно, все бы обошлось, и он не встретил бы богинь, ничего не знал бы о Елене, и Троя оставалась бы цела и невредима. Но матушка побежала узнавать у своих оракулов, что значит горящий факел, и тот не нашел ничего лучше, как только сказать ей, что сын ее станет причиной гибели ее царства.

Что она должна делать в этом случае. Царь был мудр и заботлив. Судьба младенца и судьба мира - это не равные беды. И он решил все просто, он приказал бросить ребенка в лесной чаще на верную гибель. Словно боги бы позволили ему умереть по воле царя, который решил с ними спорить. Не позволили. Рано успокоился царь Приам. Нашлись добрые люди и звери, они спасли младенца от смерти лютой и вырастили, веря, что совершают доброе дело, да и как было знать, что в мир вместе с таким прекрасным юношей могло прийти зло?

Он мог стать кем угодно, но взял его себе пастух. В том мире в то время царевичи часто становились пастухами, пастухи царевичами реже, но тоже бывало и такое.

Много сыновей было у царя Приама, одним из них - беспомощным младенцем, он должен был пожертвовать ради остальных, но вся шутка богов и состоит в том, что спасенные и должны были погибнуть из-за того, кого их отец неосмотрительно принес в жертву. Не могли решать смертные, даже если они и были царями, кто станет героем, а кто жертвой, все было определено без них. Но в тот момент, когда появились богини, Парис, считавший себя пастухом, еще ничего этого не знал. Он взирал, немного щурясь от ослепительного света, на трех богинь и понимал, что только одной из них достанется яблоко, на котором было начертано: «Прекраснейшей».

- Сам Зевс послал нас к тебе, ты должен разрешить наш спор, - говорила Афродита, - ей проще всех было разговаривать со смертными, они понимали язык любви. Афина с ними почти никогда не разговаривала, Гера была

слишком горда и заносчива, потому они и поручили ей вести переговоры с пастухом. И очень опрометчиво поступили, о чем потом пришлось сожалеть

№№№№

Царь Приам сидел в своем дворце, погруженный в тяжкие раздумья, только что слуги его прогнали черную ворону, которая влетела в залу, пронзительно кричала и никак не хотела улетать. Когда столько детей и столько забот, всегда что-то случается, но на этот раз в его покои вбежала его дочь Кассандра, это было пострашнее вороны, и стала что-то поспешно говорить. Сначала он и не слушал ее слов, она всегда говорила о таких ужасных вещах, которых просто не могло быть.

- Отец, послушай меня, - просила девочка, - он жив, и он разговаривает с богинями, еще немного и наша судьба будет решена.

- Да о чем ты, кто разговаривает с богинями.

- Мой брат, - она замолчала, не в силах произнести имени.

- У тебя дюжина братьев, будь добра, говори точнее, у меня болит голова, и не осталось никаких сил слушать глупые речи девчонки.

- Я говорю о том, кого ты считаешь мертвым, он вырос в лесу, его пока считают пастухом.

- Любой пастух согласится считаться моим сыном, и что в этом нового.

- Но Парис твой сын, мне - то ты можешь поверить.

- Парис? О чем ты, бедная моя, у меня нет сына с таким именем.

- Верно, так его назвал тот, кто вырастил, но он твой сын, ты велел отнести его после рождения в глухой лес, но он не погиб, он погубит нас.

- Уходи прочь, я не хочу ничего знать, сколько можно жить среди глупых сказок.

Царь пришел в ярость, и Кассандра покорно ушла. Но она видела прекрасно, что он помнит того младенца, которого похоронил при рождении, только не хочет верить в то, что он жив. Так проще и легче, но тот горящий факел никто не погасил. Это был не в силах сделать царь.

Бредя по коридору, она говорила вслух. Царица прислушалась к речам своей дочери. О, как она боялась ее речей.

- Что с тобой, Кассандра, о каком факеле ты говоришь.

- Он жив, матушка, он говорит с богинями, у них яблоко разора, и он должен отдать его «Прекраснейшей».

- Отец злится не даром, твои речи путаны и совершенно непонятны, кто жив, какое яблоко не могут поделить богини, и откуда взялся факел.

НО если все остальное ей и на самом деле не было понятно, то, повторив слово «факел», она вдруг вспомнила свой старый сон, предсказание.

- Не может быть, не хочешь же ты сказать, что тот ребенок выжил? Он давно мертв, детка.

По молчанию Кассандры и ужасу в ее глазах она поняла, что это не так. Попятилась и прижалась спиной к холодным камням стены царица.

- Какие богини, какие с ним богини, - схватив ее за руки, стала пытаться она. Словно от имен богинь все в их жизни и зависело:

- Афина, Гера, Афродиты.

- Да, конечно, я так и думала, я знала, но что он выберет, власть, войну или любовь. Ему не хватает и того и второго и третьего, но скажи мне, что он выберет.

- Любовь, Парис сказал любовь, - словно эхо произнесла она, и отошла в сторону.

- Ты сказала Парис, его зовут Парис.

Царица немного помолчала, словно вспомнила ее слова, а потом повторила:

- Любовь, может, это не так страшно, как война и власть, он выбрал не войну, а любовь, остается надежда...

- Матушка, - пронзительно закричала Кассандра, - все войны бывают из-за любви.

- Уходи, я не хочу тебя слушать, я не могу тебя слушать, дитя мое, Лучше бы ничего не знать, откуда у тебя этот дьявольский дар.

Кассандра осталась в одиночестве. Она видела богинь, слышала, как предлагала пастуху Гера власть над всей Азией, Афина - победу в войне, но он оказался так глуп, что поверил Афродите, он отдал ей яблока, а лукавая богиня ему руку и сердце Елены. Она в тот момент не сказала этому глупцу, что она - жена Меленая и возлюбленная самого грозного из царей Агамемнона, а что еще могла ему подарить такая богиня, как Афродита. И он полетел, словно бабочка на огонь, поверив ее притворным речам.

№№№№№№

Считавший себя пастухом, когда понял, что ему не улизнуть от богинь и на самом деле сделал свой выбор. Он не хотел власти, ему совсем не хотелось воевать. Прекрасную женщину он посчитал самым маленьким злом и самым большим даром - и то, и другое стало страшной ошибкой. Но откуда было это знать воспитанному пастухом, все хитрости и коварство мира ему были неведомы. И никогда не знавший любви, только о ней он и грезил, о любви дочери Зевса, и царицы Спарты. Сколько за нее придется заплатить, его не волновало.

Гера отправилась прочь, Афина что-то сказала о том, что он пожалеет о своем выборе, Афродита загадочно улыбалась, но ее улыбка показалась ему страшнее, чем угрозы богини войны. И все-таки дело было сделано.

В тот день Парис навсегда должен был покинуть лачугу пастуха, чтобы узнать о том, кем он был рожден, и что должно было произойти. Любовь уже наполнила его сердце большой радостью и большой печалью.

№№№№№№

Приам решил обмануть богов. Он объявил об играх в честь его погибшего когда-то сына. Он был щедр, и пообещал отдать победителю лучшего из быков царских стад. Вот и повел свое стадо в город пастух. Его пока еще никто не видел из царской семьи. И только девочка-царевна приблизилась к пастуху и пристально на него взглянула.

- Почему ты на меня так смотришь?- удивленно спросил он, ему было неловко и неуютно рядом с ней.

- Уходи и не возвращайся.

- Со мной говорили богини вчера, почему я должен исполнять приказы царевны?- спрашивал он.

Она убедилась еще раз в том, что это тот самый пастух.

Он не собирался уходить, он пошел на состязание, и победил того, кто никто никогда не решился бы победить - старшего сына Приама - Гектора, наследника и героя героев.

Царица лишилась чувств. Она поразились тому, что кто-то мог победить Гектора, но она узнала победителя. Если бы Кассандра вчера не говорила о спасенном сыне, она бы не поняла все так быстро, но она не раздумывая больше, бросилась к Приаму.

- Это наш сын, он жив, он вернулся, ты не можешь прогнать его во второй раз. Парис, Кассандра сказала, что его зовут Парис.

Услышав свое имя, юноша решил, что царь зовет его, и подошел к ним.

- Я слышал, но откуда вам известно, как меня зовут.

Ничего ему на это не ответил грозный царь, потому что прямо ему в глаза взирала его обнаженная совесть, и он не мог больше отречься от своего уже один раз преданного сына.

Но в это время к ним приблизился Гектор.

- Отец, откуда ты взял этого парня, кто он такой, по какому праву он участвовал в соревнованиях?

Царица смотрела на него. И он не смог сдукавить и на этот раз.

- Это твой брат, мы считали его погибшим, но он выжил, и он вернулся к нам.

Гектор отошел от него в сторону. Отец просто поверил бредням их сестры, у него никогда не было брата, которого звали Парисом, но почему молчала царица? Она всегда была благоразумна.

Гектор долго разговаривал с братьями, а потом они обрушились на него, когда он собирался покинуть город. Храм Зевса стоял на пути у юноши, и он рванулся туда, решив, что Громовержец не позволит совершиться убийству.

Когда они ворвались в храм, Кассандра шагнула к ним навстречу. Она была жрицей этого храма, и они не посмели убрать ее с пути своего.

- Это Парис, и вы не посмеете убить его здесь, Зевс не позволит вам этого, - спокойно говорила она.

Они и сами уже понимали, что не позволит. О, как ей хотелось, чтобы он умер, исчез, но она не могла позволить, чтобы Гектор расправился с родным братом, который ни в чем не был виноват, и запятнал свое славное имя его кровью.

Когда царевичи ушли, она осталась с ним, рассказывая ему постепенно всю его историю. Она смотрела в его ясные глаза и спрашивала бога своего:

- Почему этот мальчик стал яблоком раздора для всех, что ему делать, как быть. Чтобы он не выбирал, чтобы ни делал, у него тут же появлялись враги: Афина, Гера, их братья, отец, ахейские цари.

- Мне жаль тебя, - говорила Кассандра, - но мне очень страшно за наш мир.

Она видела гнев Афины и ярость Геры, что может быть страшнее оскорбленных богинь, но в одном они были едины - он должен отправляться в Спарту.

- Агамемнон не потерпит такого оскорбления, он сотрет Троию с лица земли, - твердила Афина, упиваясь собственной мстостью.

- Он заслужил этого, пора и Афродите наказать, она давно творит то, что вздумается.

Когда Парис сказал отцу, что он хочет повидать мир и отправиться в путешествие, тот быстро согласился.

Ни в чем не мог больше отказать своему сыну царь Приам. Он сам приказал построить для него корабль, надеясь на то, что он отправится в путешествие и не вернется назад, в дороге ведь всякое бывало, и истинные

герои не возвращались, а он так юн и неопытен. Они же еще выиграют какое-то время, укрепят свое воинство. Да и кто сказал, что он сможет отнять Елену у царя Менелая, за спиной которого стоят сам грозный Агамемнон, но если это случится, то пусть они пеняют сами на себя.

Царь Приам был стар и мудр, он знал, что лукавит, предсказание о горящем факеле сбудется, Афродита поможет ему украсть Елену, а чтобы развязать войну ей в том и Афина поможет, а Гера, которую унизил и обидел его сын, о ней лучше не думать вовсе. Он и не думал. Нужно было просто жить и радоваться жизни, пока еще была такая возможность.

Парис вскочил на корабль, который отправлялся в Спарту, так все начиналось.

Богиня Афродита взглянула на него с нежностью и печалью. Она вспомнила совсем другого юношу, такого же прекрасного. Только это было слишком печальная история. История случившаяся так давно, но она не могла о ней забыть.

Гера и Афина наблюдали за ней, кипя от злости. Они никогда не простят ей Париса и яблока. Но и они припомнили старую историю.

- Мало ей Адониса, - ворчала Гера,- еще и этот мальчишка понадобился.

- Но он выбрал ее, - говорила Афина.

И она в тот момент думала о том, чье имя причиняло и ей странную боль.

ГЛАВА 6 КТО УБИЛ АДОНИСА

Загадочная история о том, как умер возлюбленный богини любви, как в античности плело коварство сети

И пришел в этот мир прекрасный юноша. Его любила богиня любви Афродита. Какое счастье, какая честь, - скажут одни.

- Какое горя, - возразят им другие.

И что самое удивительное, и те и другие окажутся правы.

Нет более восхитительного создания, чем она, никто не подарит такого вдохновения. Но разве не за все в этом мире платить надо. А плата за любовь богини Афродиты может быть только одна.

Выбрал ли ее сам юноша, или он только подчинился обстоятельствам, не в силах им противиться, кто мог знать это, но он обречен. Об этом и говорили все время пряхи, до того самого момента пока не грянул гром и не случилась беда. А она не заставила себя долго ждать.

Адонис был мертв. Богиня Афродита устремилась в горы с телом любимого. Никого, даже Эрота она не хотела видеть в те дни, и он не осмелился последовать за ней. Да и что было делать ему там, в горах, где не было людей, и духи были очень редко.

Сатиры и Пан всегда обходились без него, и самое главное он по-настоящему боялся своей матушки, она казалась ему совершенно безрассудной. Ничего не осталось от прежней восхитительной богини любви.

В огромной пещере высоко в горах скрывалась Афродита от всего мира, сначала не заметившего ее исчезновение, потом как-то обходившегося без нее, потому что свет в мире не исчез, Никта - богиня ночи не могла вернуться на землю, да и не хотела особенно возвращаться, но любви там не было и в помине.

Первым приуныл Зевс, впервые за многие века его ни к кому не тянуло, не нравилась ни одна женщина или богиня, и он сначала просто молча пил нектар, ни на кого не глядя, а потом стал злым, почти яростным.

Сначала Гера не высказывала никаких опасений, даже радовалась тому, что он оставался все время в своих чертогах, но как только опасность миновала, а даже появления ее он не переносил, она стала мечтать уже о том, чтобы он удалился куда-нибудь, отправился на свидание. Но он и не думал о том, можно было в любое время заглянуть в его чертоги и всегда найти его там, но лучше не заглядывать, если жить не надоело спокойно.

Она поглядывала и на остальной мир, ведь такие странные перемены произошли и со всеми остальными, и понимала, что лучше не смотреть на

него, все было унылым, далеким и печальным. Гера пребывала в смятении, но все еще не собиралась признать, что без Афродиты им не прожить.

И только когда появилась Афина и спросила ее о том, что же так ее убивает, если все именно так, как ей того хотелось, ничего на это не ответила Гера, и только завила, что она и сама справится.

- Конечно, конечно, ты у нас верховная богиня, вот и справляйся,- поддержала Афины невесть откуда взявшаяся Артемида.

Большого труда стоило Гере, чтобы сдержаться и не напомнить ей из-за кого все это произошло. Но она промолчала.

- Я нашла ее в горах, - говорила Артемида, - вернее мои собаки ее там обнаружили, со мной она разговаривать не хочет, требует Зевса. Она обещала вернуться, только если мы исполним одно ее условие.

Гера даже подумать боялась о том, что это может быть за условие, но она не была настолько глупа, чтобы не понимать, что рано или поздно им придется исполнить то, что требует богиня, чтобы она вернулась назад. Но что нужно ей от всех остальных.

Зевс вернулся от Афродиты еще злее и печальнее. Он ничего не сказал ни жене, ни дочери, только потребовал Персефону из Аида вызвать в неурочный срок, и приказал собраться всем остальным.

Гера пребывала в волнении неопишемом. Когда все собрались, появилась Афродита, в черном одеянии, с каменным лицом узнать ее было очень трудно. Она остановилась перед ними, странно распрямившись, и заявила: - Я могу уйти навсегда, только если вы не хотите, чтобы это случилось, и я оставалась с вами, тогда скажите мне, кто убил Адониса. У кого хватило духа все это совершить, я не знаю, что я с ним сделаю, но все остальные смогут жить спокойно. Решайте сами. Мне не нужны доносы и домыслы, пусть виновный найдет в себе смелость признаться сам, а там видно будет.

Легко сказать - признаться, и потом на него обрушится богиня любви, уж лучше скандал Геры и ярость Афины - они быстро проходят, а тут все совершенно безнадежно.

Зевс посмотрел на собравшихся. Он решил, что вину стоит взять на себя. Но тогда он лишится ее благосклонности, и если теперь у него были только маленькие неприятности с возлюбленными и детьми, то тогда...

Она молчала, готовая в любую минуту удалиться, но в тот самый миг, пока Зевс не решался взять всю вину на себя. Подал голос Гефест:

- Хватит пытаться их - это сделал я, - а что ты хотела, долго ли я, муж твой должен был еще позориться с тобой? Такой наглости нет ни у кого, прости, если я тебя обидел, и парня немного жаль, недолго он пожил на этом свете, только другого не жди.

- И как же ты это сделал? - горько усмехнулась Афродита.

Она понимала, что ее муженек готов был закрыть своей широкой спиной всех остальных. Возможно, он покрывает кого-то конкретно, но самое главное - это было похоже на правду, у него была причина для того, чтобы убить Адониса. А она и не думала о нем. Хотя, когда они с Аресом резвились, и он набросил на них сетку, и в таком виде явил остальным, она тоже не ожидала от него такого предательства. Вот уж точно в тихом болоте черти водятся, но если убил он, какое наказание она может придумать для того, кому так часто изменяла, притом, что он ни в чем не был замешан?

- Не надо меня защищать, Гефест, - услышали они пьяный голос Ареса, - ведь всем известно, что сделал это я.

Он немного помолчал и надменно взглянул на остальных, а потом продолжил.

- Это ты можешь придумывать сетки и разные трюки, а я просто вояка, и кабана для этого юнца вполне хватило, он был так наивен и глуп, так привык доверять всем, словно и не в Аиде самом, а в заповедной роще вырос.

Афродита взглянула на своего пылкого возлюбленного и понимала, что он мог сделать это, особенно когда находился в пылу ярости, и ничего не понимал и не разбирал. Но как она могла наказать бога войны, да еще такого, как Арес, ей вовсе не хотелось даже думать о том, и вдруг чувство ревности одержало верх над всеми остальными чувствами, взглянув на замешательство

Персефоны. Богиня тьмы явно что-то скрывала, она поняла, что Арес просто защищал ее от гнева своей любовницы.

Он и прежде, так часто спускался в Аид, так любил там бывать и всегда находил для этого причины, а сама Афродита так часто его оставляла, что было бесспорно, что у них могла быть связь. Но даже представить себе, что он изменял ей с повелительницей Тьмы, было противно и горько, она не могла допустить этой мысли. Хотя чего только не может быть, она вот и с простыми смертными бывала порой, иначе бы Эней не появился в этом мире.

И тогда она повернулась к Персефоне, - ей хотелось знать уже не об убийстве Адониса, там все было понятно - она не хотела ждать своего срока, была обиженна из-за того, что та отняла у нее любимую игрушку и готова была расплатиться.

Но почему Арес защищает ее, хотя ведь и у него была веская причина для того, чтобы убить Адониса.

Странно растерялась в тот момент богиня Любви. Она уже поняла одну важную вещь. Ни в чем не повинный красавец, видевший в первый раз этот мир и взиравший на него влюбленными глазами, он стал вдруг мишенью для многих стрел, и когда сразу несколько из них устремились к его груди, то, наверное, и богам неведомо, какая из них попадет первой. Она понимала, что враждовать должна со всем миром и никогда не сможет найти конкретного виновного. Но тут и заговорила Персефона:

- Не слушай его, твои догадки - чистая правда, я не знаю, что творила в тот момент, но жизни мне не стало с той самой минуты, когда он покинул этот мир. Полгода, срок невероятно долгий. Мы впервые поссорились с Аидом, после твоих слов о любви, но все это было правдой - я любила его так, что не могла обойтись без него и дня. Это безрассудство, мне нужен был живой, а не мертвый Адонис. И когда я послала Цербера, я не думала об этом, а только о том, чтобы он не достался тебе, я не могла вынести того, что он так долго будет с тобой, которая ничем его не заслужила, а у меня его не будет.

- Но что ты делаешь сейчас? - возмутилась Деметра, - кто тебя за язык тянул, или ты своего мужа не знаешь, ты не только Адониса убила, но и свое счастье, которое бы обязательно вернулось, тоже.

- И пусть, но я хочу, чтобы она знала правду, - не унималась Персефона, - почему мы должны все время заискивать перед ней и ублажать ее, разве вы не видите, что с нами делает любовь, мы перестаем быть нормальными, мы совершаем невероятные поступки, о которых потом приходится жалеть. Без нее будет спокойнее, пусть лучше она убирается от нас?

Странно было слышать такие речи от Персефоны, даже Гера, которой любовь принесла больше страданий и неприятностей, искренне возмутилась.

- Не смей так говорить, ты ничего не понимаешь, мы только короткий срок без любви прожили, и во что превратился наш мир, возможно, в твоей тьме и так сойдет, но здесь мы не хотим без нее оставаться.

Все еще больше удивились, уж от Геры, да об Афродите никто таких слов не ожидал. И только сам Зевс вспомнил о том, что в самом начале, да и потом, когда гнев не охватывал ее душу, она могла быть и довольно мудрым созданием.

-Так кто же убил Адониса? - спрашивала Афродита, и они все видели, что она не поверила этим троим.

Зевс взглянул на Аполлона. До сих пор Великолепнейший сидел в тени, на него никто особенно и не смотрел. Но разве не бывало всегда и везде, что злодеяние совершает тот, на кого и не подумали, и подозрение не падало. Он мог все, что угодно сделать, просто на этот раз так вышло, что были и более яркие фигуры, которые стояли ближе к прекрасному телу несчастного юноши.

И Аполлон не стал оправдываться, это показалось ему странно унижительным и недостойным его самого. Да и кто не знал об их отношениях с богиней Любви. По ее воле ему отказывали все, даже смертные девицы. И когда он с детства оберегал и холил Троянскую царевну Кассандру, но и та убежала от него, как от чумы и спряталась в храме Зевса, тогда он понял, что

ничего и никогда у него не получится, и перестал даже какие-то попытки предпринимать, для того, чтобы стать любящим и любимым.

И уж если Гефест и Арес смогли признаться в том, чего не совершали, то почему ему не сделать того же самого, тем более, что появилась прекрасная возможность, чтобы сказать обо всем, что он о ней думает. Молчание становилось все более тягостным, он корчился от ярости, когда видел, что они ему сочувствуют. И тогда он и произнес:

- А чего ты от меня хотела? Чтобы я смотрел, как ты безмерно счастлива, притом, что ты лишила меня всего? Да как такое вообще возможно. Я хотел видеть как ты страдаешь, и не могу сказать, что это не оставило мне настоящего удовольствия.

Афродита молчала, он казался ей убедительным и искренним. Если для Гефеста и Ареса это были только личные обиды, то она и на самом деле лишила его многого - это надо было признать. Но что она могла сделать теперь с Аполлоном, а он еще никак не мог угомониться.

- Ты ищешь для меня наказания, это смешно, они все, мои предшественники, могут чего-то лишиться по твоей воле, но мне больше ничего не грозит, я никого и ничего не боюсь, потому не стоит напрягаться.

Афродита понимала, что она и на самом деле зашла в тупик, потому что успела наказать его еще до совершения злодеяния, и убить она его не может, так что же ей остается, только признаться, что совершилось возмездие и вернуться к ним.

Она готова была так и сделать, но почему - то в тот момент взглянула на Артемиду.

Никогда еще эта охотница не была в таком замешательстве. Для нее вроде бы все закончилось благополучно, Аполлон взял на себя ее вину, сказал о том, что его терзало, да и ничего страшного с ее братом не случиться, но она была возмущена из-за того, что о ней никто не подумал, на нее даже и подозрение-то не пало. Она как-то выдала себя, потому что сначала Афродита, а потом и остальные стали на нее смотреть. Все сходилось, Аполлон, которому и на

самом деле нечего было терять, просто хотел защитить свою сестру, если попытаться немного Эрота, пока упорно молчавшего, то она наверняка узнает о стреле, он кому-то хвалился, что ранил двух богинь. Но она, почему она не призналась?

Афродита ничего не знала точно, но она решила продолжить игру.

- Я выслушала вас всех, - она помолчала, и дала им возможность терзаться и теряться в догадках, и могу сказать, что так могло быть, более чем, но я не верю ни одному из вас, а тот, кто совершил подлое дело, остался еще и презренным трусом.

Теперь она смотрела на Артемиду, не отрываясь, и та была почти уверена в том, что Афродита с самого начала знала, кто убил Адониса, и только вела какую-то странную игру. Больше всего ее пугало то, что она должна будет здесь, при всех признаться в том, что любила и страдала из-за любви, и при всем при том, была только третьей, после самой Афродиты и Персефоны. Какая их богинь могла допустить такое, а самое главное, он не выделял ее среди остальных. Он был привязан к Персефоне, он любил, или делал вид, что любит Афродиту, но ей он даже не увлекался, тогда почему она должна была страдать из-за живого, а теперь и из-за мертвого красавца.

И вдруг, видя все прекрасно, Зевс решил прийти ей на помощь:

- Все значительно проще, это несчастный случай, моя дочь чувствует вину из-за того, что не уследила за своим кабаном, но не можешь ли ты допустить мысли о том, что никто его намеренно не убивал? Сколько нелепых случайностей бывает у людей, это называется у них судьбой, просто так вышло на этот раз.

- Не может быть никаких случайностей, - стояла на своем Афродита, чтобы искупить свою вину и как-то втереться ей в доверие, Эрот обратился к Артемиде:

- Ты сама скажешь или мне это надо сделать.

Богиня была мрачнее тучи, они загнали ее в угол. НО она не хотела быть хуже тех, кто признался в том, чего не совершал, она не собиралась быть загнанным зверем, которого добьет мальчишка Эрот.

- Она права, это не случайность, а страсть, с первого взгляда, я больше своей жизни без него не представляла, но когда поняла, что она - моя счастливая соперница, я не собиралась удерживаться от этого, и если бы все нужно было повторить, было бы то же самое.

- Зачем ты сделала это?- очень тихо спросил Аполлон, - они бы не смогли до тебя добраться, зачем ты.

- Трусость - самый страшный из пороков, я никогда не оправдывалась и не пряталась, мне просто хотелось посмотреть на тех, у кого были причины для такого же поступка, я просто опередила их.

Но Зевс снова перебил ее, ему хотелось сказать о главном, и немного умирить пыл богини любви.

- Но разве ты не понимаешь, что он был обречен, проклятие, которое ты послала его матери, оно не могло не отразиться на сыне, как ты могла избрать того, кого сама же и проклала, пусть еще и до рождения, это же безумие, ты ищешь виновного, да какая разница, кто из них нанес удар, тем более, что это был кабан, но он исполнял твою волю. Мысли и желания были у многих, допускаю, но исполнилось твое проклятие, это ты, Афродита убила Адониса, и тебе это известно не хуже нашего, а если не веришь, подойди к тому дереву, из которого ты достала младенца, оно не умеет говорить, но ты вспомнишь и поймешь все сама. Не стоит думать о наказании, ты наказала себя так, как никто и никогда больше не сможет наказать.

Есть много историй у людей, когда царь за какое-то благо соглашается отдать то, о чем он не знает в своем царстве, и исполняется его желание, но отдать всегда он должен еще не рожденного сына своего, не про тебя ли эта сказка.

Ничего на это не ответила богиня. Она могла согласиться с тем, что жила эмоциями, что не стоит быть такой нетерпимой и суровой к людям, у которых

есть свои заблуждения и слабости. Не стоит, потому что может оказаться так, что та, которую ты прокляла, потом подарит тебе Адониса, и у тебя его обязательно отнимут по твоему же проклятию. Потому что тайное всегда становится явным, а проклятия для того и даются, чтобы они рано или поздно исполнялись.

Она ушла в свои чертоги. Остальные так и не посмели подняться со своих мест, сколько всего за это время произошло. Они не знали, что делать и как быть дальше.

Но жизнь продолжалась, и боги были бессмертны.

И тогда, чтобы как-то и расшевелить ее и появилась забавная и коварная Эрида с ее яблоком, а она привела за собой Париса.

Этот юноша, как и тот, не мог не выбрать ее, посмел бы он ее не выбрать, даже если рядом с ней стояли и Гера и Афина. И она должна была радоваться и торжествовать, только торжество оказалось каким-то странным, а радость так просто горчило.

И более того, богиня Любви в прошлом увидела грядущее. Она видела Париса, которого убьет кто-то ей незнакомый. Да и неважно кто, но если она спросит у богов, кто убил Париса, тогда все точно так же получится, что убила его она.

Не стоит ли остановить все этой действо, повернуть корабль, плывший к Спарте и остановить юношу.

Гермес оказался поблизости, и сначала Афродита посчитала, что это удача, знак того, что она на этот раз поступала правильно. Но тот тут же остановил ее пыл.

- Не проси меня об этом, и его судьба predetermined. И кто тебе внушил, что мы можем распоряжаться их судьбами.

Ее не возмутило даже то, что он так с ней разговаривал, она просто поняла, что для нее это был триумф поражения.

Парис уже приближался к Спарте, судьбы мира решены.

ГЛАВА 7 МАГИЯ ВЕРНОСТИ. А тем временем пока подрастал Парис, мы отправляемся с лабиринт Миноса вместе с Тезеем, и встречаем несчастную царевну Ариадну, которая дорого заплатит за свою любовь

И плачет бессильно царевна, когда появилась Медея,
Темна она, так вдохновенно:- Тебе не увидать Тезея,
Спасла его, я понимаю, со мною такое бывало,
Теперь я его забираю. И как же она ликовала.
- Ты скажешь спасибо позднее, я бога тебе подарила,
И странно смеется Медея, И страсть она вмиг погасила,

И только во тьме Ариадна, в объятиях пьяного бога,
Все помнила старые раны, объятия. Но гневно и строго
Во снах ее снова Медея. Жестокая неумолима.
- Нет, ты не увидишь Тезея. И птицей проносится мимо.
Обрыв, когда спал он устало, она все бродила ничком
И черная птица летала, ее задевая крылом.

И тени того лабиринта, остались в душе ее раной,
И снова шагнула к обрыву. И видит, как призрак желанный
Зовет ее в эту пучину, там больше не будет Медеи.
- Зачем ты мой берег покинул? И падает вниз холодея.
Бедняжка, богиня морская, во мраке ее подхватила,
И волны наивно ласкали: - И эта Тезея любила.

И хмурился там повелитель, суровый и гневный отец,
Там деву они не обидят, но скольких погубит юнец.
И в страсти безумной немея, одна овладела душой
Несется во мраке Медея, Тезея манит за собой.

Как приятно засыпать в объятиях единственного и самого любимого человека, особенно если с ним пришлось пережить столько испытаний и опасностей, и Богиня смерти стояла рядом, а потом вынуждена была вас оставить.

Никто не сомневается в том, что она вернется за каждым из вас рано или поздно, но это случится не сейчас. Царевна Ариадна верила в то, что они с афинским царевичем Тезеем, такие юные, такие прекрасные, жить будут долго и счастливо, вместе стариться и умрут в один и тот же день.

По-другому в их жизни просто не могло и быть, особенно если ей сопутствовала удача, и ему удалость с ее помощью выбраться из этого проклятого лабиринта, спастись и без препятствий добраться до своего корабля.

И в этой суматохе он не забыл о той, которая спасла его, и она последовала за ним. Он на этот настоял. А когда вода плескалась за бортом, и луна освещала их влюбленные лица, он произнес слова клятвы, которую никогда не нарушит. Она верила ему, да и как она могла не верить?

На этом странном острове они остановились, чтобы немного передохнуть, только когда убедились в том, что если ее отец, царь Минос и послал за ними погоню, то она заплутала, где-то в бесконечных морях. Она была уверена в том, что им больше ничего не угрожало.

Она сама настояла на том, чтобы они сошли на берег и провели ночь в безопасном месте, где никто не мог причинить им вреда - так трудно столько дней и ночей оставаться на палубе корабля. Кажется, что и мир раскачивается под ногами.

Она засыпала в его объятиях счастливая, а когда проснулась в том самом временном шатре в одиночестве, то была сначала поражена до глубины души, но еще не испугалась, потому что верила, что он просто пошел прогуляться, чтобы нарвать для нее цветов.

Она остолбенела уже на берегу, когда увидела (и не поверила своим глазам), что там нет корабля, того самого, на котором они покинули ее мир и столько дней и ночей путешествовали.

Но и тогда она еще не верила в то, что Тезей ее оставил. Это могло быть дурным сном, чем угодно, но не предательством. Потом она металась по берегу, пока у нее хватало сил, кричала, плакала, звала. Только птицы кружились над головой, на этом острове и на самом деле совсем никого не было.

Она бы умерла, обессилев, если бы не появился на берегу златокудрый юноша. Вернее, таким он только казался, потому что был божественно красив, и обаятелен.

Она понимала, что никто не мог тут появиться, кроме бога Гермеса. И это был он. Он являлся к ней во сне, перед тем, как появился афинский царевич. Он и сказал о том, что у нее будет необычный гость.

- Ты сразу его увидишь и выделишь среди остальных, - говорил тогда Гермес.

- И что же мне делать?- спрашивала Ариадна.

- Пусть сердце тебе подскажет само, но я не думаю, что он должен сгинуть в лабиринте, у него совсем другая судьба.

- Его судьба связанна с моей?- спросила царевна.

- И да, и нет, не забегай вперед, ты и сама все увидишь и поймешь со временем.

Сколько надежд и радости было тогда в ее душе. Она понимала, что Гермес появился не даром. И хотя смертные никогда не могут знать пути и желания богов, и делают только то, что от них требуется, но девушка была наивна, она верила, что Гермес пришел, чтобы позаботиться о ней самой. Это было правдой, только наполовину. И заботился он о ней по-своему и довольно странным образом.

Вот и сейчас, он появился на острове, когда она осталась совсем одна, и единственный в мире, должен был ей хоть что-то объяснить.

Почему спасенный царевич оказался так жесток и так вероломен? Она должна это знать. Пусть самому Тезею это было трудно объяснить, но Гермес выкрутиться из любой переделки, кто бы в том сомневался. О его хитрости ходили легенды, и она наделась на то, что хоть что-то от него узнает.

- Это ты, скажи мне, что же произошло здесь, когда я спала.

- Трудно сказать, - уклончиво говорил он, - только когда жизнь в опасности и тебе нечего терять, много чего наобещать можно, а когда это приходится исполнять, все по-другому выглядит.

Гермес должен был признаться, что заставил это сделать царевича он сам, по приказу Зевса. Но Гермес о такой детали скромно промолчал. И потом, так ли сильна любовь, если он даже не попытался что-то сделать, развернул свои корабли и отправился прочь.

- У него другая жизнь, он много что и кому обещал, - говорил Гермес.

И даже Ариадне было понятно, что он скрывал что-то, но и сама Гера не заставила бы его говорить, если он не мог и не хотел это делать.

А было все очень просто. Боги завидовали такой любви, как и обычно, с ними случалось. И когда Зевс увидел вечно пьяного и распутного Диониса, а Гермес, его отец, был поблизости, он посмотрел со своей высоты на корабль, который причаливал к острову, и изрек.

- Иди туда, оставь там девчонку, которая ради него предала отца своего. Если она такая спасительница, то вот и пусть твоего Диониса и спасет. Как мне надоело смотреть на его пьянство. Ни одна смертная с ним рядом быть не хочет, я не говорю о богинях, но для Ариадны он как раз и подойдет.

Даже самого несчастного отца поразило такое решение Зевса, но что ему оставалось делать? Это был выход из положения, и попробовал бы он не исполнить приказания Громовержца. Дионис был его проклятием, наказанием за все его грехи, прошлые и грядущие, и в глубине души он таил надежду на то, что произойдет чудо, и Ариадне удастся то, чего не смог он сам, и никто из богов.

- Ты не останешься одна, - наконец вынес свой приговор Гермес, - тут появится Дионис, и ты станешь его верной женой. Он в тебе нуждается больше, чем Тезей. Со своими девицами он совсем от рук отбился.

От этих слов Ариадна вздрогнула всем своим измученным телом. Она понимала, что принесена в жертву, лучшего из героев в ее жизни должен был сменить худший из богов, тот, с кем и сам Гермес сбился с ног, но что же сможет сделать она?

- Но разве он любит меня?- попыталась она уцепиться за последнее, что еще могло ее если не спасти, то как-то утешить.

Гермес на этот раз не стал лукавить.

- Он полюбит тебя, когда проспится, и примет волю богов. (Если вообще проспится), - подумал он в тот же самый момент, но говорить этого несчастной девице, на которую и без того много чего свалилось, не стоило. Пусть она сживется с этой мыслью.

Гермесу стало по-настоящему ее жаль, хотя он и сам уже не помнил когда и кого жалел в своей жизни, но бывает и с богами такое. Если бы не приказ Зевса, то он, возможно, что-то и попытался бы для нее сделать, но в тот момент он не пытался даже, а, махнув на прощание рукой, исчез.

Она могла бы смириться с тем, что ее оставили на острове в полном одиночестве, но представить себе, что в ближайшее время тут появится Дионис со своей шумной компанией, и она должна будет противостоять им (О том, чтобы присоединиться не было и речи), представить этого Ариадна никак не могла. И она стала искать для себя на острове убежище, где она могла бы укрыться от них.

№№№№№

В то время Гермес, наконец, отыскав мертвецки пьяного Диониса, и отбросив от него одну из девиц, которая еще долго вопила о том, что ее разлучили с любимым, Гермес стал объяснять ему, какие перемены случились в его жизни.

Сделать это было совсем не так просто. Он снова и снова переспрашивал, кто такая Ариадна и почему собственно он на ней должен жениться, когда ему и без того спокойно и весело живется.

Гермес потерял терпение, он схватил сынка своего и засунул его в море. Держал долго, пока тот не отмок основательно и не пришел в себя.

- Эта лучшая из девушек, которой ты и шлейф носить не должен, но Зевс отдал ее тебе, забрав у героя, кстати, сына Посейдона, и если с ней что-то случится, то ты к Посейдону в ссылку и отправишься, тебе бы понравилось там.

Дионис молчал, наглотавшись морской воды и обессилев в неравной борьбе, он потерял дар речи, но хмель прошел сам собой. Оказаться под водой во владениях сурового дядюшки, который возиться с ним вряд ли станет, а забросит на такой остров, куда никакая химера не доберется - этого ему совсем не хотелось. Придется примириться со своим новым положением.

- Ты правильно соображать начал, - похвалил его Гермес,- может еще и не все потеряно.

Но по поводу Диониса он не заблуждался, это было только минутное просветление.

№№№№№№№№

Афинский корабль между тем был в открытом море. Бог Посейдон знал о том, что произошло, он слышал разговор Гермеса с сынком своим пьянчугой, слышал, как страдал его собственный сын, но он понимал, что если вмешается, то будет только хуже. Зевс только и ждет того, когда он ему возражать станет. А уж потом придумает, как и с кем разделаться.

Он все время ведет свои хитроумные игры, от которых страдают все, а порой и он сам, но остановиться все равно никак не может.

Тезей забыл обо всем на свете. Только Гермес, сообщавший ему волю богов, стоял у него перед глазами. Теперь он говорил ему все, что думал и чувствовал, но где же он был тогда, когда просто сжал кулаки и поплелся на свой корабль.

- Отец, - взвыл он, взглядываясь в черноту воды, - почему ты меня оставил на этот раз, почему разлучил с той, которая меня спасла от лабиринта, от гибели, единственной, кого я так любил, ведь не было, да и не будет больше такой девицы в этом мире.

Неподвижной казалась черная вода. Не было ответа на горестные его вопросы.

Ариадна вернулась на берег, когда там приземлялся черный дракон. И вся в черном, на побережье острова шагнула Медея. Она знала, кто перед ней, истории о волшебнице она слышала с детства, но тогда еще не знала, что они как-то будут перекликаться с ее собственной судьбой.

- Я решила навестить тебя, как только узнала, что они с тобой сделали. Я пережила то же самое, когда мой герой решил все забыть и бросить меня.

- Но Тезей ни в чем не виноват.

Медея захохотала.

- Они никогда и ни в чем не виноваты, у них найдутся сотни оправданий, но ты должна отомстить ему.

- Как можно мстить тому, кто тебе самой жизни дороже?

Медея начинала злиться все сильнее. Девушка была на самом деле так наивна, или она просто издевалась над ней.

- Нет, я не могу и не хочу, - протестовала Ариадна, - пусть он остается, это его мир и его жизнь. Он был бессилен перед Гермесом и остальными. Я не хочу умножать его печали.

Она так и не посмела назвать Зевса по имени - главного виновника своей беды.

- Вот тебе и герой, но ты не забыла, что его отец Посейдон.

Как только волшебница назвала его имя, море взволновалось у ног. Они обе понимали, что не стоило гневить сильных мира сего. Но это только подтверждало слова Медеи о том, что Тезей был не так уж слаб, как хотелось его брошенной возлюбленной.

- От мести только беды умножатся, - говорила девушка, хотя ей очень трудно было возражать грозной волшебнице.

Медея хорошо понимала, что прилетела она сюда напрасно, но интересно было взглянуть на ту, которая не держит зла на предателя, она бы сама никогда не смогла быть такой великодушной и такой незащищенной.

№№№№№

Тезей заметил, как стала волноваться неподвижная еще недавно гладь. Он понимал, что там, на острове, вероятно, что-то случилось. Он не сомневался в том, что той, которую он оставил, грозит беда, страшная беда, но он не мог повернуть назад, понимая, что так будет только хуже.

- Каким разумным я сделался после того, как вернулся к реальности, - насмешливо думал он, - понятно только одно - нет оправдания моему предательству, и вся жизнь моя пойдет наперекосяк, потому что так не поступают со слабыми и беззащитными девицами.

№№№№№

Медея исчезла, ей больше не о чем было говорить с той, которая готова была все простить и всех оправдать, только о себе она не думала. А не надо быть волшебницей, чтобы увидеть, что ждет ее в самое ближайшее время.

- Ничего, - мстительно подумала Медея, запрыгивая в карету (дракон давно поджидал ее), - она еще не видела Диониса, она не может себе представить, что ждет ее на самом деле рядом с этим богом.

В тот момент, когда Дракон увез Медею в неизвестном направлении, Дионис, подгоняемый Гермесом, тот никак его не мог оставить одного, и ступил на песок острова.

Пока Гермес был рядом, вся остальная компания держалась в стороне, а он раскачивался из стороны в сторону, и идиотская улыбка блуждала по его безобразному, перекошенному лицу.

- И где молодая моя жена, - после этих слов, он так резко повернулся к отцу, что чуть не свалился ему под ноги.

Если бы его можно было убить, то Гермес именно это и сделал бы, но он был бессмертен.

Видевшая из своего укрытия всю эту безобразную сцену, Ариадна укрылась в пещере и дала себе слово, что не покинет ее.

Она и на самом деле была упряма. Гермес так и не смог заставить ее выйти из укрытия, а Дионис по отвесному берегу не добрался туда бы и при желании, потому что пока отец его разговаривал с девушкой, он успел еще напиться, и теперь двигаться не мог почти совсем. А потому, раскинув свои члены, валялся на берегу, и орал какие-то песни.

- Хорошо, поступай, как знаешь, - смирился Гермес, он устал от всего, что пришлось пережить в последние часы, и хотел только одного - поскорее убраться с острова.

№№№№№№

Долго маялся Тезей в своих Афинах. Но после того, когда он похоронил отца, в смерти которого сам и был повинен, потому что забыл об уговоре, не отдал приказа сменить паруса, они оставались черными, когда корабль приближался к родному берегу. Старик решил, что его сын погиб, и бросился с отвесной скалы. Так он встретил дома еще одну беду, в которой тоже был сам повинен. После этого Тезей решил отправиться на тот самый проклятый остров и решил бороться с богами.

- Лучше погибнуть, чем жить без нее, пусть она видит и знает, что я не сидел просто так, - говорил он воинам своим, и они молча соглашались, хотя им совсем не хотелось снова отправляться в плаванье, но кто их о том спрашивал теперь?

№№№№№№

К тому времени только однажды на рассвете Дионису на трезвую голову и удалось приблизиться в Ариадне.

- Что это ты от меня бегаешь? Помнится, ты мне в жены отдана, - напомнил он ей.

- Не смей ко мне приближаться, - заявила ему девица,- я брошусь со скалы и лучше умру, чем быть с тобой.

Дионис взбесился, такой дерзости от смертной он не ожидал, чтобы прийти к ней он даже вина ни кали не выпил, да что она вообще себе позволяет. Но такой ненависти и презрения он не видел никогда, может, потому что никогда и трезв не был и ничего не мог разглядеть?

Дионис хотел сказать что-то обидное, только она воскликнула в тот миг от радости. Корабль Тезей был уже близко. Она давно не смотрела на море, решив, что этого не может быть, и вот тогда, когда и надежда оставила ее, он приблизился.

Но Дионис схватил ее. Она вырвалась и толкнула его так, что он кубарем полетел с высокого берега вниз, ругательства его слышались по всему берегу. Внизу стояли его друзья, и смотрели, как он растянулся на берегу. Они знали, что ничего с ним случиться не может, но все-таки было немного страшно.

Корабль между тем уже причаливал, лодка была брошена на воду, и Тезей первым прыгнул в нее. Но она не заметила, что к тому моменту Дионису удалось забраться назад, и он приближался к ней, понимая, что должен им обоим показать.

Ариадна заметила его поздно, и рванулась от него прочь. Она споткнулась, и полетела вниз почти в том самом месте, где недавно упал и он. Но тело ее гулко стукнулось о камни. Тезей, все это видевший из своей лодки бросился вплавь, побежал за ней, но не успел. Она была мертва, когда он оказался около тех камней.

Дионис сверху, с высокого берега, смотрел на этих двоих.

- Ты опоздал, герой. Да и не позволил бы я вам так поступить со мной, никогда бы не позволил.

Тезей опустился на камни. Он смотрел на ее мертвое лицо, и понимал в тот миг, что для него все кончилось. Гермес был поблизости, но в тот момент он не решился к нему приблизиться.

Тезей поднял мертвое тело и понес его к морю.

- Я отдаю тебе, отец, ту, которую так любил, но никто из нас так и не смог помочь ей. Посмотри на этого пьяного шута, это он, самый никчемный из всех, только презрения и достойный, забрал все, что было мне так дорого.

- Что это он обо мне там брешет, - возмутился Дионис, как только увидел Гермеса.

- А ты хотел что-то другое от него услышать, да я тебе еще не такое скажу.

- Ты мой отец, накажи же этого негодяя.

Только презрительно усмехнулся Гермес, много бы он дал за то, чтобы не слышать больше никогда того, что он отец Диониса, но от этого никуда не денешься.

- Я даже и ночи не провел с той, которую мне в жены отдали, - скулил Дионис, - разве это справедливо. Она от меня, как от дракона сбежала, а ведь я все делал для нее, даже пить стал меньше.

Его утешали собутыльники, как могли, но в тот момент их бог, казался безутешным, и это длилось не долго - до того момента, пока они не расположились на берегу, и слуги не принесли кубки с вином. А потом все забылось само собой.

№№№№№№№№

Во второй раз в одиночестве Тезей покидал этот проклятый остров.

- Федра, - вспомнил он, - у нее есть младшая сестра, это будет слабым, но все-таки утешением. Я сделаю все, для того, чтобы мне отдали ее в жены, и тогда моя Ариадна будет жить с нами. Никакая другая царевна в этом мире мне не нужна.

Он не знал в тот момент, правильное ли решение принимал. Но пока его ждали родные Афины. Он должен был пережить эту странную, горькую, но удивительную историю.

ГЛАВА 8 СЕСТРЫ

О том, как Тезей пытался хоть что-то исправить, и все-таки женился на младшей сестре Ариадны, царевне Федре, и что из этого вышло

Как холодно в дворце его огромном,
он не приходит снова в эту ночь.
Что делать этой девочке бездомной,
И тень сестры не может ей помочь.
И юноша врывается отчаянно,
В ее покои мертвые на миг.
Она влюбилась, горько и нечаянно,
Пока с колдуньей яростной старик
Все бродит по садам своим и мается,
Пока он снова постигает тьму.
Но юноша отчаянный является,
О, как ее влечет теперь к нему.
И только он внезапно испугается,
И гнев царя не сможет пережить,
Но это после, а пока является,
Над Федрой спящей он еще кружит.
Он робок, если женщина решается,
Она идет в экстазе до конца,
А грозный царь? Он только улыбается,
И согревает эта страсть юнца.
Тогда зачем с обрыва он срывается
В усталом небе не было грозы.
И мертвая царица улыбается,
И пуст дворец Афинский. От беды
Им не спастись.

Девочка была рождена царевной, она должна была стать женой царя и героя, это и пугало ее больше всего. Еще в юности Федра слышала страшные истории, похожие на сказки, о том, как афинские пленники прибыли к ним для того, чтобы их принесли в жертву Минотавру, но тогда ее сестре Ариадне удалось спасти царевича и всех, кто был с ним. Они забрали ее с собой. А потом она погибла при загадочных обстоятельствах, брошенная на острове тем же самым спасенным царевичем.

Ничего толком Федра не знала о том происшествии, в доме об этом старались не вспоминать. Отец был суров, и в предательстве винил свою старшую дочь, оправдывая того самого царевича, который просто спасал свою жизнь.

Мать молчала, слуги под угрозой расправы, а царь не пощадил бы никого, никогда, и рта бы не раскрыли. Так она и жила, зная, что в их семье есть страшная тайна. Но Федра была уверена в том, что ее жизнь никак не будет связана с давними событиями. Это преданья старины глубокой.

- Любовь, - задумчиво говорила Федра, - если из-за нее так страдают, и даже умирают, то я не хочу любить.

И хорошо, если бы такие ее речи слышала богиня Артемида, по лесам которой она очень любила бродить, но ее услышала, на беду царевны Афродита. Богиня любви никак не могла разделить таких мыслей.

Ничего в тот момент не ответила богиня юной царевне, она не была злопамятной, но когда речь заходила о любви, она была злой, и память у нее хорошая.

Она не могла забыть и того, что позволила Гермесу вместе с его непутевым сынком, разрушить такую светлую и прекрасную любовь, и по иронии судьбы именно эта девчонка несносная оказалась сестрой той, перед которой она чувствовала себя виноватой. Афродита еще не знала, что она сделает и как поступит, но ж то, что в стороне стоять не будет это точно.

Федра поняла, что она недаром вспоминала о несчастной сестре своей, через три дня к их берегам причалили корабли Афинского царя, того самого Тезея, из-за которого и случилась тогда трагедия. Если бы его съел Минотавр и не подавился, то не была бы всего, что с Ариадной приключилось. Но почему он пожаловал к ним снова?

Этот вопрос не давал покоя и царю Миносу, когда ему сообщили о том, что у его берегов останавливается царь Афин.

Теперь тот ему больше не был ничего должен, он очень силен, и о дани уже здесь позабыли, так чего он от них хочет?

Об этом Тезей сказал сразу, как только появился во дворце - он хочет жениться, ему нужна царская дочь Федра.

Странно замолчал суровый царь. Он не стал напоминать ему о прошлом. Ведь договориться можно до того, что и самому придется жертвы ему отправлять потом, все в странном мире меняется.

Но афинянин был так силен и так спокоен, что если бы он попробовал ему отказать, то сам бы, наверное, отправился в Афины пленником или жертвой

. а лучше всего ему было тогда укрыться в том самом лабиринте, по которому когда-то блуждал юный Тезей. И хотя казался Тезей благодушным и даже немного грустным, но не стоило снова искушать судьбу. Да ему нужны были Афины. А ради того союза он готов был отдать в жены Тезею свою младшую дочь. Царю было понятно и другое - лучшего жениха ему не дожидаться.

№№№№№

Федра отпрянула от матери, и затрепетала от волнения и страха переходящего в ужас:

- Он хочет жениться на мне, но разве такое может быть, матушка. Кто угодно, любой царь, но не этот, матушка, разве ты не помнишь, что он сделал с нашей Ариадной?

- Я никогда ничего не забывала, - резко произнесла царица, - но он царь Афин, сын Посейдона, он не потерпит отказа, а твой отец никогда не посмеет ему отказать, тебе придется смириться с его решением.

- Смириться, и вы отдаете меня ему, и меня, как ее, отдаете?- едва слышно шептала Федра.

- Ариадна ушла с ним сама, за это она и расплатилась, с тобой все будет по-другому, - пыталась успокоить ее царица, но Федра ничего не видела и не слышала.

- Я не могу стать его женой, лучше умереть, лучше сразу умереть, - обреченно говорила она.

- Это ты всегда успеешь, а пока стоит попробовать, твоему отцу нужны Афины, уж если даже он забыл старые обиды и принимает его, то нам что остается?

Ничего не могла на это ответить Федра, она чувствовала себя совершенно беспомощной. И если что-то могло ее как-то утешить, только то, что она и на самом деле никогда не сможет полюбить этого царя, и не будет такой слабой и беспомощной, какой была ее несчастная сестра.

Царь смотрел на свою младшую дочь. Он не видел особенной радости после того, как сообщил ей о решении, потому и произнес уверенно и твердо:

- Он будет твоим мужем, такова моя воля, я не изменю решения.

Она только как-то странно кивнула и отошла в сторону. Она смотрела куда-то на стену, когда Тезей долго и пристально разглядывал ее. Он пытался найти то, чего в ней не было вовсе - вторую Ариадну, но она была Федрой. Он ее не знал, и никогда не узнает. Хотя каждый видит только то, что ему видеть хочется.

Тезей торопился, ему хотелось поскорее отвезти юную жену в Афины. Он не стал нигде останавливаться, помня о проклятом острове. Ему казалось, что если он без остановок одолеет этот путь, то потом, в родных Афинах больше никакой беды с ним не может случиться.

И все было в тумане во время путешествия. Она почти ничего не говорила, только смотрела на него так, словно ожидала одного - он приблизится и выбросит ее, не моргнув глазом, в морскую пучину. И сколько Тезей не пытался доказать ей, что ничего страшного с ними не может случиться, что он любит ее в память о той, которая погибла, упрямая девица ничему не верила. Он изверился и устал.

- Как я мог жениться, даже не взглянув на эту упрямую девочку? - спрашивал он и не находил ответа,- она сестра Ариадны, но нет более разных людей в этом мире. Только что было делать теперь? Он не знал этого. Да и кто ему вообще сказал, что он будет счастлив, когда женится?

Близкие друзья царя сначала увидели сами, а потом и узнали от него, что он несчастен и одинок еще больше, чем до женитьбы.

- Это не моя Ариадна, это мое наказание, я совершил самую большую глупость, - говорил царь, когда много было выпито, а дверь покоев Федоры оставалась закрытой.

- Подожди, пока она откроет ее сама, - говорил кто-то из советников.

- Но хочу ли я того, чтобы она ее открывала? Вот в чем вопрос.

Это слышала Афродита, заглянув к Тезею на его пирушку.

- Он не любит ее, это уже неплохо, но этого мало, - решила она про себя.

Богиня оглянулась вокруг и заметила Ипполита - сына этого проклятой амазонки, которую ему подарил Геракл, потому что сам от нее никак не мог избавиться. А Тезей добр, он привык спасать тех, кто не был ему нужен. Он не прогонял их, хотя и быть с ними близкими не собирался. Вечное одиночество царя, какая жалость, он так силен и так красив, и так несчастен.

- Замечательно, все сходится,- и она позвала Эрота.

Тот прикинулся ничего не понимающим, хотя с первых слов понял, что хочет от него матушка.

- А не слишком ли все запутается, он любит богиню, не боишься, что потом нас во всем обвинят?

- Делай, что тебе велено и не задавай лишних вопросов, - говорила она, - и он развел руками, притворно снимая с себя всякую ответственность.

- Я сделаю то, что ты хочешь.

- Она получит то, чего так боится, и мальчишку пора отучить за богинями бегать, а уж царь пусть немного встряхнется. Это будет хоть какое-то развлечение.

С этими мыслями богиня любви и удалилась.

В те дни Тезей почувствовал, что он снова находится в лабиринте, только этот лабиринт его души, сможет ли он пройти его и выбраться к свету, если все тайно враждебны, и никто не собирается ему в том помогать. А ведь, тогда,

когда он был спасен, казалось, что все кончилось, в то время, как все только начиналось.

№№№№№

- Ипполит влюблен в свою мачеху, - об этом говорили все Афины.

Когда царевич в первый раз услышал об этом, он долго и громко смеялся, но потом ему больше не было смешно. Он подозревал, что дыма без огня не бывает, но откуда им известно то, чего не знает даже он сам. Но узнал. Юная царица все время возникала в памяти его, он все делал для того, чтобы видеть ее как можно чаще.

Федра понимала, что богиня отомстила ей, и надо было обратить свой взор на царя, чтобы отвлечься.

Она бросилась к Тезею. Он удивленно взглянул на царицу. Раньше, когда она убегала от него и устранилась, она была ему хотя бы интересна, теперь просто казалась настоящей обузой. И он с досадой думал о том, что если бы остановился на каком-то острове и оставил ее там, то теперь был бы свободен и беззаботен, почему же у него все так получается. А разве не всегда манит только потерянное и оставленное?

В тревожном сне своем он видел Ариадну. Она стояла перед ним в белом:

- Опомнись, о, мой царь, беды только начинаются, слишком много всего совершено, ты мудр, но порой так заблуждаешься.

- Что ты хочешь от меня? - спрашивал он,- чтобы я не делал, получается только хуже, потому я ничего больше делать и не стану. Пусть Федра живет так, как ей хочется.

Укор был на ее прекрасном лице, но она ничего больше не сказала, и растворилась где-то бесследно.

Тезей пробудился. Он точно знал, что его возлюбленная появилась не случайно, в его мире что-то происходило. Но как тяжело было во что-то вмешиваться и совершать новые ошибки. Он не хотел этого.

Уже несколько раз говорили Тезею о том, что его жена преследует Ипполита, ни у кого не повернулся язык в чем-то обвинить юношу, которого они вырастили и воспитали. Они решили, что будет лучше, если виновной окажется несносная царица. И всегда виновата женщина, если в нее кто-то влюбился, значит, она дала повод.

Тезей и сам видел, что она переменялась, стала другой, но сначала отмахивался от них, а потом все-таки спросил у нее:

- Ты влюблена в него?

Ипполит стоял у стены и не сводил с нее глаз.

Он ждал ее ответа, и понимал, что от этого зависит не только его счастье, но и жизнь сама.

Федра все сразу поняла, она была в чужом мире, и не сможет оправдаться, даже если захочет. Он не любил ее, но он царь, и не позволит, чтобы она опозорила его. Говорить с парнем было бесполезно. Она пыталась несколько раз, но становилось только хуже. Да и кто ей сказал, что люди могут изменить волю богов? А то, что за ее спиной стоял кто-то из богинь, в том не было никакого сомнения.

Она молчала. Ей хотелось бросить ему в лицо, что она и на самом деле влюблена в мальчишку, чтобы вызвать чувство ревности или задеть его самолюбие. Но он и тут не хотела ему лгать, потому и промолчала.

Царь воспринял ее молчание, как знак согласие.

- Уходи прочь, я не хочу тебя видеть и слышать.

- Ее ты вообще убил, а меня только прогоняешь? - напомнила она ему о сестре, и заметила, как он побледнел и едва усидел на троне своем.

Но если бы он в тот момент обрушился на нее и убил ее, это было бы не самым худшим выходом, но он сдержался. Слишком много народу было вокруг, и все эти люди стали бы свидетелями его ярости.

Хотя даже если она любит его сына, какая в том беда, разве может это задеть его по-настоящему?

Федра ушла. Она столько пережила за эти часы, она с трудом отошла от края пропасти, хотя и не понимала, зачем это сделала, шагнуть туда и лететь, чтобы избавиться и от царя, и от всего, что связывало ее с этой жизнью. Но нет, не время, должно было случиться что-то еще, прежде, чем она отправится в царство Аида и влюбится в кого-то из тех, кто там томится.

Это показалось ей забавным, и было даже весело, а почему бы и нет?

Но смех Гермеса, когда она вышла на морской берег, он так поразил ее, что Федра споткнулась.

- Она мечтает о подземном мире, девчонка не так проста, может быть, она сгодилась бы в жены Дионису, который совсем отбился от рук. Это все-таки остров, и свет, а не тьма крошечная.

Она заметила его в тот самый момент.

- Ты убил мою сестру, что же медлишь, о, самый несносный из богов.

- Не дерзи мне, - остановил ее Гермес, - я не твой сумасбродный царь, и не позволю какой-то девчонке издеваться над собой.

- А я и не спрашиваю твоего позволения.

И произошло неожиданное, он не успел ее удержать, она полетела вниз, в морскую пучину. Теперь смеялась она, и смеялась последней.

Гермес метнулся за ней, потому что ему понравилась идея о том, чтобы отдать Федру в жены Дионису, но руки Посейдона уже подхватили тело царицы, и он схватил только воздух, и чертыхнулся.

- Не стоит повторять старых ошибок, мой сын с ней скверно обошелся, - услышал он голос повелителя морей, - но тебе я не позволю издеваться над бедной девочкой.

- Да я и не собирался, не очень надо, - с досадой говорил Посланник

- Вот и прощай, - спокойно произнес бог морей.

Ипполит немного опоздал, он видел Гермеса, видел, как она сорвалась и полетела вниз, и уже ни о чем, не думая, устремился за ней.

- Тебя - то куда несет, безумец, - крикнул ему в след Гермес, - распрыгались тут, как дети малые, а потом за всех за вас отвечай.

Он постарался убраться от этого заколдованного места. Может потом удастся выкрутиться, и доказать, что они были вдвоем, а он в то самое время был совсем в другом мире, потому что не только с именем Диониса, но и с его собственным именем были в последнее время связаны какие-то совсем уж неприличные истории, а так все хорошо когда-то начиналось.

Когда Тезей появился на берегу, ему наперебой стали рассказывать о том, как царица о чем-то беседовала с богом, а потом сорвалась со скалы, и ее поглотила пучина. Что случилось с его сыном, никто так толком и не смог объяснить, они лепетали о том, что он пытался ее спасти, но тоже утонул.

-Кто из богов был с ней, - спросил он, хотя ему уже был известен ответ на этот странный вопрос.

Но они боялись даже имя произносить, и тогда царь огласил его сам.

- Гермес, это снова ты, кто же еще мог преследовать меня всю жизнь. Ты снова совершил свое черное дело.

Но никто не ответил царю. В своих Афинах он оставался в полном одиночестве, осталась только магия надежды на то, что он встретится с ними со всеми в другом, более прекрасном мире, где Гермес не будет вершить их судьбы.

Глава 9 ВЛЮБЛЕННЫЙ В БОГИНЮ

О новой забаве богини раздора, какую ошибку совершила царица, и как она за нее расплатилась.

Юноша божественно красив,
Только муж мой - яростный старик,
Как знаком мне вечный сей мотив:
Снова в ночь уходит Ипполит.

И служанка видела меня,
И твердит: - А он-то тут при чем?
Только в этом зареве огня

Я еще все думала о нем,

Что за боль - и только смерть спасет,
От признанья собственных грехов,
Мальчик улыбнется и уйдет,
Но в душе останется любовь.

И скрипач со мною говорит,
О грядущей тризне. В тишине.
Мертвой Федре снится Ипполит,
Тихо улыбается во сне.

А что же Ипполит, единственный сын грозного Афинского царя. Каково было ему находиться рядом с таким отцом- самым грозный и прекрасным из царей. Он знал, что сын Посейдона Тезей любил только одну женщину. Она спасла его от смерти, но заплатила за это слишком большую цену - он вынужден был оставить ее на острове по требованию Гермеса. Но тогда он еще и не подозревал, что она будет любовью всей его жизни. Ни прекрасная Елена, которая досталась ему совсем юной случайно, ни царица Амазонок, его мать, родившая ему и наследника, ни младшая сестра Ариадны - Федра не смогли занять ее места в душе гордого царя. В самом начале он вынужден был подчиниться воле коварного бога, а потом вся его жизнь полетела кувырком, не мог нигде ни на земле, ни под землей найти покоя.

И совсем уж опустил он руки и сник, когда узнал, что все было напрасно. Он видел, как разбилась и погибла Ариадна, не желая связывать свою судьбу с горьким пьяницей Дионисом, у которого ничего не было в жизни, кроме бокала с вином.

Ипполит слышал не раз, как царь Тезей сетовал на то, что любимая не подарила ему даже сына, но это тоже была не ее, а его вина. Потому всегда далек он был от Ипполита, а когда смотрел на него, то всем казалось, что юноша в чем-то перед ним виноват. Вероятно, то же самое ощущал и тот, да и каково ощущать себя нелюбимым сыном царя и героя, рядом с которым были такие женщины.

Он всегда казался себе слабым и ничтожным, потому и любил только богинь. Они приходили в его сны и грезы, воздушные и прекрасные, и уносили из душного дворца в прекрасные чертоги. Его не смущало даже то, что у богинь все время были разные лица и имена. Он боялся даже произносить их вслух, чтобы не стать посмешищем в глазах отца, который все равно никогда бы не смог его понять.

Он старался не думать и не замечать земных женщин, ему стыдно было за мать, которую пленил Геракл, а потом передал ее, как ненужную вещь, отцу. Тому было все равно, он не хотел обидеть своего друга отказом. И от такой связи, где ни о каких чувствах не стоило и говорить, он и появился на свет.

Женщины казались ему пустыми и безвольными, их можно было отдавать и дарить кому угодно, потому невольно и тянулся он к недоступным и гордым богиням.

Он прекрасно помнил тот день, когда царь объявил на пиру, что он хочет жениться и отправляется к Миносу за Федрой. Мать была там же. Она не произнесла ни слова, поднялась и ушла.

Он видел ее только мельком, когда она с двумя служанками покидала дворец молча. Она только взглянула на него печально и сказала:

- Оставайся с ним, я не знаю, где буду и мне нечего тебе дать.

И он остался. Но даже если бы она его позвала, он бы и тогда не пошел за ней, потому что не мог доверить свою судьбу женщине, которая казалась все время пленницей, а не царицей.

Так было совершено предательство. Ипполит ждал новую жену своего отца, которая была чуть постарше его самого. Его, привыкшего витать в облаках, мало волновали дела в царском дворце, но приезд новой царицы не давал покоя. Он точно знал, что вместе с ней в их мир нагрянет беда. Он бы рассказал им о своих предчувствиях, но никто его о том не собирался спрашивать.

В то время, когда Федра должна была появиться во дворце царя Тезея, Ипполит выбрал из всех богинь одну - Артемиду. Только она была с ним

рядом, когда он бродил по лесам, гонялся за зверями. Но убивал он их редко, когда они сами нападали на него, или когда богиня его видела и внимательно за ним следила. Он просто боялся, что она посчитает, будто он не умеет владеть оружием.

Она одобрительно улыбалась, хотя он знал о том, как дорого приходится платить тем, кто нарушил какие-то законы в ее владениях и убил животных.

Ипполит выбрал Артемиду - он еще не знал, что это самый неудачный выбор из всех, которые он мог сделать. И не потому, что богиня была девственницей - он не посмел бы приблизиться к ней в любом случае, а потому что все остальные богини были настроены против нее, и рано или поздно устроят ему какую-то западню, из которой ему не выбраться. Разве не был ослеплен один из них, не влюблен в самую безобразную из девиц другой, не превращен в дерево или какое-то чудовище третий? Да и сама богиня требовала страшных жертв от царей и героев, и проверяла их на прочность снова и снова. Но так, как Парис на свою беду выбрал Афродиту и погубил свою Трою, так и Ипполит выбрал Артемиду, чтобы погубить себя самого.

Об этом узнала вскоре его мать, она сразу поняла, какая беда его ждет, потому что с богиней сталкивалась не раз. Она ради него вернулась во дворец, но ей там больше не было места, ее не пустили даже на порог. И она должна была уйти снова, и умоляла слуг, чтобы они не говорили ему, что она приходила.

- Пусть он не ведает про это.

Но уже по дороге она понимала, что даже ради сына она не может оставаться его пленницей, и терпеть его новую жену. Потому что она безответно любила царя Тезея, и его измена казалась невыносимой. Боги все-таки хорошо сделали, что увели ее от дворца Афинского царя, который был отцом ее сына, но никогда не был ее мужем.

№№№№№

Ипполит помнил тот день, когда появилась Федра во дворце. Он не знал, какой была обожаемая его Ариадна, но эта молчаливая и замкнутая девица ему не понравилась. Она не понравилась и его легкомысленному отцу, только понял он это уже слишком поздно, когда снова был женат и несчастен. Это убедило юношу в том, что ему не стоит жениться, а уж любить кого-то - это просто наказание.

Только богиня Афродита, так и не простившая ему симпатий к Артемиде и отрицания любви, была зла и решила поступить по-своему.

- Ты полюбишь, глупец, это будет первая настоящая любовь, гоняться за Артемидой и видеть сны о ней - это глупости, но ты почувствуешь, что такое настоящая женщина, и я об этом позабочусь. Она злилась на него из-за Париса, о котором он говорил среди друзей насмешливо, как и о выборе, который тот сделал. Она злилась на Тезея, который не смог даже слова против Гермеса сказать, когда надо было бороться за любовь. Ей было немного жаль саму Федру, оставшуюся игрушкой в чужих руках, но ей лучше умереть сразу, чем жить здесь. Афродита верила в то, что она делает и для нее доброе дело. Она не любила Тезея, и она не любила Ипполита, но ведь так приятно знать, что тебя любят, и потом, она будет сильнее, если не будет любить. С какой стороны не посмотреть - она ощущала правоту. А если Артемида разъярится, узнав, что он влюблен в царицу, в жену своего отца, то она своими руками и довершит то, что и должно случиться с глупым и упрямым мальчишкой, который вздумал ей вызов бросить. Да на этот даже сам Зевс никогда не решался, потому что знал, чем это может для него закончиться. Ипполит не знал и не думал, вот и пусть расплачивается.

Стрела Эроса уже пронзила грудь юноши, когда он как обычно был в лесу, и издали с благоговением за богиней наблюдал.

Но что случилось в следующее мгновение. Ему показалось, что какой-то паук укусил его, не очень больно, но чувствительно. Он забыл о боли, как только понял вдруг, и сам испугался этой мысли, он понял, что больше не любит свою богиню.

Она была прежней, величественной, сильной и прекрасной, она была богиней, но ему не было до нее дела. Он так долго носился со своими чувствами и вдруг совсем ничего.

В тот момент она и взглянула на него почти благосклонно, но юноша зажмурился и побежал прочь. Он боялся, что она увидит, что за душой у него нет никаких чувств. Трудно даже представить себе в какую ярость придет она. Подумает, что он ее обманывал. Но он не смел обманывать, он ее любил по-настоящему, только нынче что-то произошло, словно бы из него вынули душу.

И не знал Ипполит, что это просто из души его улетучилась одна любовь, но так как святое место пусто не бывает, то ее тут же заполнила другая.

Он это почувствовал вечером на пиру, когда увидел царицу. Большую нелепость трудно было себе представить, но на этот раз взгляда он оторвать от нее не мог. Это заметили все, кто разделял с Тезеем трапезу, только самому царю не до него, не до нее, как обычно не было никакого дела.

Она заметила его странный взгляд чуть позднее, чем остальные, резко поднялась, подала знак своим служанкам и покинула зал.

Тезей что-то сказал ей, но настаивать не стал.

- Мне показалось, или мальчишка хочет окончательно погубить меня, - спрашивала она у служанки.

- Какое там показалось, об этом все только и говорят. Иди нынче к царю, не отказывай ему ни в чем, он одинок, убеди его в том, что ты жить не можешь без него. Иначе случится беда, - настаивала служанка, советов которой она слушалась прежде.

- И пусть, так разом все и решится, - махнула она рукой, но служанка все-таки отправила ее к Тезею.

Он сидел на ложе своем, когда она вошла бесшумно.

- Тебе что-то нужно, моя царица, - спросил он, не поворачиваясь.

- Нет, сказали, что ты болен.

- Они правы. Я болен, с той поры, когда вскочил на корабль и оставил ее одну, я болен, потому что думал, что эта вздорная девчонка Елена, и эта тупая

воительница заменят мне ее. Я просто струсил перед Гермесом, не хотел с ним связываться, а надо было умереть, но не отступить. Я ошибся, когда надеялся на то, что ты спасешь меня, - признался он в том, о чем так долго молчал.

Федра пропустила мимо ушей слова о себе.

- Эта воительница родила тебе наследника.

- Тупого мальчишку, который только о богинях и думает, мне не нужен такой наследник, да что говорить, уходи, я не хочу никого видеть и слышать, оставьте меня с моей Артемидой.

Тень мертвой сестры нависала над ней. Она побрела прочь, ничего не видя и не слыша больше.

Но ей пришлось очнуться, Ипполит стоял на дороге к ее покоям. Он преградил ей путь.

- Уходи, мне никто не нужен, уходит к своим богиням.

Он развернулся и исчез, но как она смеет упрекать его за что-то, откуда ей известно о его тайных помыслах. Она колдунья и она приворожила его к себе. Он почувствовал страшное притяжение, от которого может избавить только смерть.

Артемиды видела лучше других, что происходит. Ей не было дела до парня, но вот вечной своей сопернице, из-за которой так страдал ее любимый брат Аполлон, она никак не могла спустить. Она отыскала Афродиту на лесной поляне.

- Оставь его, ты не смеешь их всех губить.

- Тебе понадобилась его любовь? - спросила богиня Любви.

Она ждала признания, но было видно, что Артемида никого не любит, как обычно.

- Если нет, то и волноваться не о чем. Тезею не нужен такой наследник, и новая жена не нужна, так кто из нас заботится о них и творит добро - ты или я.

Артемида понимала, что ей больше нечего сказать, она не сможет защитить его от коварства, как и всех остальных не смогла.

И тогда она решила руками Гермеса убрать с его пути Федру. Внушить ему, что царица будет хорошей женой для Диониса, не составляло труда. Он уже носился с этой идеей, и был уверен, что додумался сам.

Он караулил Федру на той дорожке над обрывом, где она любила гулять с того самого дня, когда приехала в Афины - здесь не бывало чужаков. Она видела, как та грубила Диониса, как шагнула безрассудно в пропасть и камнем полетела вниз, но богиня не учла того, что и Ипполит в тот момент был там, он вообще в последнее время преследовал ее повсюду. И он полетел за ней. Артемида вскрикнула - она погубила его, сама без Афродиты.

Она оглянулась. Очень близко около нее стояла Афродита:

- Ты ведь именно этого хотела? Все правильно, царь уже узнал обо всем, он бы сам его прибил, а так руки мараить кровью сына ему не надо, я даже благодарна тебе за это.

- Оставь меня, и не смей приближаться.

- Да я и так ни к тебе, ни к братцу твоему и не приближаюсь.

Афродита была весела и спокойна. Она увидела царя, вместе со свитой спешившего к тому месту, где совершалась трагедия.

Он был молод и хорош, этот сын Посейдона, она избавила его от тех, кто приносил ему столько неприятностей и страданий.

Она знала, что Посейдон одобрит ее действия, ну а Зевс, да кто его вообще разберет. Хотя он не посмеет ни в чем ее упрекнуть, потому что зависит от нее больше, чем от других.

Долго и молча стоял царь Тезей на берегу. Он был свободен, он думал только о той, которая так и не ступила на этот берег, но никто и никогда не сможет ее заменить ни в этом мире, ни в том.

И он видел лабиринт, по которому брел в полумраке, и звал ее снова на помощь, потому что только она одна могла спасти его и вывести к свету, и она сделала это, но он сам своими руками погубил свое счастье.

Они знали, что Артемида не отступила, она уговорила Зевса воскресить юношу, вырвав его из лап чудовища. И он стал первым жрецом в ее храме.

Он признался ей, что больше никого не любит, и вряд ли полюбит когда-то.

- Вот и прекрасно, - улыбнулась богиня, - я не смогла бы доверить своего храма тому, кто влюблен, они настоящие безумцы, а мне нужен жрец, а не любовник.

И тогда он немного успокоился.

№№№№№№

Так и закончилась половина жизни царя и героя. Сначала подвиги, потом потери. Убитые женщины и наследник порой снились ему ночами. У каждого была своя судьба, и все они возвращались в этот мир- только бесплотные тени.

Он не испытывал никаких чувств, он жил дальше, и ждал часа, когда можно будет снова заняться какими-то делами. Что это будет, война или любовь, на второе он надеялся в меньшей мере. Но ведь что-то еще должно было случиться.

Как странно в середине жизни оказаться в полном одиночестве - странно и нелепо, а он остался. И ждал чего-то и часто бродил по морскому берегу и долго смотрел вдаль, словно мог там что-то этакое разглядеть.

Но в те дни не знал и не ведал еще Тезей, что недолго ему осталось бродить по этому берегу. Он должен спуститься в Аид.

Какие странные шутки играет с нами порой судьба.

ГЛАВА 10 **ВЛАДЕЮЩИЙ ТЬМОЙ**

О том, что творилось в это время там, куда отправлялись души ушедших героев. Мы оказались вместе с ними у повелителя Тьмы Аида, как все начиналось, и что происходило до появления Тезея

Наступили новые времена. Никта и ее боги должны были уйти в тень. Молодые боги поделили между собой мир. Зевс предложил бросить жребий, чтобы каждому досталось по справедливости. Какой уж это был выбор, кто помогал или мешал ему, но все вышло так, как ему того и хотелось. Получил

он тогда сам всю землю и небеса, вместе с Олимпом, и среднему брату его Посейдону достались все моря бескрайние. А старшему из них мрачному Гадесу (Аиду) и выпал по жребию подземный мир со всей его пустотой, мечущимися душами умерших, и детьми богини ночи и тьмы Никты. И сама богиня со своими мужьями и возлюбленными там пребывала, преобразуя хаос в подобие порядка. Что могла в свое время она уже сделала, а теперь ждала того, кто примет эти бескрайние просторы и продолжит самый тяжкий труд ее, которому не было конца и края.

В ужас пришел от такой дележки бы любой, но только усмехнулся Аид, и, не прощаясь, отправился в свои владения. Посмотрели братья ему вслед, ничего не сказал Посейдон, хотя уверен он был, что не справедливо все творившееся. Но своеволен Зевс, ведь он все может перерешить и самого его туда отправить, а ему больше нравились бескрайние водные просторы, то, что судьба ему и подарила, потому и молчал Владыка Морей.

- Кому-то и там быть надо, если мы оставим все подземное царство старым богам, то потом беды не оберёмся, а Аид справится, - запоздало говорил Громовержец, поглядывая на свой Олимп.

Не испугала Аида вечная и бесконечная тьма. Он и в утробе отца своего провел немало времени, не привыкать, это Зевсу удалось избежать такого испытания, вот и боялся он тьмы крошечной. А здесь даже просторнее будет, и часто, когда в плену томился, во снах своих видел он Никту, которая говорила много раз, что устроила для него этот мир, как могла, может, он не так хорош, как хотелось бы, но не так и плох. А когда придет он к ним, то и доделает все, что они не успели. Потому и не обиделся Аид на жребий - все так и должно было случиться. Он был фаталистом и просто принял то, что было ему дано.

№№№№№

Еще раз оглянувшись Аид на Олимп, в сторону моря бескрайнего посмотрел и подошел к каменным скалам - вратам своего мира.

Сама Никта вместе с Танатосом и встретила мрачного Аида около самого входа, и проводила по бесконечным черным лабиринтам. И бог Танатос за ними следовал.

- Не печалься особенно, он тебе во всем поможет, он здесь если не с самого начала, то очень давно.

Угрюм и молчалив был с самого начала Аид, но это ее не особенно расстраивало - меньше шума, больше дела. Не хотела бы она тут увидеть Зевса, тот без богинь и дев земных жить не может, или Посейдона, привыкшего над своими морями летать, Аид же был как раз на своем месте. Потому и сказала она:

- Может быть, Зевс и схитрил, но так лучше для дела, так и должно быть. Ты создан для этого мира.

Не знал в тот момент Аид, ругает она его или хвалит. Он вообще не очень понимал речи древней богини, но в глубине души радовался, что она его встретила и старалась ему помочь освоиться здесь. Когда спустился во тьму Аид, то черный плащ упал на широкие плечи его, и никогда больше с одеянием этим не расставался молодой бог. И ворон, прилетев откуда-то, уселся на плечо. Только взглянул на него Аид, но прогонять не стал. Он сразу всем показал, кто теперь главным будет, и если собирался кто-то из сыновей Никты, старых богов, ее место занять, то, как только он шагнул сюда, они мечты эти оставили.

Она и его считала своим сыном, он больше родных ее детей на нее похож был.

Но не успели они до дворца Аидова добраться, в котором Керры к тому времени порядок навели, как полетели Титаны к ним с разных сторон - Зевс оказался немилосерден. Смотрел Аид на то, как валялись они в самые глубокие и мрачные ущелья. И столько шуму в тот момент было, сколько за все предыдущие времена не случалось.

- Братец мой забавляется, он с ними разделаться хочет, а мне за все ответ держать придется, - говорил Аид Никте.

Но поговорить им было особенно некогда, потому что души умерших уже витали рядом и откинул он черный плащ свой, чтобы полюбовались они новым Богом. Трудно сказать, что испытывали те, которые внезапно тут оказывались, заглядывая с тревогой и надеждой в глубину, черных, как сама тьма, глаз Аида, но сама Никта оставалась довольна тем, что увидела она. Он был во тьме просто неотразимым красавцем, и мог своей свирепостью настоящий ужас наводить. Если бы он не был так молод, она сама бы влюбилась в него.

Никта была очарована и готова во всем ему помогать. И понял Танатос, что если его в чем-то и обвинят несправедливо, то будет она на стороне этого красавца. Вот и приходилось вертеться, и смотреть за тем, чтобы казуса какого-то не случилось, ни на земле, куда он за умершими отправлялся не здесь. Но если среди живых всякое случалось, то в такой момент тем более, чего только не происходило

И черная стая Керр, Ламий и Эринний, предстали перед богом тьмы. Всем хотелось взглянуть на него, полюбоваться им. Они привыкли к тому, что их матушка всегда тут правила, но ее время прошло давно, а им нужен был такой молодой, сильный и беспощадный бог, брат Зевса, способный все перевернуть и по-своему устроить. Они рады были ему помогать, потому что знали, что лучше все делать добровольно, чем после того, когда он на них свой гнев обрушит.

Аид немного скучал. Он за короткий срок успел привыкнуть к свету, к пирушкам богов, и разным спорам, он привык быть только одним из трех, и спокойно перекладывал на Зевса принятия всех трудных решения, а тут стал полным хозяином. И столько всяких духов и богов вокруг вьется, и каждому что-то надо от него, каждый пытается свое делать. Увидела его волнения богиня тьмы, и с улыбкой вспомнила она, как сама все начинала когда-то.

- Тебе не о чем беспокоиться, - говорила Никта, когда почти все обитатели этого мира, кроме душ умерших, сошлись около его трона,- все они рано или поздно к тебе пожалуют. А пока взгляни на тех, которые тут обосновались,

они уже привыкли к нашим порядкам, мы немало поработали над тем, чтобы они никуда особенно не рвались и не тешили себя напрасными мечтами

- А почему они такие тихие, никто из них никуда не рвется.

- Они уже испили из реки забвения, и не помнят, где были прежде, куда им рваться нужно. Если бы ты знал, сколько мороки с ними прежде было, а нынче что - это все тишь да гладь.

№№№№№№№№

Но как только произнес эти слова Аид, так и пошло, поехало. Танатос приволок царя Сизифа - пришел его срок покидать землю, а может, кто-то из соседей спровадил его и раньше срока, но что разбираться, пришел, так пришел.

Только он свирепо озирался по сторонам, ни с кем не хотел считаться, и даже во тьме было видно, что замышляет что-то.

- Смотрите за ним получше, на него никакая река забвения не подействует, он только и спешит удрать отсюда, - наказывала Никта своим охранникам.

Она видела, что Аид не знает, да и знать не собирается о людях ничего. Она не могла себе позволить такой роскоши и давно изучила нравы их, знала, что черти водятся в тихом болоте, но этот и не оставлял надежды на то, что он утихомирится когда-то.

- Но у них был и Харон, и пес Цербер, как же он мог сбежать?- про себя думал Аид. Ему казалось, что богиня просто сгущает краски, и все с этим Сизифом вовсе не так страшно. Он мог, конечно, на земле среди людей предпринимать что-то, но как только поймет, что это подземный мир, так и успокоится.

Но ошибся Аид, а Никта оказалась права, уже через несколько дней Сизиф исчез, конечно, он мог где-то в бескрайних лабиринтах спрятаться, но все в один голос твердили о том, что сбежал Сизиф на землю.

Это было первое происшествие в момент пребывания Аида на земле. А до Олимпа уже дошло известие о том, что даже Сизифу удалось сбежать, и удивительно, что Титаны еще в тюрьме своей подземной томятся.

И возмутился Зевс не на шутку, оказывается, это за ним подглядывал плут, когда он похищал одну из девиц, и хватило же наглости еще обо всем и рассказать ее отцу. Вот потому он и послал Танатоса и отправил его к Аиду, глазом моргнуть не успел, а тот снова на земле, и жди от него новой беды.

- Да что у него там такое творится, а еще говорят, что никто оттуда не убегает, - спрашивал Зевс Гермеса. Тот пытался ему объяснить, что этот особенный тип, что он и Зевса самого в грош не ставит, но Громовержцу от этого легче не становилось.

Но самое страшное в том и состояло, что он и бога Танатоса после побега своего пленил. Не зря говорят, что беда одна никогда не ходит. Сам Аид, все еще обиженный, на земле не появлялся, за Танатоса работать было некому, и что началось - люди умирать перестали вовсе, расплодилось их столько, что и шагу ступить было некуда. Тогда все они и заметили, как много трудился Бог Смерти, сколько доброго дела он делал для всех. Своей дерзостью хорошую услугу оказал ему Сизиф, только могло это к настоящей беде их мир привести, а тот появляется то там, то тут пьет и гуляет. Гермес тоже где-то запропастился, и понял Зевс насколько труднее обыденная жизнь, чем бунты и подвиги, которые они совершить успели. А надо было что-то срочно делать, чтобы порядок восстановился. Им, в подземном мире хорошо, мороки меньше, а на земле что теперь творится?

Арес оказался под рукой у него, более боевого парня не отыскать, вот и потребовал Зевс:

- Отправляйся и найди бога смерти, пусть он своим делом занимается, ничего они без нас делать не могут.

Вот и Никта больше к нему не заглядывала, а он так надеялся на ее помощь. Но она теперь только с Аидом носится, и до трудностей Зевса им дела никакого нет.

Арес отправился на землю. Ему надо было найти иголку в стоге сена - вернее бога смерти, где-то поблизости от того места, где живет Сизиф, об этом даже он в тот момент догадался. Но искал его, искал Арес, а ничего у него не выходило.

Может, он и долго бы еще там искал, только испуганная девица указала на тот погреб, в котором бог томился. И отбросил Арес дверь чугунную. Вот вдвоем они к Сизифу заявили и связали его, чтобы назад доставить. И доставили, а когда сбежал он во второй раз, тогда уже бог Танатос сам придушил его и отволол назад. Бросил он бездыханное пока тела к ногам Аида. Взглянул сурово на неутомимого Странника Аид.

- Прости, владыка, но третий раз я за ним не побегу, вот и пришлось прибить, а теперь уже вряд ли он захочет бежать.

- Ты ему из реки забвения напиток дал? - спросил его Аид.

- Да я придушил его, а потом в той самой реке еще и топил.

Тогда и взял Аид с Сизифа слова, когда очнулся он после мер, которые бог смерти предпринял, и пообещал Сизиф, клятву страшную дал, что сбежит он только после того, когда исполнит данную ему тут работу. Он пообещал, уверенный, что ничего проще нет.

Кто-то самый умный и занятие для Сизифа придумал - стал он камень в гору катить, чтобы поменьше бездельничал да уловки придумывал, он не знал сначала, что не сможет его дотолкать до вершины, сорвется камень и рухнет вниз. Так повторилось и во второй, и в десятый раз. И сколько не просил Сизиф о милости, не было ее. Бог был безжалостен.

Тогда Сизиф, решив, что с женщиной ему удастся договориться быстрее, и стал подсказывать ему, что если бы женился он, то в мире этом веселее бы стало.

- А не хочешь ли ты мне невесту отправить искать?- поинтересовался Аид, понимая, к чему он клонит.

-Я не могу, мне надо еще камень до вершины докатить, но здесь есть много бездельников, которые могут тебе достойную жену поискать, слышал я, что и Посейдон уже женился.

Он не стал ему рассказывать о жене Зевса, потому что тогда их Аид точно никогда жениться не захочет. И видел он, что слова эти потихоньку стали до их бога доходить.

Богиня Никта на этот раз поддержала Сизифа.

- И ты туда же, ладно, этот тип сбежать хочет, а тебя что так заботит?- удивился тот. Он знал, что она ему никогда зла не желала.

- Никуда он не денется от нас, пока камень тот не закатит, а закатить он его никак не сможет, потому никуда не денется, но ты не о нем, а о себе подумай, как хорошо было бы тебе с молодой женой.

И так много и упорно она ему о том говорила, что и отправился в один момент Аид, завернувшись в черный плащ, по бескрайним землям, чтобы отыскать ту, которая согласилась бы стать богиней подземного мира. Она должна быть дочерью богини, на меньшее он не мог согласиться. Долго метался по бескрайним просторам Аид, успел он заметить, что ничего особенного в мире, залитом светом нет, только глаза режет, а так все очень даже похоже на его собственный мир. Это его окончательно успокоило и примирило с братом. В тот момент среди нимф на лугу, он и увидел девушку...

№№№№№

- А что это Аид на земле делает, - насторожился Зевс, как только с Олимпа своего разглядел черного всадника, завернутого в черный плащ,- он, что сам Сизифа искать собрался?

Зевс знал про камень, и про то, что не сможет больше вырваться из подземного мира Сизиф, просто стало это шуткой странной среди богов. Так Сизиф и увековечил там память о себе.

Фемиде было не до шуток, она понимала, что просто так не покинул бы своих владений Аид, он тут не появлялся с момент дележки.

- А ты порадуешься, когда он одну из твоих дочерей украдет, - с грустью заявила Фемида.

А Гера, как только услышала о том, так и стала думать, какую бы из девиц к Аиду отправить. Больше всего ей хотелось избавиться от Артемиды или Афины. Но она понимала, что не стоит мечтать о несбыточном. За спиной одной из них Аполлон стоит, а Зевс исполнит любую его просьбу, Афина сама устроит там такое, что ее вернут назад, не задумываясь из любого мира.

Загрустила немного Гера, но когда появилась в полной печали Деметра, она снова возликовала. Ее Персефона была молода и прекрасна, вот там ей и самое место. Ничего плохого лично ей девица не сделала, но она была дочерью Зевса, и в этом главная ее вина перед Герой.

- А почему ей не пожить там, Аид не так страшен, - вкрадчиво говорила она, решив, что справедливость торжествовала. Хотя, какая там справедливость, невинная девица за грехи матушки своей расплачиваться должна.

И верховная богиня в один прекрасный миг спустилась в подземный мир. Она пришла в ужас, но решила добраться до его дворца, если девчонка тут оставалась, то она уж пробудет несколько часов во владениях старшего брата своего.

Она шагнула в эту залу. Вся в сиянии сидела девица, и вовсе не казалась Персефона несчастной.

- О, Гера, разве ты появляешься тут, - удивительно, не скрывая насмешки, спрашивала она, узнав даже во тьме богиню. Но Персефона знала, что она не подчиняется ей, теперь они на равных. И ей понравилось новое свое положение.

- Я пришла убедиться в том, что тебе хорошо у братца нашего.

- Я так счастлива, - восторженно говорила Персефона,- как ты не бывала никогда.

Может, она и не хотела сказать ничего скверного, и обидеть Геру не хотела, но прозвучало это под пустыми сводами именно так. А такой милый и наивный ребенок, на первый взгляд.

Ни слова не проронил Аид, глядя на сестру свою. Ни разу до сих пор она не появлялась тут, пока не захотела убедиться в том, что Персефона одинока и несчастна, вот злодейка. Но Персефона молодец, что бы она не чувствовала, но той не удалось добиться своего, и не удастся. И не нашлась богиня, что на это ответить

Гера ушла быстро, она почувствовала их неприязнь, и увидела, что она тут лишняя, хотела как лучше, для себя, а получилась, как всегда.

А между тем, богиню уже потеряли на Олимпе. Без нее было спокойнее, но Зевса волновало, где она могла быть, откуда ждать беды.

Когда Зевс спросил о ней, Гермес произнес насмешливо:

- Твоя жена на свидание отправилась, подозреваю, что ее возлюбленный - бог смерти.

_- Ты об Аиде говоришь?- насторожился тот

- Да какой там, они с Персефой так счастливы, что ему никакая Гера не понадобится, я о Танатосе говорю, который и Сизифа уже пару раз упустил, а уж невесту никакую не удержит. Ему только Гера для порядка нужна.

Гермес совсем потерял страх, он оскорблял одновременно и Геру, и Бога смерти, может он и бессмертный, но эти двое, если они объединятся, впрочем, Гера стояла на пороге, и он не успел закончить свою мысль.

Гера слышала то, о чем они говорили, но решила сказать для разнообразия правду:

- Я спускалась в подземный мир.

Все насторожились и смотрели на нее.

- Мне хотелось убедиться, что твоя дочь несчастна и раздавлена, но она счастлива, я зря проделала свой путь.

Никто ничего не посмел ей сказать в ответ после этого.

- Я не понимаю, как можно жить и что можно делать в этой тьме, но она там счастлива. И знаешь, о чем я подумала, жребий выпал неправильно. Это не его, а тебя надо было заточить в подземный мир, там девиц и богинь не особенно много, а Никта древняя старуха, за Керрами думаю, ты бы тоже бежать не решился. А тот, кто может сделать любимую женщину счастливой, он должен оставаться на Олимпе.

Гера не села за стол рядом с ним, она развернулась и пошла в свои чертоги. Все же остальные продолжали сидеть молча.

Никогда никто так не оскорблял Зевса, он понимал, что Гера была на него за что-то сильно обижена, но чтобы при всех сказать ему такое, да по какому праву.

Он не успел опомниться, как появилась Деметра. Она была убита, раздавлена, он понял, что речь снова об Аиде пойдет и их дочери.

- Не произноси ни звука, моя Женушка уже все сказала, я боюсь, что нам не удастся ее к себе вернуть.

- Призови Никту, у нее не так мало власти, как она хотела бы тебе показать.

- Ты не слышишь меня, она любит Аида так, что Гера чуть не лопнула от злости, что же сможет сделать Никта, Сизиф все время сбегал к нам, а она снова убежит к нему, она съела гранат, раньше дочери надо было объяснять, как вести себя с богом смерти.

Во тьму отправился Гермес с приказом Зевса вернуться Персефоне на землю на полгода.

Он боялся влюбиться в Персефону, потому что понимал, что никому не удастся увести ее у Аида, он только станет посмешищем, а этого Гермес допустить никак не мог. И он не влюбился, богини Афродиты то тут не было, и стрелы разбрасывать бы некому было. Да и она бы не стала так с Аидом шутить, потому что этот бог не признавал никаких шуток. Но сама Никта в тот момент появилась перед Гермесом.

- Тебя ли я вижу красавчик, это что-то новенькое.

- Не будете девиц воровать, вот и приходится по вашей тьме бродить, - ворчал он.

Никта благодарила судьбу за то, что появились младшие, за то, что с ними и тьма преобразилась, и мир их стал если не прекрасен, то вполне сношен. Как много произошло за последнее время. Ее радовали эти события.

ГЛАВА 11 ВОЗЛЮБИВШАЯ ТЬМУ

О том, как дочь Деметры Персефона оказалась любимой женой Аида, и что происходило там до появления Тезея и других героев

Когда-то, в самом начале, хитрый и коварный Зевс обманул своего старшего брата Аида, и все сделал для того, чтобы в его владениях оказался подземный мир. От такого наследства особенно не порадуешься. Но Аид подчинился воле победителя и шагнул в вечную тьму.

Он очень редко появлялся после этого на Олимпе, понимая, что сравнение всегда будет не в его пользу. Да и сам Зевс старался не напоминать брату своему о том, что жребий оказался не особенно справедливым. А чтобы было ему кем править, стал он посылать в его мир души умерших. Ему не особенно хотелось на них любоваться, а Аиду не так скучно будет во тьме и одиночестве. Конечно, это не то же самое, что его подопечные, но и мороки с ними поменьше будет. Большинство из них спокойно спускались в подземный мир после того, как завершился их земной путь. А уж когда они воды из Леты испивали, то и вовсе ни о чем особенно не тужили.

Правда, попадались и совсем другие, такие, например, как царь Сизиф, который только и думал о том, как из владений Аида назад, к Зевсу сбежать, что только он для этого не придумывал. Только сколько не бегай, а понятно, что выловят верные посланники тьмы и отправят они его назад. А чтобы мысли дурные в голову не лезли, дали они ему важное поручение. Он должен был камни на гору катить, и в физическом нелегком труде пруть свою усмирять. А чтобы удовольствие растянуть, так незаметно Ний и другие боги

тьмы и сбрасывали этот камень назад, чтобы не особенно он радовался и свое дело важное, но бесконечное с самого начала и начинал. Так он о побегах и хитростях думать перестал. И пример был поучителен, те, кто не обременены были такими делами, больше не думали, как им сбежать, да и самого Аида обмануть.

А в те времена, когда Гера уже безуспешно гонялась за возлюбленными Зевса, и детишек их то изводила, то воспитывала, это, как получится, не боясь дурного примера хитрого брата своего, страшно страдавшего от ее преследований, решил Аид жениться. Легко сказать, да трудно сделать. Это Зевс мог себе выбрать любую, они все, невзирая на великие трудности, к его Олимпу стремились, уверенные, что им-то уж удастся удержать в изящных своих ручках строптивного Громовержца. Ни одной не удавалось, но они снова и снова за ним стремились, как мухи на мед. Некоторые в тех самых мух и превращались.

А Аид совсем другое дело, где найдется такая девица или богиня, которая согласится добровольно в подземный мир спуститься и с ним оставаться. Он пока таких не встречал. Но ему нужна была единственная и неповторимая, юная и прекрасная, чтобы она не только козни ему не строила как та самая Гера, а любила самозабвенно и во всем с ним соглашалась. Он понимал, что осуществить это было не так просто, ведь за время пребывания в подземном царстве и общения с душами мертвых, характер его и без того не особенно покладистый, стал совсем уж несносным. Он и сам порой себе был не рад. Вот и заговорили все наперегонки, даже бог смерти намекнул ему на то, что должен он жениться.

- И на ком интересно?- просто так, чтобы поддержал разговор, спросил его угрюмый Аид.

А тот не растерялся, и сказал он:

- Видел я среди нимф прекрасных юное создание, хрупкое и великолепное, как цветок весенний, правда, - бог немного помедлил,

вглядываясь в полумраке в черты Аида, - не простая она смертная, а дочь бога Зевса и Деметры самой.

- Ты о Персефоне говоришь? - спросила его богиня ночи Никта, - да девчонка так молода и неопытна, что в нашем мире цветок этот через минуту завянет, а если нет, то с любым чудовищем унесется она назад к матушке своей.

Аид слушал их внимательно. Его не смутило то, что была она дочерью Зевса, пожалуй, именно это и стало главным в момент выбора. Если Громовержец, не раздумывая, его сюда отправил, то почему бы и дочь его сюда не заполучить. А если она юна и прекрасна - тем паче. Правда, ему не хотелось огорчать Деметру, она то не виновата ни в чем, но он решил для начала взглянуть на девушку.

№№№№№№№№

Никогда еще с такой радостью не запрягал бог тьмы в колесницу черных своих коней, и не мчался, шурясь от яркого света на зеленый луг, где и резвилась ни о чем не подозревавшая Персефона.

Он сразу узнал ее, хотя никогда прежде не видел. И понял, что он останется с ней навсегда, кто и какие козни бы не строил ему.

Это был тот случай, когда он готов был схватиться и с Зевсом самим, и со всем миром драться до победного конца. А в том, что он победит, и смерть одержит верх над жизнью, в том сомнений у него не было никаких.

Но в тот раз он вернулся к себе в одиночестве и раздумьях. Он не мог так просто утащить невинную девушку, почти ребенка, во тьму свою. Для этого надо было убедиться в том, что она любит его.

Рассмеялась богиня Никта, когда она услышала речи его.

- И ты будешь с ними церемониться? Да они должны быть счастливы, если ты возьмешь ее в жены, еще спасибо тебе скажут.

Аид вовсе не был уверен в том, что так и будет, но не выходила у него из головы Персефона - она была для него единственной и неповторимой.

№№№№№

- Она должна отправиться к тебе сама, - говорила Аиду Никта,- а для этого три вещи есть, мы ей цветок смерти подсунем, потом граната дашь опробовать, ну а третья - ложе с тобой, насколько ты будешь нежен и ласков и терпим, настолько она с тобой и останется.

Они так далеко зашли в разговорах своих, что Аид уже считал ее своей женой, хотя ни сама Персефона, никто из близких ее о том и не подозревали.

Но они понимали, что это только дело времени, а уж если Никта взялась за дело, то все непоправимо.

№№№№№

Девушка опередила своих подруг и бросилась к первому цветку. Он был таким нежным и прекрасным, этот нарцисс, и где ей было знать, что это цветок смерти. Но как только сорвала она его, так разверзлась перед ней земля, и она оказалась в объятиях тьмы.

Богиня ночи была неумолима. Может быть, Аид и сжалился бы над ней, но у богини не стоит просить о жалости. Она увлекла ее в свою тьму. И какие-то странные речи усыпили ее так, что она еще не испугалась и не смела рыдать.

Тогда он со своим гранатом и шагнул к ней.

- Не ешь ничего в том мире, куда нет пути живым, - говорила ей одна из колдуний, тетушка Цирцея, потому что ей было известно о том, что с ней случиться должно.

Но он был так ласков и нежен, а она так подчинена его воле, что взяла в руки Персефона зернышко граната, и опустила его в рот, не в силах обидеть своего повелителя. Она понимала, что ее положение как-то было связано с тем нежным цветком, который она сорвала недавно. И таким вкусным показался ей тот гранат, что она потянулась за остальным плодом. А сам бог, она еще не видела такого красавца, с такими темными, бездонными,

пронзительными глазами. Ее отец Зевс вовсе не был так силен и хорош, как брат его. Все во тьме вопило о том, что юная Персефона влюблена.

Никта радовалась тому, что все складывалось даже проще и лучше, чем она могла подумать прежде, хотя тревога в душе ее оставалась. Она прекрасно понимала, кто стоит за спиной у этой девчонки. Да и как поведет себя с ней неуклюжий Аид, это был еще вопрос.

№№№№№

Но беда всегда приходит оттуда, откуда ее не ждешь.

Взвывала Деметра, словно ни у кого больше не было детей, и они их не отдавали замуж. Пусть и во тьму, но за верховного Бога, за любимое создание, без которого нет жизни.

Сколько не пыталась ее Никта утешить, но ничего та видеть и слышать не хотела, она бродила по земле, обезумев от горя, и требовала только одного, чтобы ей вернули дочь.

- Любовь, - слово для Никты далекое и непонятное, осталось единственным спасением для сурового Аида, если она его не полюбит, то они, вопреки всем законам, заберут ее назад, и он никогда и никого больше не сможет заполучить. А ведь им всем даровано бессмертие, попробуй его, в одиночестве скоротай.

У нее все получилось и на этот раз. Никта и сама не знала, когда страх и растерянность сменились любовью, но это случилось. Богиню ночи, никогда никого не любившую (этим она и была сильна), нельзя было обмануть - юная Персефона любила сурового Аида, на которого и сама распутница Афродита, и девственница Артемида и взглянуть-то боялись, девчонка оказалась не промах. Она сделала правильный выбор.

Но в те дни ее торжества, Деметра и спустилась в подземный мир. Аид вместе с Персефой вышли ее встречать. Никта сама видела, они не претворялись, они были счастливы. Но ничего этого не хотела видеть и знать несчастная мать.

- Если ты не вернешься домой, я погублю землю, посмотрим, что тогда скажет отец твой, - говорила она своей дочери, и слезы текли по ее щекам.

- Но я люблю его, в нем моя жизнь.

- Я не для того тебя рожала и растила, чтобы бросать во тьму, я хорошо знаю своего брата, тот, кто обручен со смертью, не способен любить, - снова и снова повторяла она.

И Аид давно бы уничтожил ее, но он дал себе слово из любви к ее дочери оставаться терпеливым.

И хорошо, что Никте удалось уговорить ее вернуться на землю.

- Я, конечно рада, - говорила она, - что земля стала похожа на ту, какой я видела ее в самом начале, но боюсь, что остальных это не особенно обрадует, тебе не место здесь.

- А моей юной и прекрасной дочери место среди вас и вашей тьмы?

- Допустим, тьма это общая, а ты бы сама увидела, если бы хорошенько посмотрела на них, что они вместе, и она любит его.

Понимая, что ни от кого во тьме ничего она не добьется, Деметра бросилась на Олимп. Она и сама забыла, что свет может так сиять над головой, что мир может быть так прекрасен. Но она рыдала и лишалась чувств, пока поджидала Зевса, и ругалась с Герой, которая радовалась тому, что хоть одна из его дочерей, не его рожденных, остались там, где им и нужно быть.

Затаившись, Зевс слушал речи своей женушки. Он приходил в ужас, когда представлял себе, что его юная прекрасная Персефона оказалась во тьме, да еще в объятьях его братца, который и его приводил порой в тихий ужас. Никта уверяла, что она любит его, но та, чтобы заслужить благосклонность Аида, еще и не такое скажет.

- Земля погибнет, - говорила Деметра, - пока она не вернется, я и пальцем не пошевелю, и тогда у тебя на Олимпе будет такая же пустота и тьма, как и в подземном мире.

Она никогда не угрожала ему просто так, и Зевс задумался. Гермеса разыскивали долго, а потом ему пришлось рассказывать обо всем, что без него тут происходило.

- Я был там у них, очень недолго, - вдруг сообщил он, - долго во тьме бродить - не большая радость, одно могу сказать тебе - она его и на самом деле любит. Об Аиде твоим и говорить нечего - она для него лучик света в этом мраке, и разлучать их нельзя.

- И что нам делать с Деметрой, ты убедишь ее в этом.

- Может, со временем, сейчас вряд ли.

- У нас нет никакого времени, земля погибнет, нам ничего не останется, все наши души к Аиду перейдут.

Гермес молчал. Он упорно думал, а потом выпалил:

- Только одно можешь ей предложить, пусть она пока будет полгода с ней, а потом уходит к своему Аиду, это единственное, реальное дело.

Зевс возрадовался. Деметра долго противилась, но она понимала, что это лучше, чем ничего. Но как об этом сказать Персефоне, как вырвать ее из рук Аида, когда они почти неразлучны.

- Это тебе сделать придется, - тут же заявил Зевс.

- Мне, я должен столкнуться с братцем твоим.

На его красивом лице появился неподдельный ужас, - вот и раздавай после этого дельные советы. Но спорить с Зевсом не было никакого резона. Сам он к Аиду отправляться не собирался. И Гермес пошел туда, еще не зная, как сказать ему влюбленным о том, что решил Зевс, о том, что они должны разлучиться, пусть не навсегда, но для влюбленных каждый день разлуки кажется вечностью.

№№№№№№№№

Аид взбесился. Когда-то братец отправил его в этот мир, одним движением руки, теперь забирает у него возлюбленную.

- Но это не навсегда, и это не ему нужно, а нашему миру, который твоя сестрица погубит, пока вы тут наслаждаетесь тьмой и любовью.

Теперь уже Аид ничего не хотел слушать, но Персефона, зная свою матушку, оказалась более разумной и стоворчивой.

- Хорошо, иди и скажи ему, что будет так, как он хочет, я вернусь.

- Только ты особенно не затягивай, там уже засуха начинается, и голод не за горами, - предупредил ее на прощание Гермес.

- Я скоро буду, - твердо говорила Персефона, и сам Аид удивился тому железу в ее голосе.

- Разлука только усилит нашу любовь. Мне нужно образумить матушку, ты же видел ее, но я вернусь к тебе даже раньше назначенного срока, она увидит, как я страдаю без тебя и отпустит меня.

Гермес сделал вид, что удалился, но он подслушивал их разговор, ему надо было знать наверняка, что она вернется, а не передумает.

Еще долго не соглашался Аид, но потом он смирился, и начал ждать ее возвращения с той самой минуты, как только разжались их объятья.

№№№№№№

Когда Персефона оказалась на земле, Зевс не выдержал и спустился к дочери своей. Он все должен был видеть своими глазами.

- Скажи, ты вернешься к нему, я не могу тебя неволить, если ты не хочешь этого, я постараюсь что-то придумать, - говорил он виноватым голосом.

- Я считаю, дни и час до того времени, когда снова обниму его, если ты хочешь что-то сделать, объясни матушке, что мне нет жизни без него здесь, что мир пуст и жалок там, где нет моего Аида.

Зевс напрягся, он старался вспомнить братца своего, и уверял себя в том, что его невозможно так любить. И ладно если бы это был Посейдон, но Аид. Но девчонка его не обманывала, она отказалась от его помощи.

Зевс поспешил уйти. Впервые чувство зависти сжигало его грудь.

- Что с тобой? - спросила его Гера, - что могло тебя так поразить?

- Меня никто никогда так не любил, - только и сказал он,- а для него и тьма прекраснее нашего Олимпа оказалась.

Гера хотела что-то возразить, но промолчала. Он даже не замечал того, как неверный муж обижал ее, но ему до этого не было дела.

- Цветок смерти, а может быть, из двух братьев ей следовало выбрать Аида, но что теперь об этом мечтать, - с грустью думала верховная богиня.

А Персефона, порывисто обнимая свою матушку, и рыдая от радости, всей душой стремилась во тьму, к своему Аиду, ей и на самом деле нигде в другом месте не было без него жизни. Такое бывает среди богов и людей, но очень редко.

ГЛАВА 12 ТЕЗЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

О том, как бездумно и безрассудно отреагировал на трагедию наш герой, куда и зачем на этот раз отправился тот, кто прошел в юности лабиринт Миноса.

А если соперником грозный Аид
предстанет во тьме роковой
Но сын Посейдона с тобой говорит,
и он за твоею женой
Любимой явился, и воля твоя,
расправиться с ним, изнывая,
И в ярости дикой над тьмою царя,
властитель его отправляет
За дверь. Персефона устало молчит,
он добр и тих не на шутку,
И лишь улыбается грозный Аид.
Пускай подождет он минутку,
Мне надо подумать. - О чем дорогой,
- Да так, не пойму для начала,
Что гонит его, безрассудство, любовь,
какая игра ликовала.
Она удивленно на мужа глядит.
И ей непонятно все это.
И лишь улыбается грозный Аид
- Пусть он посидит до рассвета,
- Какого рассвета, о, мой дорогой?
- Встревожилась странно царица.

- А рядом останется страсть и любовь,
и он здесь теперь охладится.

Усевшись на камень, и сам каменея,
Тезей удивленно молит.
И больше не видели люди Тезея,
В Аиде рассвет наступил?
Да сроду его не бывало, не будет,
и значит, за дерзость заплатит
И только Геракл однажды разбудит:-
Пошли, засиделся ты, хватит
Забыл для чего приходил он когда-то,
и с кем он тягаться хотел,
Уходит герой, и за дерзость расплата –
стать камнем лежащим без дел

В те дни, когда Федра ушла от него, шагнув в пропасть, обвиненная во всех смертных грехах, и увлекшая за собой его единственного наследника Ипполита, самый обаятельный, да что там, неотразимый из мужей афинских перешагнул сорокалетний рубеж. И был он навсегда отравлен любовью, к той, которой давно уже не было в мире, и грозная волшебница Медея пылала жаждой отмщения за уплывшие из ее прекрасных ручек Афины, а он, чтобы забыть обо всем, устремился в новые миры и новые схватки.

Потом Тезей часто спрашивал себя, какова была бы его дальнейшая жизнь, если бы на пути его не встал настоящий авантюрист и забияка Пирифой, но Медея толкнула его именно к Афинам, и следила за тем, чтобы ему не удалось увернуться от схватки с Тезеем.

- Его называют героем, - говорила она, - но ты в десять раз лучше, докажи это и себе и всему миру.

- Я не смогу прикрыться Владыкой Морей, он никогда не был моим отцом и даже дальним родственником, - торговался с чародейкой Пирифой.

- Я буду с тобой, и в трудную минуту приду тебе на помощь, и нет для меня страшнее врага, чем Тезей.

Он не мог не согласиться с ней, и он получил то, чего желал, ее обещание помочь.

Сражение под стенами Афин было яростным. Волшебница исчезла, когда увидела сначала Гермеса, а потом колесницу самого Посейдона. Ей вовсе не хотелось оказаться на дне морском, пусть и у его объятых, она еще очень хотела жить, и посмотреть на поражение Тезея.

Любила ли она его? Если лютую ненависть можно назвать любовью, то, вероятно, любила, хотя даже себе самой она ни в чем не хотела признаваться. Но пока она смотрела на то, как сразит его Пирефой.

Но вся ее беда и состояла в том, что она не была Герой, хотя и у той мало, что получилось, и Тезей был вовсе не похож на Геракла, хотя жизнь не раз сталкивала и еще столкнет этих двоих.

И когда появился грозный Посейдон, а Медеи и след простыл, забияка срочно решил признать, что силы их равны, и заключил союз с героем, и стал он клясться в вечной и несокрушимой дружбе. Про себя он думал о том, что и при этом раскладе получает не так уж мало.

Тезей был одинок, победа делала его щедрым и великодушным, но он даже представить себе не мог, как много горестей, бед, испытаний принесет ему дружба с этим любимцем грозной Медеи.

Чего стоила одна свадьба Пирефоя с Гипподамией, куда он, по совету Медеи (он все еще слушался ее советов) пригласил кентавров. И какое скотство устроили пьяные кентавры, когда герои были хмельны и безоружны, о том лучше совсем не вспоминать. Но Геракл оставался силен, да и он не подкачал, с кентаврами они разделались. А Пирифой так клялся, что понятия не имел о том, что такое могло произойти, что Тезей поверил ему. И совершенно напрасно. Но, возможно, в те дни ему было просто скучно и одиноко, и этот человек вносил в его жизнь хоть какую-то радость и разнообразие, тем более что ничего страшного ему не грозило, он оставался героем, боги и удача были на его стороне.

№№№№№№

Пирифой явился к нему сразу после того, когда Тезей узнал, что жена его умерла. Он удивленно взглянул на друга, тот не казался ему несчастным и подавленным.

- Знаешь, о чем я подумал,- заявил он решительно, - нам нужны новые жены.

- И куда же мы за ними отправимся?- спросил его Тезей, готовый ехать куда угодно.

- В Спарту, куда еще.

О Спарте ему накануне рассказала Медея, которая только что перед ним появилась.

- Я могу составить тебе компанию, - согласился Тезей, - но мне не нужна новая жена, Федра приходит ко мне по ночам, мне никогда не забыть Ариадны. Нет, я не хочу умножать число своих печалей.

- Хорошо, - притворно согласился его друг, - но мне не хочется оказаться там, в одиночестве, мне нужна будет твоя помощь и поддержка.

Верил ли в то время Тезей, что он может оставаться только другом жениха, или просто ни о чем не задумывался, но он собрался в дорогу, и они отправились в Спарту. Лучшей компании пронира Пирефой и представить себе не мог.

№№№№№№

Там все было совсем не так, как представлял себе Тезей. Та, о которой его друг говорил, как о своей невесте, была ребенком, прекрасным и очень шустрым ребенком. Тезей понял, что именно о такой дочери он и мечтал, но его невесты никогда не были такими юными.

Впрочем, как только он шагнул на порог, этот ребенок преследовал его повсюду. Она с детства знала сказку о том, как прекрасный юноша появился на

Миносе, и царь со смехом заявил ему о том, что если он сын Посейдона, то пусть вернет ему кольцо, которое он тут же зашвырнул в синее море.

И через несколько минут на берегу появилась прекрасная Нимфа, которая не только вернула ему кольцо, но принесла золотую корону. Тогда и влюбилась в него царевна Ариадна.

Как только Елена осталась вдвоем с Тезеем, она напомнила ему эту историю.

- Скажи мне, о прекраснейший, все так и было.

Тезей смутился немного, он и представить себе не мог, что в Спарте девочка будет рассказывать ему историю, которую он и сам уже смутно помнил.

- Посейдон бы не позволил ему усомниться в моих словах,- только и сказал он.

Елена видела не просто героя, красавца, того, от кого она не могла оторвать глаз, он останется в душе ее навсегда, и с той минуты никакой мужчина никогда не сможет с ним сравниться, она если не знала, то чувствовала это.

Но в те минуты все было так замечательно, правда, была и одна заминка, когда она сказала отрывисто и почти яростно:

- Хорошо, что она осталась с Дионисом, вся ее заслуга только в том, что она родилась раньше меня.

Ничего на это не ответил девчонке герой, только лицо его стало каменным, и в глазах появилась такая боль, что Елена дала себе слово, никогда больше не напоминать ему об Ариадне.

- Ты не сможешь бороться с призраком, - говорила ей старая служанка, - она спасла его, тебе этого не дано.

- Эка невидаль, а он спасет меня, и от этого он станет еще большим героем.

И с той поры Елена умоляла его только об одном, спасти ее от женихов.

- Увези меня в свои Афины, я не хочу оставаться здесь, моя сестра возненавидела меня, это она хотела стать твоей женой. Она не даст мне покоя. Забери меня, я буду с тобой, как ты захочешь, позволь мне подрасти немного, они все не любят и не понимают меня.

Тезей посмотрел в глаза Клитеместра, столько холодной злости и зависти было в этой юной душе. На самом ли деле она хотела стать его женой, или Елена только лукавила, чтобы добиться своего, он понятия не имел, но он и не заикнулся о женитьбе на ней. Где-то в стороне все время оставался и друг его, он словно забыл о желании жениться на спартанской царевне, и даже ни слова о ней не сказал, словно Елены и не существовала.

№№№№№№№№

Ночью, в темном саду Пирифоя поджидала Медея. Она была зла и нетерпима:

- И чего ты добился?

- Она влюблена в него?

- Но она не нужна ему, - возмущалась Медея.

- Вот и сделай ее похожей на Ариадну?

- Да нет более разных созданий, у меня ничего не выйдет.

Но Медея понимала, что ничего другого и не придумать. И у нее кое-что получилось. В тот самый вечер Тезей увидел не Елену, а Ариадну, чуть моложе, чем ту, какой он ее знал.

- Ты снова хочешь меня бросить, любимый, - очень тихо повторяла она.

И он понял, что за это время он забыл ее голос, но в остальном она была так похожа на ту.

- Я не брошу тебя, корабль готов к отплытию, - в один миг заявил Тезей.

Он знал, что пожалеет о своем решении, но это случится не нынче.

Она не заставила себя уговаривать. И они отправились туда, в Афины. Долго еще не могли понять брошенные женихи, куда исчезла их юная невеста,

некоторые только догадывались о том, что повторилась история, которая была когда-то на Миносе - Тезей увез с собой царскую дочь.

№№№№№№

Афродита должна была предстать перед Зевсом.

- Зачем ты сделала это? - спрашивал ее громовержец.

- Это лучшее, что я могла для твоей дочери сделать. Тезей не тронет ее.

Он позволит ей подрасти. О том, кто считается ее отцом, я сказать этого не могу, он готов отдать ее любому.

- Но Сын Посейдона не любит ее, - бросил в отчаянии Зевс.

- Зато она его любит, ты хочешь лишить ее единственной любви?

Он не хотел этого, но почему единственной?

- Потому что герои у нас все перевелись, страсти остались, воители остались, но это совсем другое, - говорила ему Афродита.

- А ты не помнишь, как он обошелся с Федрой?- не унимался Зевс.

- Это история, в которой он виновен меньше остальных, да так и записано в их судьбах.

Против этого Зевс не нашелся что сказать, он просто обреченно махнул рукой.

№№№№№№

Издаലെка поглядывал на них верный друг. Тезей снова обошел его, и Медея видит, как он никчемн, но ему нужна жена. Если Елена выбрала его, то ему нужна богиня, он уже твердо был уверен в том, что все возможно. Но какая, такая, чтобы не только оставаться целым, но и не особенно пострадать.

Он терялся в догадках, не в силах решить, какая же из богинь ему милей и ближе.

- Персефона, - услышал он спасительный или губительный голос Медеи.

В первый момент Пирифой опешил. Вот уж о ком у него не было и мыслей даже, так это о жене Владыки подземного мира. Это казалось

дерзостью даже для него. Но он знал, что раз Медея так решила, то он не сможет отвертеться.

- Возьми с собой Тезея, он сын Посейдона, и Аид не сможет противиться вам. Персефона прекрасна, и ты обойдешь Елену.

Герой долго медлил, но к концу плавания, когда он увидел, что Тезей не влюблен, и он отправится в путешествие, он и взял с него слова, что они отыщут и ему молодую жену.

Тезей был неосмотрителен, да и как он мог отказать другу, но ведь ему и в голову не могло прийти, что они отправятся в подземный мир.

Он сказал это так громко и торжественно, что Тезей взглянул на него свысока:

- Ты говоришь о жене Аида.

- Конечно, он не сможет отказать сыну Посейдона, - уверенно твердил Пирифой.

- Подземный мир, мы должны отправиться туда?

- А почему бы нет, если бедняжка Персефона там томиться, почему бы двум героям не совершить такое путешествие.

Тезей оглянулся на Елену, ему вовсе не хотелось оставлять ее одну, но если его друг не боится такого путешествия, то почему он должен от него отказываться?

- Хорошо, я побуду с ней пару недель, чтобы она привыкла к новой жизни, а потом к Аиду, так к Аиду.

Возможно, дядюшка его не так страшен, как его малюют, почему бы ему не оказаться в его владениях. Возможно, Персефона нуждается в спасении, а если она и на самом деле там томится, то он готов ее спасти. Тайно он надеялся на то, что встретит там Федру, а то и Ариадну, и если такое возможно, если они там томятся, то ему сам бог велел там побывать, попытаться спасти тех, кому он подарил такую раннюю смерть.

№№№№№№

Елена слышала от служанки о том, что Тезей собрался в гости к своему дядюшке.

- Он хочет поговорить с моим отцом?- спрашивала она, думая о своем, она была уверена, что Тезей хочет спросить у Зевса разрешения жениться.

- Нет, радость моя, он собрался к другому своему дядюшке, в подземный мир.

- Зачем, этого не может быть, он хочет от меня туда сбежать.

- Ты ни в чем не виновата, но он завел себе такого друга, с которым никакие враги не нужны.

Она снова просила и умоляла его остаться. Он пообещал ей что-то невразумительное, но когда она проснулась на рассвете и бросилась в его покои, там было пусто.

- Зачем ему Персефона, Аид не отдаст ее. Он хочет получить назад эту противную Ариадну, история с Орфеем его ничему не научила, - беспомощно твердила она.

- Он не юный музыкант, он герой, и ему нужно, чтобы ты рассказывала своим детям сказки о нем.

- Я не хочу сказок, - рыдала Елена,- я хочу, чтобы он был в Афинах, рядом со мной.

- Герой не может оставаться у женской юбки. Какие же сказки после него останутся?

Пифия в храме сказала ей, что теперь Тезея нет среди живых.

№№№№№№

Медленно, но яростно двигались герои по подземному миру. Сколько там было опасностей, которые им могли только сниться, сколько душ попадалось на пути, но там не было тех, кого так хотелось встретить Тезею.

А вот до черного дворца дядюшки его, Аида, они добрались. И он хотел взглянуть на племянника своего, о котором столько сказано было.

С тревогой и печалью смотрела только его царица Персефона. Она знала о происках волшебницы Медеи, и о том, что она прикрывалась ею. Но какое коварство, говорить о ней, как о несчастной пленнице, пусть тут было мрачновато, но Медея не была никогда так счастлива, как она, в этом убедилась даже ее мать, когда увидела, как рвалась она в свою тьму, чтобы обнять грозного, печального, но такого замечательного своего мужа.

- Не гневись на них дорогой, ты же знаешь, что такое обиженная, мстящая всему миру Медея.

- НО если они в ее власти, то пусть и остаются тут, чтобы новых глупостей не наделали.

Аид говорил с ними ласково, но недолго. Пирифой не осмелился поднять на него глаз, Тезей смотрел прямо в глаза, не мигая, словно желая смутить властителя тьмы.

- Персефона жена твоя или пленница, отдай ее в жены моему другу, он жить без нее не может.

- Хорошо, - услышали странники, от страха Пирифой присел даже, - она соберется, только, подождите ее за дверью, там есть кресла.

И они послушались грозного бога, решив, что им и на этот раз повезло.

В отличие от них Персефона знала, что он задумал, потому и бросилась к нему.

- Зачем тебе эти герои, они не смогут подняться с твоих камней, упрекала мужа Персефона.

- Ничего, сын Посейдона подождет сына Зевса, сюда не по своей воле, за собачкой нашей Геракл должен пожаловать, а этот второй проходимец, останется здесь, чтобы он не тащил его в новые приключения. Ты думаешь, это не справедливо?

- Ты всегда прав, муж мой, но если Посейдон?

- Думаешь, и дядюшка явится тебя спасать, да он не так глуп, как его сынок.

Так герой надолго оказался в Аиде, и сюда его привела грозная Медея. Она несколько раз заглядывала в свое зеркало и радовалась тому, что месть ее осуществилась.

- Я не стану тебя освобождать, явится воспитанник Геры, у него это лучше получится, а пока посиди и подумай о том, как жить дальше, какую Персефону ты еще украсть захочешь, думаешь, любая пойдет за тобой и спасать тебя станет? Ты уже был один раз в лабиринте, но здесь нет этой дурочки Ариадны, вот сиди и думай.

Он тоже вспомнил о лабиринте и понял, что снова сюда себя загнал сам. Но не такова ли судьба его, все время плутать во тьме, и едва найдет он один путь, как появится другой лабиринт, и он снова там окажется. Такая вот беда

И Тезей сидел, отрешенно, устремив свой взор вдаль. Тени мелькали рядом, слышались какие-то голоса, но его не было больше в мире живых, хотя и миру мертвых он еще принадлежать не мог. И некого ему было винить за то, что с ним приключилось на этот раз такая темная история.

ГЛАВА 13 ОТЕРГШАЯ БОГА

О том, что происходило с Троянской царевной Кассандрой, пока Тезей томился в Аиде, и какой страшный подарок она получила.

До всех долетела весть о том, что последний герой наказан за дерзость и затерялся где-то во владениях Аида. Но если остальные могли только догадываться об этом, то три женщины знали точно. И первой из них была его вечная возлюбленная волшебница Медея, второй - ее тетушка, самая прекрасная и могущественная Цирцея, и была еще одна, та, для которой не было никаких тайн в этом странном мире, и это была прекрасная, и самая несчастная из дев царевна, дочь Приама и сестра Париса Кассандра. Мы уже

встречались с ней в тот день, когда Парис вернулся в свой мир, и она опознала его, хотя прежде никогда не видела.

Кассандра могла напугать и мать родную, поведав ей о том, о чем ни одна живая душа не знала, и старшего любимого брата своего Гектора, который ничего никогда не боялся, он рожден был героем, и только Кассандра могла его вдруг напугать.

Но почему мы поставили эту юную особу рядом с могущественными волшебницами? Откуда у нее этот странный дар.

№№№№№№№№

- Боги могущественны и прекрасны. Они правят этим миром и людскими душами. Но есть среди них самый великолепный.

Цирцея замолчала, глядя на прекрасную дочь царя Приама. Она и сама не понимала, какая сила занесла ее в Трою в тот день.

Но у этой силы было особенное имя - Гермес, он хотел, чтобы она рассказала этой восхитительной девочке грустную сказку. Когда она узнает ее финал, то не станет мечтать о Прекраснейшем, и возможно обратит на него свой взгляд.

В те дни случилось невероятное - посланник Богов влюбился в царскую дочь. Случайно. Когда любви были подвержены все, должен был влюбиться и он, и по какому-то странному жребию, или без всякого жребия обратил он внимание на юную дочь царя Приама. Но нет более легкомысленного создания, чем Гермес, через некоторое время он забыл о своей влюбленности, но трагедия с его легко руки совершалась на глазах.

Девочка молча слушала сказку о прекраснейшем из богов, пока ничто не предвещало беды. Но ни Гермес, ни Цирцея, ни тем более сама Кассандра в тот момент не могли видеть, что и Аполлон, (тот о ком рассказывала волшебница) был рядом с ними. Она была вписана в его судьбу, и он самого начала следил за ней неустанно, оберегал ее, холил и лелеял. И решил сделать невероятный подарок - она получит дар пророчества, и будет отличаться от

остальных людей. Она будет знать чужие судьбы, и сможет предотвратить беду.

Подарок этот был не случаен. Аполлон так часто получал отказ и от богинь, и от женщин, что на этот раз он решил действовать наверняка. Получив дар, Кассандра с самого начала будет знать, что он главный и единственный в ее судьбе, и он не получит отказа, так больного ранившего его душу. Все верно рассчитал Аполлон, если бы в тот момент не была на него так зла Афродита за бесконечные его козни и терзания.

Она видела, что он собирается обмануть свою судьбу, и решила поступить по-своему.

Когда она увидела и его и Гермеса около Кассандры, то стрела любви пронзила грудь девушки. Но это была не любовь к Прекраснейшему, она решила быть благосклонна к посланнику, хотя точно знала, что ничего у них серьезного не выйдет - она так юна, а он так непостоянен, и не способен любить одну женщину, но чего не сделаешь, чтобы досадить красавцу Аполлону.

В тот момент Аполлон еще не мог точно знать, что произошло в тот день, когда так много богов в одном месте появились, он мог только догадываться о том, что Гермес здесь не ради праздного любопытства, и, скорее всего и на этот раз он его счастливый соперник.

Замечательно, что он был не Паном или сатиром, и не пьяницей Дионисом, а все-таки Гермесом, но как мог он отдать ему ту, которую растил и берег для себя, да еще при таких скверных обстоятельствах.

Он старался оставаться хладнокровным и поговорить с Кассандрой, когда боги и волшебники оставят ее в покое. Она разумное создание, и пусть Афродита не берет на себя слишком много, она способна сравнить его с Гермесом и понять, кто из них и чего стоит. Он так думал, не подозревая о том, как зла и коварна бывает любовь, и никакие дары, никакие прелести избранника не могут остановить влюбленную девицу, да еще когда для нее это только первая любовь.

Напрасно ждал Аполлон свою возлюбленную, и надеялся напрасно. Кассандра с испугом взглянула на него и бросилась бежать. Он догнал ее без труда, но она пришла в такой ужас, оказавшись в его объятиях, что Аполлон почувствовал себя настоящим Паном, и усомнился в том, что неотразим, но так говорили все вокруг.

В тот момент и появилась из лесной чащи Артемида.

- Это снова ты, и снова не с той, которая тебе нужна, - укоряла она брата, - эта девчонка никогда не будет твоей. Если бы ты соизволил прочитать книгу судеб, ты бы все и без меня понял.

В тот момент Кассандра уже бежала к своему городу, она была так потрясена и испуганна, что долго еще не могла объяснить того, что с ней происходило.

Когда она рассказала об этом своему брату Гектору, он рассмеялся:

- Ты хочешь сказать, что в тебя влюблен Аполлон, но этого не может быть, а если это все-таки так, то не вздумай отвергнуть его.

- Я никогда не посмею приблизиться к нему. Я не выйду к нему, я просто очень боюсь. Он такой страшный.

Гектор был потрясен тем, что она говорила, он не мог ей не верить, но как можно было понимать ее слова? Он этого понять никак не мог, как ни старался. И только одно было совершенно понятно - им нужно ждать беды, если она будет упряма.

Аполлон наблюдал за ней издалека. Гермес исчез, у него было много важных дел, и ему не хотелось все время сталкиваться с этим красавцем. Да и Кассандра показалась ему не так прекрасна, когда он понял, что она покорена и влюблена в него.

- Тебя полюбит Прекраснейший, - вспомнила она слова Цирцеи, но поняла, что она сама никогда не полюбит его, ничего кроме трепета, который был вызван не страстью, а страхом не было в душе ее. Тогда она и посмела сказать ему все, что думала. Кассандра никогда не умела притворяться и лгать, даже если бы это ей грозило гибелью.

Аполлон сначала не мог понять, а потом и простить предательства. Если бы это случилось в первый раз.

Он снова наткнулся на Артемиду, она остановила его:

- Можешь ничего не говорить, мне все известно, она рыдала в храме Зевса, просила, чтобы он защитил ее от тебя и сделал своей жрицей, она не так глупа и наивна, как могло показаться, но что ты будешь делать? Ты отнимешь у нее дар?- спрашивала она его.

- Нет, - спокойно говорил Прекраснейший, - я сделаю по- другому, он останется с ней, но ей никто никогда не будет верить.

- Это жестоко, - не выдержала Артемида.

- Я только плачу тем же, пусть это жестоко, но справедливо, - спокойно отвечал он.

О, как страшны бывают обиженные и отвергнутые боги.

№№№№№№

Сначала Кассандре казалось, что она ничем не отличается от остальных. Аполлон больше не появлялся, и она радовалась тому, что он оказался так разумен. Она даже благодарила и его и Зевса, хотя услышала вдруг голос старого жреца.

- Не стоит разбрасывать слова, ты ведь не можешь знать их помыслов. Пока они молчат, но это ничего не значит, с какой стороны и как они обрушатся на нас завтра, кому это ведомо?

Она замолчала, понимая, что он прав.

Видения посещали ее одно за другим. Она видела факел, в руках незнакомца, от которого загорелась ее Троя. Она видела развалины и мертвые тела. Отдельные картины видений пока было очень трудно связать. Когда она рассказывала отцу о том, что она видела, он хмурился, и отправлял ее подальше. Матушка просто шарахалась от нее. Но поняла тогда Кассандра самое главное - это не глупые фантазии. Она, пока единственная в этом мире, знает, что он будет уничтожен, а они так спокойны и беспечны.

Все стало обретать какие-то свои формы, когда на лесной дорожке, на той самой, по которой она бежала от Аполлона, она встретила юношу, который уже приходил в ее сны.

- Кто ты? - спрашивала она у него, хотя уже знала ответ.

- Это твой брат Парис, скажи отцу, что он жив, и Троя падет, как и было предназначено, - усмехнулся Аполлон, заглянувший к своей бывшей возлюбленной.

Юноша то ли не слышал, то ли не понимал их речей.

- Отец не слушает меня, он не верит до той минуты, пока все не сбывается, зачем мне этот бесполезный дар.

- Ты будешь страдать так, как страдал я тогда, когда понял, что даже ты меня отвергла, - говорил сердито Аполлон.

- Но в чем же моя вина? Если я не могла тебя полюбить, разве в этом я повинна.

- Ты должна была солгать мне, остаться со мной, но теперь уже поздно что-то менять.

Тот, кто был нежен и заботлив, теперь казался далеким и неприступным. Вот отчего в ее душе всегда жил ужас, когда она сталкивалась с прекраснейшим из богов. В этом они были так похожи с Паном, красота порой вызывает такие же чувства, как и безобразие, и юная Кассандра уже знала об этом.

Кассандра вспомнила, как она боялась его в детстве, и поняла, что ничего не изменилось с тех пор.

- Ты знаешь, как это будет, - бросил ей в след Аполлон, - храм Зевса, воины грозного Агамемнона, царь спасет тебя, но он будет только царь, и он расплатится за это. И ты заплатишь за нелюбовь сполна.

И в тот момент ей показалось, что прекрасная рука бога сжимает нож, занесенный над ее головой. Но он расхохотался:

-Я никогда и никого не убивал своими руками, и не собираюсь этого делать, но твоя участь от этого не будет легче.

Она не могла знать ни имен, ни каких-то вещей - все напрасно. Но в тот момент девушка внутренне сжалась. Кусочки мозаики рано или поздно судьба сложит в одну картину. Ради своего мира и близких она готова была броситься в объятия Аполлона и оставаться с ним до конца, и даже уверять его в том, что очень его любит. Только в ответ услышала хохот:

- Глупая девица, ты думаешь, что мне нужны твои подачки, что меня устроит такое.

Они оба знали, что все это видел и слышал Гермес. Он не понимал только того, почему Аполлон все еще носит с девчонкой. Не понимал, потому что сам никогда и никого не любил. Рана в душе Прекраснейшего на этот раз была так глубока, что даже любовь и гибель не могли бы ее залечить. Сколько раз, переносясь в грядущее, в Микены, он стоял над телом мертвой Кассандры, и с ужасом убеждался в том, что ничего не проходило, он не испытал радости от жестокой мести. Но до того момента у нее была еще целая жизнь, любовь, война.

№№№№№

К стенам подъехали какие - то всадники. Она знала, что среди них есть ее жених, и поспешила туда.

- Взгляни на того, кто никогда не станет твоим мужем, - бросил ей в след Прекраснейший.

Юноша погибнет, он никак не мог допустить того, чтобы та, которую он считал своей, досталась в жены простому смертному.

- Наложница победившего вождя, которая умрет от руки его жены - вот кто она такая, говорила Артемида Гермесу, когда тот поинтересовался о чем говорит ее брат, и что станет с Кассандрой - ему было любопытно это узнать раньше других.

- Почему он никак не может успокоиться.

- Потому что он любит, и будет любить всегда.

- Да вокруг него такие музы в танцах порхают.

Артемида радовалась, что и она, как этот тип никогда никого не любила, как грустно было бы оказаться рядом с ним и знать, что все ее чувства вызовут только непонимание и усмешку. Она знала и другое - с Афродитой спорить бесполезно. Она жестока и несправедлива, она сделает только хуже, если ее попросить о чем-то. Сама Артемида попробует удержать грозного царя, когда он направится к стенам Трои, но она не сможет держать его долга. У Агамемнона был должок, но он из тех безрассудных, который все отдаст, только чтобы воевать.

№№№№№№

Кассандра остановилась перед теми, кто только что приехал в город
- Вот моя невеста, ведь ты же царица Кассандра, - ласково заговорил тот, кто по одежкам своим казался им царем.

Она смотрела с грустью. Она помнила слова Аполлона, да и сама знала, что никогда не станет его женой - случайная смерть. Нам кажется, что все происходит случайно, но не ей все знавшей, и ничего не способной предотвратить. Но ничего не стала объяснять ему царица, пусть это будет для него неожиданностью, тогда и умирать не так страшно такому юному и прекрасному созданию. Ее еще больше тревожила встреча с пастухом Парисом, который не был никаким пастухом. Словно узнав о чем-то, всполошился и Приам, совесть не давала царю покоя с тех пор, как младенец оказался в лесной чаще. Отец говорил о соревнованиях в честь погибшего царевича. Она напрасно просила не искушать богов. Он настоял на своем. И Парис появился в городе.

Кассандра больше не пыталась чего-то объяснить. Как только он узнает о том, что боги сохранили ему жизнь, он позволит незнакомцу все, даже украсть жену Спартанского царя. А на нее он будет взирать, как на пустое место.

№№№№№№

Гермес знал, что ему еще вместе с Ахейцами придется вернуться на землю Трои, и снова увидеться с царицей. Там же все время будет оставаться

Аполлон. Странно то, что судьба их все время сталкивала именно здесь. Один из них радовался тому, что он так быстро забыл о той, которая превратилась в мрачную, испуганную жрицу, взиравшую на скорую гибель своего мира, второй ждал, пока она обратит на него свой взгляд и попросит о помощи.

Она не попросила. Но Аполлон все равно оказывался чаще всего на стороне Трои, на ее стороне, хотя и понимал, и знал лучше других, что они обречены.

Он встретился с ней в последний раз в тот момент, когда уже соорудили Троянского коня.

- Все предрешено, - говорил он, - но ты можешь спасти свой мир, скажи, что ты любишь меня.

Кассандра медлила только одно мгновение, но именно в тот миг войны и ворвались в храм Зевса. И Прекраснейший отошел с их пути. Он не собирался быть одним из них.

- Поздно, - простонала царевна.

- Она готова умереть, но не остаться с тобой, - говорил Гермес Аполлону, когда они наблюдали за тем, что должно было там совершиться.

- Ты будешь смотреть на то, как они ее насилуют.

- Она жрица Зевса, вот пусть он ее спасает.

Все трое, они знали, что их отец не вмешается, в такие минуты он всегда оставался где-то в тени и не вмешивался.

И в тот момент, когда непоправимое должно было совершиться. В тот момент Агамемнон и шагнул на порог храма, все услышали его голос. И войны рассыпались в разные стороны, не желая погибнуть от меча царя уже после войны.

- Вот и все, - усмехнулся Гермес, - дальше ничего интересного.

Аполлон отошел в сторону. Он знал, что все для нее только начинается, закончилась история его любви.

Но как же это начиналось? Бойня, кошмар. Аполлон и Гермес говорили о том, что происходит, но ведь там, на войне развернулся во всю свою прыть их

брат грозный Арес. Для двух душ - царя Микен и бога безрассудной войны, она была страшной и любимой забавой. И не пора ли взглянуть и на этого бога пристальнее.

ГЛАВА 14 БОГ БЕЗРАССУДНОЙ ВОЙНЫ

О том, кто принял самое активное участие в Троянской войне и сыграл одну из главных ролей в этом кровавом действе.

В то время, когда титаница Лето родила самого прекрасного и несчастного из богов Аполлона, наделенного многими талантами, но навсегда по капризу Афродиты лишенного любви, и у грозной Геры родился сын, и был это Арест.

Мальчик был хорош собой и ладно сложен. И сначала Гера любовалась своим сыном, радуясь тому, что может соперничать с бесчисленными возлюбленными мужа своего, особенно этой глупой Титанидой, которая не может даже понять, что не нужна она ему, и никогда он к ней не вернется, как не возвращался ни к одной из них. И даже дети - плоды его минутных слабостей и утех, и они его не особенно волновали, то ли дело сын от жены его милой (таковой она еще продолжала себя считать, хотя, судя по всему, заблуждалась давно).

Но мальчик очень быстро показал свой характер, он крушил все на пути своем с самого начала, и никто с ним справиться не мог. А если кто-то и пытался что-то предпринять, то яростью наполнялись глаза ребенка, и остановить его было уже невозможно, откуда силы только брались. Многие говорили о том, что такого не могло происходить с младенцем, Гера и сама думала, что не могло, но было.

Гера видела, что Эрида - богиня раздора - что-то этакое сотворила с ним. Она вообще любила шутить, хотя от шуток ее многим потом тошно становилось. И решила она сначала поговорить с плутовкой, а потом отказалась, решив, сделать вид, что ничего не происходит. Она не должна была показывать своего недовольства. К тому времени Гера изучила характеры

многих из них, она уже знала хорошо, как себя с ними вести следует. Невозможно было провести ее в те времена.

Но Эрида сама за ней давно следила. Она все видела и знала.

- Смотри, какой она благоразумной стала, так и заслужит яблочко, на котором написано, если не прекраснейшей - то уже досталось Афродите, то Мудрейшей, это не так эффектно, конечно, но тоже не плохо, - то ли издевалась, то ли на самом деле что-то решала она.

И тогда сама Эрида, снова не дождавшись приглашения, к ней и пожаловала.

- Пришла на сына твоего полюбоваться, у Лето он хорош, да какой-то пустоватый, музыку слушает, стишки сочиняет, и хорош, как девчонка. А вот твой ведь совсем другим будет, - говорила в тот момент вкрадчиво Эрида, - смотри, какой боевой пацан получился, хотя кто мог такого ожидать от тебя?

Эрида все делала для того, чтобы разжечь ссору и привести Геру в ярость, у нее это прежде неплохо получалось

Еще больше взволновалась Гера. Она понимала, что богиня что-то задумала, а если она займется ее Аресом, то дело совсем скверным окажется.

- Может быть, тебе все-таки Аполлона выбрать, он тебя хоть искусствам научит, - осторожно спрашивала она.

- Очень мне его искусства нужны, песенки я только не распевала, нет, мне нужен твой боевой парень, и не смей меня отговаривать, хуже будет. Самой мне ты не позволила такого родить, но я должна признать, что и твой на удивление хорошим получился, меня устраивает.

Много чего хотела сказать ей Гера неместного и неприятного, но ничего не поведала. И на этот раз промолчала она, Эриде не удалось разжечь новую ссору, но она знала, что со временем сможет значительно больше.

Еще больше удивило ее то, что маленький Арес так и тянулся к этой плутовке, словно он узнал в ней родственную душу.

- Знает малец, кто ему мать родная, а кто мачеха, - но ухожу, ухожу, не кипятись, но ты же понимаешь, что я еще вернусь.

Прямо тут и наткнулся на Эриду Гермес, когда возвращался он, выполнив какое-то поручение Зевса.

- Так, - протяжно произнес он, - а эта что тут делает?

- Да ничего особенно, Арес ей мой понравился, вот и разглядывала его.

- Только ей он и мог понравиться, - дерзко отвечал Гермес.

Он знал, что ничего ему не сделает Гера, как бы он не дерзил, потому что только он и мог справиться с ним, только он все свободное время и пытался как-то воспитать мальчишку. Но и у него это не особенно удачно получалось, остальные же просто разбегались в разные стороны и не собирались к нему приближаться.

Грустно было Гере смотреть на такое, да что ты поделаешь. НО она чуть не потеряла самообладание, когда на Гермеса он с кулаками набросился, тот, правда, уклонился от удара и врезался ребенок в самого Зевса, откуда-то внезапно появившегося.

Тот схватил его, подбросил вверх, и только в последний момент поймал.-

- Если бы ты не был моим сыном, зашвырнул бы я тебя так, что ни один смертный не нашел бы, а уж до богов ты бы и сам никогда не добрался.

И вроде бы шутил Громовержец, но такая ярость на лице его появилась, что передернулась Гера, она-то думала, что лучшего из сыновей ему подарила. Вот об Аполлоне он никогда такого не скажет, чтобы тот не делал. Но она решила больше не думать и не вспоминать об Аполлоне. Пусть он остается сам по себе. Происшествия с Гераклом ее чему-то научили. Она во второй раз не хотела совершать все те же ошибки. И делать героя из сына мужа и блудницы не собиралась.

А между тем все стали жаловаться на то, что Арес дерется, уничтожает людей и животных. Она молча сносила эти жалобы, но как только появилась Афина, Гера уже сдержаться не могла.

- Если ты мне об Аресе говорить собралась, то не начинай лучше.

- Кому же еще о нем говорить, как не матери родной, нет с ним никакого слада. Ты же знаешь, что и я не против схваток, и воевать готова, только не

может быть война со всеми против всех, разве этого ты не понимаешь. Он ввязывается в заварушку, забывает с кем и за что дерется, и уже нападает на того, кого защищать собирался.

- Если ты такая умная и мудрая, то и рассказала бы ему, как и что происходить должно.

- А то я не рассказывала и не показывала, но он на месте сидеть и минуты не может, все путает, и такие неразберихи устраивает, что никто и ни в чем не разберется больше.

Но за ее спиной уже стояла лукаво улыбающаяся Эрида.

- Как давно я о таком боге мечтала, что мы вместе с ним сделать сможем, даже дух засватывает.

У Геры тоже захватывало дух. Она и сама начинала понимать, что под довольно милой оболочкой породила чудовище. Но что можно было делать теперь, если он бессмертен, если никуда от него не деться, не в Тартар же сбрасывать - это бы оказалось самым страшным поражением для нее, но она не могла так со своим сыном поступить.

И тогда, когда увидела она Эриду, и вспомнила старую историю про яблоко, которое досталось не ей, она уже знала, как поступить должна.

Она поймала Эрота, тот долго вырывался и вопил на весь Олимп, но от Геры сбежать все-таки так и не смог. И понял он, что придется исполнить все, что она попросит. А когда после Геры его поймала Эрида и стала пытаться, он уже взбеленился не на шутку. Да что это за напасть такая, за один день в руках двух богинь оказаться, а если одна из них сама Гера, а другая Эрида, то это сущее наказание.

И тогда она пожала плечами:

- Не понимаю, зачем это ей нужно, а что Гефест ей скажет на это, когда узнает?

- Когда это она с Гефестом считалась, и в грош его не ставит, вот и решила скандал закатить.

- Она напрасно недооценивает его, и сама не заметит, как прикованной окажется, не все же одному Прометею в горах болтаться.

Эриде сначала совсем не понравилась идея о том, что Арес должен стать возлюбленным Афродиты. Она понимала, что той яблоко покоя никак не дает, ее собственная забава такой болезненной для богини оказалась. Но потом, поразмыслив немного, она решила, что это не так уж и плохо, пусть все так и будет - любовь и война понятия не такие уж и далекие, и Афина - вечная девственница и воительница, будет уязвлена - так она снова этих трех богинь соединяла воедино, и делала этот как всегда очень искусно.

- Афродита, так Афродита, почему бы и нет, если она и со смертными связывалась, то Арес все-таки бог, хотя и заполошный и нервный очень, но пусть она его страсти и утихомирит.

№№№№№

Афродита знала о сыне Геры, она слышала о том, что богиня раздора вокруг него носится, но не особенно замечала его. У нее было столько дел, столько разных людей вокруг порхали, что она не собиралась с этим несносным мальчишкой возиться.

Она-то не собиралась, но Гера с Эротом вместе уже подарок такой для нее приготовили, вот она и попалась, и еще не раз попадется в сети.

Эрида приблизилась к ней без всяких волнений. Она понимала, что той на нее нечего было особенно обижаться, яблоко ей досталось, и Арес ей достанется.

Об этом она радостно и сообщила.

- Я знала, что без тебя тут никак не обошлось, - говорила она.

- Конечно, но о тебе же и забочусь, бога тебе нашла, пока ты между смертными унижаешься, а этот сын Зевса и Геры.

- Да, конечно, только сами они от него не знают куда бежать, вот мне и надо было его спровадить. Уж не сама ли Гера и попросила тебя о том?

- Ни о чем меня Гера не просила, она даже не особенно моим выбором довольна, но нас с тобой это волновать не может.

Ничего на это не говорила Афродита. Она оказалась между Герой и Эридой, и Арес был рядом, есть отчего прийти в отчаяние. Но и не из таких переделок в свое время она выбиралась, потому и улыбнулась очаровательной улыбкой и про себя решила, что ругать Эроса не станет, потому что если взялась за него Эрида, то она своего уж точно не упустит.

№№№№№

Арес увидел богиню любви и обмер. А потом он услышал смех Гермеса, который никак не мог упустить такого случая.

- Это должен видеть каждый, как он на тебя смотрел, еще бы немного и на куски порвал.

Она понимала, что любовь может и так выражаться, только как-то странно все это было, странно и непонятно совсем.

- Пусть он убираться, я не хочу его видеть.

Но Арес уже вечером ворвался в ее покои. Богиня сопротивлялась недолго. В этом не было особенной необходимости - проще пережить этот напор, чем сопротивляться, а потом все-таки то же самое и получится, только мороки больше.

Эрида знала, что дело сделано, Арес соединился с Афродитой, теперь война и любовь шагали рядом. Она еще не понимала, что из этого получится.

Сначала она родила ему сыновей Деймоса и Фобоса - страх и ужас рядом с ним появлялись теперь на полях сражений.

Не только Гера, но и Афродита должна была дивиться тому, что у нее оказались такие дети. Но она долго с ними не возилась, они отправились с отцом и Эридой, и заглядывали везде, где были войны, сражения и схватки.

Смерть и ужас сеяли повсюду эти трое. И только когда Афина все это увидела, она бросилась к ним, и схватка с Аресом была короткой, но яростной. И на глазах у Эриды и сыновей ему пришлось отступить, такого потрясения

он не испытывал никогда прежде, но и с Афиной никогда не связывался - она всегда побеждала.

Афина же знала, что всегда она будет на другой стороне, ей придется помогать противникам Ареса, чтобы схватка была справедливой или имела какое-то значение. Трудно было даже представить себе, что стало бы в этом мире, если бы они действовали заодно.

Такого не могло случиться никогда.

А между тем о связи Афродиты с Аресом говорили все, и прямым ее доказательством было появление в этом мире Гармонии.

Вот такой ребенок чудесный и смог родиться от Ареса, хотя тому до него не было дела.

И тогда Эрида и предложила Гефесту показать всему Олимпу, что происходит.

- Я люблю ее и не хочу позорить.

- Для нее это только слава лишняя будет, а для Ареса хороший урок, он тебя и за бога не считает.

Долго ли коротко говорила Эрида, и зачем ей это нужно было, скорее всего, просто из-за стервозности, или ревновала она Афродиту к своему неукротимому любимцу, который отказался от нее, и больше не соблазнял. А уж если женщины мстят жестоко, то о богине раздора и говорить нечего, только огромная сетка упала на него, и не мог он от нее избавиться, как не старался. Обнаженными были они под той прозрачной тонкой сетью, и когда появились боги, то вся нагота страсти перед ними и предстала. И одно дело обо всем догадываться, а совсем иное все сидеть своими глазами. И хотя редко Афродита смущалась, но тут просто в ярость пришла она. И только одно она знала точно - не сможет отплатить Эриде, потому что та еще что-то и хуже придумает.

Гефест не стал ее в чем-то упрекать, и она надеялась на то, что Арес со временем отстанет, но его чувства распаялись все сильнее.

А потом исчез Арес. Все думали, что после позора своего и обнажения всех его чувств он просто оказался в каком-то ином мире, и ищет упоения в драке, но все было не так просто, как им показалось. Только Гермес понимал, что не мог Арес просто так исчезнуть, нет у него такого понятия как стыд, ничего не боится он и бояться не собирается, тут замешан кто-то совсем иной.

И еще больше удивился он, когда понял, что найти Ареса будет не так просто, потому что если кто-то что-то и знал о нем, то говорить они не собирались. Всем так хорошо и так спокойно было без него, что только полные глупцы могли пожелать его возвращения, а таковых не было.

И только случайно узнал он от пьяного Диониса, что одна из его девиц видела, как в железную бочку заперли Ареса близнецы брата и пустили по морю по океану, так и сгинул он где-то.

Конечно, Арес был бессметным, и помереть он в океане не мог, но где же его там искать.

Еще больше удивился Гермес, когда понял, что и Посейдона не особенно судьба бога войны заботит.

- Пусть побудет там, охладиться подумает о том, как жить дальше.

- Не стоит и мечтать, думать его никто не учил.

- Тогда и спасать его не стоит, - говорил тот сердито.

Но Гермес обольстил Амфитриту, она не смогла перед ним устоять и указала на то место, где и валялась бочка, прибившись к острову.

Даже раскрыть ее оказалось очень трудно. Тогда и бросился к Гефесту Гермес.

- И не собирался я его освободить, жаль, что они обошлись без меня, но сделали все правильно, - не унимался он.

Как уж удалось уговорить его, никто этого не знает, но все-таки удалось. И он бросился к Аресу. Каким помятым и подавленным тот оказался, на него смотреть было страшно, как он орал и ругался, хорошо, что в тот момент его никто не мог слышать и не слышал. Но ничего, очухался, и тут же в новое сражение и бросился без всякого разбора, словно у него когда-то другие дела

были, а Гермесу даже спасибо не сказал, словно тот был обязан его спасать. Вот и свяжись с такими - сам не рад жизни будешь.

№№№№№

Ревность все сильнее владела душой Эриды, тогда она и столкнула их лбами на полях Трои. Так уже получилось, что разделились боги на этот раз. Афродита вместе с Афиной оказалась на стороне Троянцев, Арес же яростно дрался за ахейцев, пока не увлекался самой схваткой, и тогда он крушил и тех, и других, всех, кто ему под руку попадает, картина была уникальная, конечно, это надо было видеть. И когда он впал в настоящее неистовство и начал распалать не на шутку, тогда Афина и поняла, что должна вмешаться.

Ей подвернулся Диомед. Недолго вождь любовался ею, она направила его копьё против самого Ареса, сначала он поразился и оторопел, но потом ранил его.

И взвыл Арес, да так, что везде слышно его стало. Он метался и никак не мог остановиться.

И все, что оставалось Гермесу, это подхватить его и отправить на Олимп. Хотя надо было честно признать, что жалким было это зрелище.

С досадой топнул ногой Зевс.

- Это ты своей Афине скажи, что она себе позволяет, злилась Гера, глядя на раны сына своего несносного

- Она разумна, а ты с кем и против кого ты драться начал.

- Да какая разница, дрался и дрался. Попробуй там в этой заварушке разберись, кто с кем и против кого идет, да и какое мне до этого дело?

Нечего было на это ответить Зевсу, таким он и был, и это был его родной сын. Он понимал, о чем ему все время говорила Афина. Но тот уже не стал слушать его и поспешил к своей возлюбленной, хотя она и видела его позор, но все проходит, а впереди у них бессмертие, и Арес оставался юным и неутомимым все это время, он и не мог быть другим.

И только Лето, когда увидела его в одном из сражений, вспыхнула, глядя на Геру:

- Посмотри, какое чудовище ты породила, он ничего не оставляет на своем пути.

- Да твоя Артемида недалеко от него ушла. Как хорошо, когда сын на лире играет, а девица сокрушает все на пути своем.

Лето все время ввязывалась с ней в спор, хотя прекрасно понимала, что последнее слово за ней останется. Но спор о сыновьях Зевса будет продолжаться столько, сколько стоять этот мир.

А с небес на них смотрела Майя - мать самого Гермеса, к тому времени она уже стала одной из звезд. Ей хотелось напомнить им о том, что ее сын стал громоотводом для этих двоих. Но она ничего говорить им не стала, слишком высокой и недоступной она казалась, так, что и богиням не дотянуться.

А где-то Арес рвался в схватку с кем-то и против кого-то, и все знали, что покой ему только снился.

ГЛАВА 15 **МЕСТЬ ЦАРИЦЫ**

О самом ярком из героев Троянской войны, и о царице, которая отомстила за свой мир, но убедилась, что любовь сильнее войны и смерти

Тучи сходились над миром, дочь царя Брисея и жена царя Минеса Брисеида видела самый скверный сон. Сначала ей показалось, что она шла по воде, по морю, но когда она подумала о том, что человек не может идти по воде, даже во сне, и взглянула себе под ноги, то с ужасом, охватившем все ее тело, она поняла, что шагает по крови. Она бросилась бежать, но не могла двигаться быстрее. И тогда пронзительный крик охватил ее душу и тела. И кричала она так, что царь, проснувшись, сначала обнял ее, в порыве страсти, а потом хорошенько потрянул, такой холодной и далекой она ему показалась.

- Скажи, что с тобой.

Он верил в сны, особенно в дурные сны, а то, что именно такой видела его жена, сомневаться не приходилось.

- Мы погибли, ахейцы, их тьма, и они уже идут по нашим землям.

Он тяжело вздохнул.

- Об этом много говорят, особенно после того, как этот никуда не годный царевич Парис наделал столько глупостей, но не стоит призывать беду.

- Агамемнона и Менелая никому не удастся победить, и по большому счету они правы. Ему не стоило воровать Елену.

- А я разве защищаю его, только тот, кто был выброшен из дома своего, может творить, что ему вздумается, но у нас есть Гектор, они не пройдут.

Он старался утешить ее, но женское сердце подсказывало ей, что все совершится так, как ей уже несколько раз снилось - море крови и поверженные воины, среди которых больше не найти защитников, и что тогда?

Она пылко обнимала могучего мужа своего, словно делала это в последний раз, и не могла поверить, что этот раз и будет последним.

А потом пожарища, толпы ахейцев, и тела тех, кто были живы и невредимы час назад. Дурные сны сбывались. И она приготовилась умереть (а что еще оставалось царице), когда сильные руки схватили ее и поволокли куда-то.

Она не могла вырваться из этих грязных, измазанных кровью ручищ и радовалась тому, что больше не увидит мертвые тела отца и мужа, валявшиеся в грязи где-то рядом.

Она точно знала, что больше никогда не вернется в свой дворец.

Их оставили где-то с другими женщинами в просторном доме, хорошо охраняли. Девицы и почтенные жены узнавали свою царицу, и она гордо расправила плечи. Если им еще выпало жить, то надо вести себя достойно, даже в плену. Никто кроме них самих не сможет их защитить.

Когда появились какие-то воины, и она смогла с ними объясниться, она сказала кто она такая, дочь царя и жена царя.

- И чего ты хочешь,- на ломанном языке спросил переводчик и оглянулся на того, для кого он переводил ее слова.

-Их тела, они жили и сражались достойно и должны быть похоронены. Разве ахейцы сражаются с мертвыми?

Красавец и герой Ахилл, который после этой схватки был так перемазан кровью и грязью, что не мог показаться ей красавцем, долго и пристально смотрел на царицу. Ему хотелось, чтобы, когда он погибнет, а это случится рано или поздно, нашлась такая же поверженная и отважная, которая у врагов истребует его тело, чтобы захоронить. Да что там врагов, их царь Агамемнон для него не многим лучше врага, и от него он первую очередь всегда и ждал подвоха и ножа в спину.

В тот момент легкий на помине сам царь и появился. Он насмешливо взглянул сначала на ту, которая называла себя царицей, а потом на героя, который действовал на него все время, как зубной болью. Это был тот случай, когда и без него плохо, и с ним невыносимо, они были приговорены друг к другу.

- И что ты скажешь на это?- спросил его царь, - ты расправился с ними, тебе и решать, что делать с теми, кого ты убил.

Он хотел подчеркнуть, кто главный враг этой царицы и столкнуть их лбами. Но она не понимала их слов, не знала о том, что они говорят.

- И что же ты решишь, - спрашивала царица, глядя прямо в глаза победителя.

И он вдруг смутился. Он так давно не был с женщиной, а такой царицы вовсе не было в его жизни. Проклятый царь был прав в одном, это он убил ее близких, и потому он и сказал:

- Тебе отдадут их тела, и помогут похоронить по-царски.

И после этого он так резко повернулся к своему царю, что гнев сверкнул в глазах Агамемнона.

Брисеида понимала, что победитель оказался великодушным, но она никак не могла понять того, что между ними происходило, хотя в тот момент

могла думать только о похоронах и о своем разоренном и уничтоженном мире. Она должна была ненавидеть их обоих, но так устала, что не было в ее душе чувства ненависти, только боль и страдания.

Когда она развернулась и побрела к дворцу, и царь и воин смотрели ей в след.

- Ты отпустишь ее, другую девицу не проси у меня.

- Она царица, если не вернется, я не стану ее принуждать,- скорее для того, чтобы досадить ему, говорил Ахилл.

Ничего на это не ответил царь. Если бы не отвага и не слава его, то он давно сам, на глазах у всех удушил бы Ахилла, хотя говорят, что сделать это не так просто, есть какие-то чары, которые не позволяют ему просто умереть от рук ли человеческих, от стрел ли отравленных. Он неуязвим, и все его усилия будут напрасными, а вот Боги вряд ли тогда его оставят в покое, потому что сам царь смертен, как и тот, кого пошла хоронить Брисеида. И пока он жив и невредим, не стоило искушать судьбу. Он был благоразумен, даже мудр, потому и оставался до сих пор царем.

№№№№№

Ахилл вернулся в свой шатер. Он особенно остро в этот вечер чувствовал одиночество. И странные вопросы тревожили его душу. «Зачем они здесь?» Для чего они убивают этих людей? Почему он сделал несчастной эту женщину, и сам остался таким одиноким, кроме разрушения ничего не остается на его пути.

Любовь странной холодной змеей вползла в его одинокое сердце. И сколько бы он себе не говорил, что она никогда не полюбит того, кто убил ее близких, но ему хотелось невозможного - любви царицы.

Когда Ахилл появился во дворце, где проводили последнюю ночь тела ее близких, и сидели неподвижно, те, кому удалось выжить, они все отшатнулись от него, и пытались вжаться в пол. Она видела, как они его бояться, и решила просто уменьшить их страдания. Она не хотела, чтобы души мертвых

томились оттого, что их убийца появился тут, потому и повела его в сад, залитый лунным светом.

Медленно, очень медленно они двигались рядом. Он не произносил ни звука. И тогда она сама решила быть такой же великодушной, как он недавно.

- Я знаю, зачем ты пришел, и ты получишь то, что искал в моем дворце.

Он вряд ли понимал ее слова, но в таком случае, когда светила луна, и тихий этот ветерок пробегал по телам, и не нужно было никаких объяснений. И они удалились в темную беседку до утра. Потом он ушел к себе, не желая больше смущать этих людей, а она вернулась к своим покойникам.

О чем думала в тот миг царица? О том, что она безумна и слаба. О том, что она его пленница, и глупо было бы строить из себя обиженную и униженную. Он мог бы поступить с ней по-другому, и требовать то, о чем он просил спокойно и смиренно, хотя в том не было необходимости. Находились еще какие-то слова и оправдание, но главным было совсем другое, то, о чем даже страшно было подумать. Случилось то, чего никак не могло быть. Она любила этого мальчишку, этого героя, который противостоял и своему царю, и расправился с ее царем. Не было ей оправдания, потому что она могла показать и не раз показывала такой характер, что любого Ахилла бы след простыл, но она обрадовалась, когда увидела его, и все было добровольно.

Она предала своих, вот и пряталась с ним в эту лунную ночь. Но она ни о чем не жалела, хотя бы потому, что ни отец, ни муж не смогли ее защитить. Но останься они в живых, и даже если бы они одержали победу, разве они спасли бы ее от любви к этому юноше? Он сам внезапно вопреки всему пришел к ней в эту ночь. И в его объятиях она была спокойна и счастлива, как никогда прежде не бывала. Если кто-то будет говорить о том, что она спасала свою жизнь - это не так, ей ничего не стоило погибнуть и не один раз. Она никогда не боялась смерти, но теперь, после этой ночи с ним, она и на самом деле хотела еще немного пожить, хотя готова была шагнуть в погребальный костер, тогда все проблемы и волнения и будут сразу решены.

Может быть, он и на самом деле несокрушим и неуязвим, но ведь нужно еще что-то большее, чтобы встать и идти к поверженной царице.

Похороны были пышными и горестными. Каждый из ее подданных спрашивал, что с ними будет, когда прах разнесет ветер, как им жить и что делать дальше. Царица старалась не смотреть на них, она опускала глаза, ни на один вопрос не было у нее ответа. Она провела с ними весь этот день. И страшные раздумья терзали ее душу. Она никак не могла решить, что ей делать и как поступить дальше.

Ахилл бродил по своему лагерю, словно неприкаянный, у него не было ответа на самый главный вопрос, что будет дальше. Ему нужна была царица Брисеида, никакая другая пленница никогда не будет так любима и так желанна, он больше не пытался даже отмахнуться от такого странного открытия.

Но если она не придет. Она отплатила ему за то, что он для нее сделал. Она не смогла бы отказать ему в ту ночь. Но она не обязана возвращаться к нему. Он так и не смог понять, любит ли она его, или это только чувство благодарности за его великодушие. А когда она опомнится, и вспомнит, кто причинил ей столько горе, не убежит ли она, не спрячется ли?

№№№№№№

Из своего дворца Брисеида исчезла бесследно в ту самую ночь. Говорили разное, кто-то был уверен в том, что царица погибла, не в силах больше оставаться тут одна, многие говорили, что ее похитители по приказу их свирепого царя, он и раньше взирал на нее так, что можно было не сомневаться в его чувствах.

Они поговорили и замолчали, никакого толка не было от этих слов.

А царица, закутавшись в черный плащ, слившись с тьмой, и ничего не видя перед собой, направилась в стан своих врагов. Это была ее земля, она знала дорогу даже в крошечной тьме и ничего не могла перепутать. Она без труда отличила и тот шатер, который стоял в стороне от других - только там

должен был оказаться Ахилл. Конечно, она могла оказаться и в руках совсем другого воина, но вряд ли кто-то из них рискнул бы пойти против этого юноши, как только она назвала бы его имя. Но она не ошиблась. Луна привела ее в то самое место, где она просила его о милости.

И он вышел из шатра и в тот момент, узнав его, она и упала почти без сил в его объятия, и услышала:

- Я ждал тебя, только тебя, о, моя царица.

- Я похоронила их, там никого не осталось, я пойду за тобой, - говорила она. И он почувствовал, что сердце его разрывается от счастья.

Когда воин заснул богатырским сном, успокоившись, Брисеида открыла глаза и вздрогнула. В шатре кто-то был. Но она понимала, что никакой живой человек не осмелился бы сюда войти в такой час, разве что царь Агамемнон, но он пошел бы последним из всех. И тогда она поняла, что тень ее мужа стояла перед ней.

- Такой жертвы от тебя не требовалось, - услышала она его голос.

- НО я была тебе верна всегда, до той минуты пока ты меня не покинул, и не моя вина, что я люблю твоего врага, видно это шутка Афродиты, но это чувство мне неподвластно.

- Ты заплатишь за предательства, Гера никогда не прощает такого, - попробовал он обратиться к своей богине.

- Это моя жизнь и моя плата.

Она отвернулась и закрыла глаза, он исчез так же неожиданно, как и появился. Она только крепче обняла Ахилла и плотнее к нему прижалась, понимая, что в нем вся его жизнь и заключена.

Она знала, что за все приходится платить. И первым вмешался во все происходящее царь Агамемнон. Ему пришлось вернуть отца ту жрицу, которую он сделал своей наложницей. Он боялся гнева богов, и помнил, как долго им пришлось томиться, когда они нарушили волю Артемиды, как дорого пришлось заплатить за попутный ветер. На этот раз он больше не мог и не хотел спорить со своими и чужими богами, ему нужна была удача

больше, чем эта женщина. Но оставаться без наложницы в то время, когда Ахилл был с царицей, он не собирался.

- Я возьму другую, ты отправишься со мной, - бросил он быстрый взгляд на Брисейду, мне нужна царица, а не рабыня.

Остальные облегченно вздохнули. Он не видел в тот момент лица Ахилла, да и что на него было смотреть. Она погладила его по руке и поспешно шагнула к царю. Приказы его никто не посмел бы обсуждать, но она понимала и другое - так Гера отплатила ей за предательство и за то, что она не просто была наложницей, но осмелилась любить.

И за спиной царя, она ясно видела, была тень ее убитого мужа- весь мир должен был противиться этой любви. Да и как они вообще могли на что-то надеяться.

- Если уж изменять мне, то с царем, а не с мальчишкой, - шепнул он, странно приблизившись к ней.

№№№№

Царь провел великолепную ночь, хотя она только отстранялась и усмехалась. Она говорила какие-то колкости, и готова была добиться того, чтобы он пришиб ее. Он не собирался этого делать. Если что-то и волновало Агамемнона, только то, что выкинет после всего этого Ахилл. Можно не надеется на то, что он промолчит и ничего не предпримет.

Ахилл подчинился приказу. Но его лишили не просто наложницы, а любимой царицы, и в кругу своих самых близких друзей, первым среди которых был, как всегда Патрокл, он дал клятву о том, что не вступит больше не в одно сражение, никакая сила не заставит его взять в руки меч и идти в сражение.

- Ты так любишь ее или ненавидишь его, - осмелился спросить его Патрокл,

- И то, и другое, но она дороже жизни самой. Наш царь заплатит за все, он еще пожалеет о том, что захотел забрать мою царицу.

- Мы приведем тебе других женщин, ты получишь их, сколько захочешь, только будь благоразумен, - уговаривал его верный друг.

- Но мне не нужны никакие другие, только она одна. Я знал это тогда и чувствую это теперь.

Патрокл лучше других знал, что никогда и ни к кому Ахилл не был так привязан, как к этой царице, и он не сомневался в том, что каждого из них ждут очень тяжелые дни, от которых им никуда не деться.

Брисеида не появлялась перед его шатром. Она боялась за себя, а еще больше боялась за Ахилла. Пока они не виделись, это можно было хоть как-то терпеть. Но как только она увидит его, никакой Агамемнон не сможет ее удержать, и она погубит и себя и его. Потому что с той самой ночи, когда она оказалась в постели царя, ничего больше не чувствовала царица. Она точно знала, что умерла, и оживить ее тело и ее душу может только один человек, - юный герой Ахилл.

- Ты печальна, - говорил царь, когда уже выпито было много, и ему хотелось просто поговорить с ней.

- А что меня должно радовать, ты царь и герой, никто не спорит, но этого недостаточно для того, чтобы быть любимым.

Он вздрогнул от ярости. Хотя в тот момент грозный Агамемнон помнил глаза своей жены, полные презрения, как только она узнала, что он влюблен в ее сестру Елену, и ничего с собой поделать не может, а потом ненависти, когда он потребовал принести в жертву их дочь, чтобы корабли смогли отправиться в Трою.

Она не хотела слышать никакие его объяснения. Он знал, кожей чувствовал, что та царица отомстит ему за Елену и их дочь, которая осталась на жертвеннике, а эта за Ахилла. Такова участь любого царя - всем близким людям есть, за что ему мстить. И только в сражениях он переживал упоение, это было его стихией, и никакие женские хитрости и коварство не смогли бы его увести от схваток, в том не было сомнения.

В те дни он узнал и еще большее предательство. Ему доложили о том, что Ахилл отказывается идти в любое сражение. И это стало известно и в стане противника.

Это слышала и Брисеида. Она едва смогла скрыть усмешку, хотя за него было тревожно. Они не виделись с того самого дня, когда она ушла от него, и она представить себе не могла о чем он думает, что делает в это время.

- Он встречался со своей матерью, и она должна упрямить богов наказать тебя, о царь, - говорила волшебница, когда он призвал ее к себе.

За его спиной выросла царица, и он понял, что она подслушивала, и все слышала:

- Твой любовник погубит нас, но даже если так случится, я царь, и будет так, как я хочу.

- Мой любовник - твой лучший воин, об этом никогда не стоило забывать, и никакая женщина не стоит того поражения, которое тебя ждет.

Волшебница молчала, она только смотрела на наложницу и дивилась тому, как та себя вела.

В тот момент и загрохотал в небесах гром, да такой, что затряслась земля, и многие понимали, что это ответ Зевса на то, что тут происходило.

Агамемнон улегся на жесткую кровать. Он не хотел больше никого видеть и слышать.

- И все это из-за пленницы, которую я даже не люблю, - пронеслось в его душе странное откровение.

Он надеялся на то, что она сама тихонько уйдет к Ахиллу, все разрешится само собой. НО она оставалась с ним, как наказание и напоминание о той глупости, которую соизволил совершить мудрый царь.

А потом все смешалось. На него обрушился сам Гектор, сильнейший из Троянцев, тот, против которого они могли идти только вместе с Ахиллом.

Царь смотрел, как гибли его воины, и ждал, пока Ахилл опомнится, и броситься в сражение, но мальчишка был упрям, как тысяча чертей, его и в помине не было там, где разгорелась эта бойня.

И тогда, не дожидаясь своих слуг, да и ждать было особенно некого, он схватил царицу, и потащил ее к шатру Ахилла.

Он лежал и смотрел в одну точку.

- Будь ты проклят, упрямый осел, - кричал царь, - иди и сражайся, иначе я у тебя на глазах прикончу ее. Столько наших воинов головы из-за нее сложили, разве ты не понимаешь, что это ее месть нам всем.

Ахилл резко вскочил, и прикрыл своим телом царицу, его властелин в таком гневе мог убить любого. Сам он готов был с ним драться.

Но тот покачнулся, развернулся и пошел прочь. Столько унижений для того, чтобы просто так прибить героя, разве не этого он и добивался, да и сама царица, вероятно, тоже, но они от него не добьются этого, не получат.

- Ты должен сражаться, - прошептала она, обнимая его так, словно они прощались навсегда.

- Это невозможно, Патрокл отправился против Гектора в моих доспехах, только когда он вернется, я пойду в сражение. Я не хочу умереть в тот день, когда ты вернулась ко мне, о моя царица.

Патрокл не вернулся. Разнеслась весть о том, что Гектор сокрушил его, уверенный, что убивает он самого Ахилла. Но вождя троянцев ждало разочарование, и более того, он понял, что теперь ему самому не избежать смерти от меча Ахилла, если до сих пор он не был ни в одном сражении, то, как только узнает о случившемся, так и рванется в битву.

Брисеида больше не могла сомкнуть глаз. Она ждала того часа, когда Ахиллу принесут новые доспехи. Она понимала, что будет убит Гектор, и остановить Ахилла она никак не могла. Так она во второй раз оказалась между своими и чужими, и понимала, что должна будет предать вождя троянцев. Хотя не стоило обольщаться. В этой кровавой схватке мало, что зависело от женщин. Мужчины сражались, и побеждал сильнейший.

Она увидела его в доспехах. Но за его спиной стоял красавец Аполлон и усмехнулся. Она ослепла от его красоты, и онемела от этой улыбки, которая могла обозначать только одно - смерть героя.

- Что ты увидела, дорогая, не бойся за меня, никому и никогда не удастся меня сокрушить, - говорил он, но она снова видела Аполлона, который был за Троянцев, а значит против предавшей их царицы, и самое главное - он никогда бы не потерпел такой любви. Потому что никто и никогда его не любил. И это была не зависть лютого царя, а уничтожающая все ярость красавца - бога.

Она уже знала к полудню, что убит Гектор. Перед Ахиллом появился царь Приам. Она не решилась выйти к нему и заглянуть ему в глаза. Да и сам он на все согласился, только чтобы поскорей попрощаться со стариком, ведь его ждали жаркие объятия царицы, и каждый день и для него мог стать последним.

Он тоже видел Аполлона, хотя ничего ей о том не сказал.

Стрелу послал Парис, тот самый, из-за которого Ахилл, и все остальные ахейцы были брошены в сражение. Именно его для мести выбрал бог Аполлон. Она вырвалась из шатра и бросилась туда, где был убит ее герой.

- Стреляй, - приказал Аполлон Парису, - пусть она умрет вместе с ним.

И он не смог послушаться.

Аполлон с высоты городской стены взглянул на то, как царица упала на тело своего возлюбленного. Она еще бежала, хотя несколько стрел уже пронзили ее тело. Ему не хотелось, чтобы она добежала до Ахилла, бог красоты не любил сантиментов и красивых сцен, когда их участниками были влюбленные. Но она добежала, и рухнула только на его тело - это была последняя месть царицы богу, который никогда и никем не было любим. Достойный поступок.

Аполлон заметил улыбку Афродиты и усмешку Гермеса - это двое были здесь. Они никак не могли пропустить такой сцены, но красавец - бог понимал, что для него это триумф поражения.

ГЛАВА 16 ВЫБРОШЕННЫЙ ИЗ ИГРЫ

О том, как Аид оживился во время Троянской войны, и Тезей встречал погибших героев и думал об Елене

Как оживился в те дни Аид.

Даже тем, кто ничем не интересовался и ничего не ведал, было понятно, что на земле происходит нечто большое и страшное. Чтобы когда-нибудь появлялось сразу столько теней, испуганных, злых, все еще продолжавших по пути выяснять отношения - такого точно прежде не было никогда, и это подтвердят многие.

Сурово взирал сам Аид и на троянцев, и на ахейцев, не особенно разделяя правых и виноватых. Он был молчалив и угрюм, потому что все, что творилось на земле, не могло особенно его волновать никогда. Для кого-то война - это трудная работа и краткий путь к нему, для него же суэта, и бесконечный пир тщеславий.

Он сам редко появлялся на этом пиру, потому что не собирался заступаться за одних и ругать других. Да и как отсюда разобрать, кто был прав, а кто виноват, а самое главное, ему-то какая разница. Плохо, то, что была уничтожена Троя, плохо то, что и тут они никак успокоиться не могут, и все мечутся, и даже потасовки какие-то устраивают, словно и здесь еще могут что-то поделить, и как-то разделиться.

Но знал грозный Аид, что произойдет скоро две вещи, даже в его мире, где время не течет, оно будет делиться на две части: до Троянской войны и после, и второе, то что касалось уже их мира: они опомнятся, поймут, что ни победа, ни поражение там, во тьме ничего не значат.

- Перед Аидом все равны, - как-то сказала все еще спорившим воинам Персефона. И он и сам убедился в том, насколько она права.

Только усмехнулась Никта. Она-то знала, что та повторяла то, о чем они говорили. Это были ее слова, но она не стала ничего говорить. Эти двое были ей особенно дороги, если чем-то могла дорожить богиня тьмы.

- Перед Аидом все равны.

Ахилл первым услышал эти слова, и убедился в том, о чем прежде он только смутно мог догадываться - все его усилия напрасны: боль, страдания, бунт и подвиг тут ничего не значат. Тогда он и на толкнулся на Тезея. Вот уж кого не ожидал тут узреть, так это Афинского царя. Он видел его там, когда был еще юнцом, каким величественным и прекрасным тот ему казался. Ему не было равных. Не из-за него ли тот, кто не стал сыном Зевса, потом и думать ни о чем не мог и все время рвался в любое сражение, на чем его позднее хитрец Одиссей и подловил. Его потеряли там, его не было среди воинов. Но никто не мог бы подумать, что все время он оставался здесь, ведь у него была какая-то старая история с Еленой этой Прекрасной и несчастной, которую всю жизнь, словно мячик перебрасывали из рук в руки, не с него ли, не с его ли спасения все и начиналось когда-то.

Ахиллу очень хотелось поговорить с ним и услышать эту историю, и он вместе со своей царицей, с которой они не разлучались и здесь - единственная радость, - и отправился к нему, и к воротам дворца грозного бога.

№№№№№

Прошло немного времени, а Тезей в Аиде уже встречал молча Ахилла с Брисеидой, он внимательно слушал их рассказы и не мог проверить своим ушам, такого не могло твориться на земле. По крайней мере, без него.

И не было страшнее наказания для последнего героя, чем сидеть неподвижно здесь, когда там такое творилось.

Но он ждал Геракла, понимая, что только другой герой и может его освободить из жуткого этого плена.. Ему казалось, что Геракл успеет во время и он еще успеет повоевать.

Когда так долго находишься во тьме, да еще и с камнем сросся, как единое целое, тогда становится ясно многое, что-то совсем в другом свете воспринимается, и он вспоминал все, что с ним случилось за те дни. И в первую очередь помнил он женщин.

А когда снова возникло имя Елены, и он понял, о ком говорят первые убитые, то странная боль и чувство вины охватило его душу. Он долго слушал Гектора, успевшего тут появиться, тому все было известно лучше. И казалось даже, что тот упрекал героя, если бы он не бросился от нее сюда, не оставил ее одну, не стала она женой Менелая, кто бы решился идти против царя Афин и самого Тезея.

- И Троя была бы спасена, - завершил свой рассказ Гектор.

Но Тезей думал о Елене, ему не было дел до чужого мира, который так плох, что не смог себя защитить, но что должна была переживать в это время бедняжка. И он понимал, что виноват, один перед всеми, и главное перед ней самой. Правда, об этом знали далеко не все, и все-таки.

Если бы он хотя бы вырвался до окончания войны и смог ее защитить, но и на это оставалось все меньше надежд.

И вот теперь, когда царица Брисеида рассказывала ему ту самую историю про себя и Ахилла, он был не просто грустен, а печален не в меру. Она не знала, откуда его печали, Ахилл это знал так хорошо.

- Но как там она, - вырвалось у Тезея

Ахилл замолчал, он показывал, что не желает и не собирается говорить о ней ни с кем.

- Она ни в чем не виновата. Как мужчины и те, кто называет себя воинами и героями может в чем-то женщин обвинять?

И снова молчал Ахилл. И понял Тезей, что никогда не понять им друг друга, но пугало его не это. Рано или поздно она появится здесь и посмотрит в его глаза. И что тогда он ей скажет? Ему даже песня слышалась такая странная оттуда, издалека. И он не мог спутать ее голос ни с каким другим

Если ты приручил меня, царь мой прекрасный,
Не бросай в эту бездну страстей.
Там чужие повсюду, там зло и опасно,
Открывать к черной пропасти дверь.

Ты умен и терпим, ты им вряд ли позволишь,
Только страшно теряться, во мгле.

Я лишь тень твоя, милый, и эскиз я всего лишь,
На оставленной Богом земле.

И теперь я смеюсь и страдаю невольно.
Без тебя я пустая страница.
Если ты приручил меня, странно и больно
В мир пустой, в этот мрак возвратиться.

Это счастье, реальность с тобой покидая,
И в бессмертие вместе шагнуть.
Это добрая сказка меня увлекает,
Мы осилим невиданный путь

Какая странная и грустная была эта песня, и обращалась она именно к нему из своей дали. И содрогнулся всем телом герой, так, что камни посыпались где-то и зароптали тени, они -то ничего не слышали и не понимали, что могло его так напугать, насторожить.

Тезей рвался туда, как никогда и никуда не рвался прежде. Он не видел в тот момент, что Персефона все слышала и видела, она следила за ним, может быть единственная из всех, она понимала, о чем думает, как он страдает и почему страдает. Уж ей-то это было прекрасно понятно. Но она ни о чем не просила Аида, потому что знала, что не отпустит он его никуда, не позволит вмешиваться тому, кого не должно быть на этой войне.

Недаром страдал и рвался прочь Тезей. В ту ночь Елена видела его во сне, она пела свою песню и звала его. Она чувствовала, что Менелай приближается и звала своего Тезея. Но появилась Медея - вот уж ирония судьбы.

- И ты безутешная, да что же в нем такого, отчего это он так приворожил тебя?

- Только он мог меня спасти, только он мне был нужен.

- Тезей нужен всем, а его Персефона у себя держит, и отпускать не собирается, он же за ней отправился.

Медее нравилось доставлять боль этой девице, а почему бы и нет? Вон, какая бойня из-за нее никогда не кончится, радоваться должна, а она страдает.

Но Елена смотрела на волшебницу и не могла, и даже не стремилась понять ее, какой в том смысл.

И только одного хотелось ей, чтобы исчезли все цари и герои. Чтобы перестали они выяснять отношения, и появился он. Вот тогда она будет свободна и счастлива.

Но это было невозможно.

- Ничего невозможного нет, - прочитала или угадала ее мысли Медея. - Только все дело в другом, вы встретились слишком рано, а теперь идете в том самом лабиринте, где не доведется вам больше встретиться.

После этих слов в глазах ее мелькнул злорадный огонек.

Елена была в смятении и не особенно понимала, о чем та говорит, но она не могла не понять одного- с Тезеем в этом мире они уже не встретятся. Но ведь это не беда, жизнь так коротка, а потом...

Она в ужасе не стала ни о чем спрашивать волшебницу, потому что догадалась, что и там, в вечности будет какой-то подвох, трудно сказать, в чем именно он состоять будет, но они не встретятся и там, вот что могло привести царицу в полное отчаяние. От боли и обиды она закрыла глаза, а когда открыла их, Медеи уже не было. Ей надоело разговаривать с этой глупой курицей, которая ничего не понимала, и разговора не могла поддержать, и чего доброго разрыдаться была готова, а вот этого уж совсем не надо было ей. Медея не терпела женских слез и никого не собиралась утешать, потому что презирала любую слабость.

Елена осталась одна, между небом и землей. И вдруг показалось ей что с разных стороне несутся к ней три всадника - и первым был на золотом коне ее отец, вдруг отлучившийся с Олимпа своего, вторым дядюшка Посейдон, на рыжем огромном, огненном коне, и третьим, на черном, а каким еще ему быть - грозный Аид. Какой величественной могла показаться эта картина любому со стороны, но ей ничего кроме страха она не внушала.

Они сошлись, наверное, и сами дивились тому, что какая-то сила их вдруг привела сюда, столкнула в одном месте. Они молча взирали на нее, словно все

одновременно захотели увидеть, и она смотрела на них, не в силах ничего сказать, не могла и думать о чем-то.

Наверное, ни одна богиня, даже Гера сама не могла бы о таком и мечтать.

Но если Геру помянуть, то она тут же явится. Впрочем, на этот раз привела ее богиня раздора Эрида, чтобы та полюбовалась на то, как эта тройца устремилась к девчонке.

- Часто они на твой зов являлись, дорогуша, а она ведь даже и на звала их, а они тут как тут.

Но уже вынырнула откуда - то из пучины Афродита и Афина сама прилетела сюда. Елена оглядывалась. Она ничего не понимала. А Эрида понимала, что все заканчивалось так же, как когда-то начиналось. Три богини, яблоко раздора. Любовь и война, вот именно любовь и война, с той лишь разницей, что тогда все было впереди, а теперь уже позади. Эта история должна была иметь свое завершение, вот она и закончилась на берегу моря. И все ее главные действующие лица собрались тут, ну кроме тех, кто уже был убит, или это случится завтра - какая разница, если драма уже была сыграно. Сколько бы ни прожили еще Эней, Одиссей, Агамемнон, это только капля в море.

-Пожалуй, с грозного царя и начнем, услышали они голос Эриды.

Боги поспешили удалиться, рядом с богиней раздора они не особенно уютно себя чувствовали, а вот богини остались. Да и Елена не смела, уходить так быстро, пока они были здесь.

С грозного царя и начнем. Ей сначала показалось, что они говорят о Тезее, но так могло показаться только ей, остальные знали, что богиня раздора свой взгляд на Агамемнона и Кассандру положила. Это их судьбы уже были решены. Так начиналась жизнь после войны, с новых напрасных жертв и невосполнимых потерь.

И она еще не сможет успокоиться, множа страдания и беды.

Елена вдруг у всех на глазах лишилась чувств и рухнула. И вздрогнули богини, они , ведя необъявленную войну друг с другом, и все вместе с Эридой,

на нее не особенно оглядывались. А Афродита и теперь решила, что она притворяется, чтобы вызвать сочувствие.

Но жизнь продолжалась.

ГЛАВА 17 ГИБЕЛЬ ЦАРЯ

О том, что стало с героями после того, как война закончилась, как они жили и умирали.

Никто из оставшихся в живых не верил в то, что закончилась Троянская война. За их плечами были девять лет изнурительных сражений. За это время столько всего произошло, но могучий царь Микен Агамемнон, возглавлявший этот поход, остался жив, после того, когда была уничтожена Троя, и Менелай отыскал на развалинах ее испуганную Елену. Всем пора было отправляться домой.

Но с ними со всеми что-то за это время произошло. Впервые брат его, отблагодарив его за подвиг, почти тайно отправился с женой своей на корабль, не прощаясь с ним. Они отплыли под покровом ночи в неизвестном направлении. Он так и не смог приблизиться к той, из-за которой столько лет так отчаянно воевал.

Он видел ее только несколько минут, и она взглянула на грозного царя с такой болью и грустью, что можно было перевернуть этот мир еще раз. Но он не решился в тот момент действовать в открытую. И глаза жрицы Зевса - Кассандры, неотрывно следили за ним. Как и любая пленница, которая ему доставалась, она стала для него наказанием. Но он решил ее оставить рядом, чтобы не погнаться за Еленой (корабль их уже растворился в тумане) - вот и вся братская благодарность. Менелай тревожился не напрасно, если бы он помедлил, его брат захватил бы Елену, он давно понял, что без нее нет для него никакой жизни.

Но Агамемнон не собирался отступить, он знал, что пожалует в их Спарту, как только все немного утрясется, по праву победителя он будет рядом с ней.

От этих мечтаний он ощутил прилив счастья и страсти, улыбнулся и понял, что все было не зря, Елена рано или поздно будет в его объятиях.

Кассандра все эти дни молчала. Она онемела от горя, понимая, что Зевс никогда не сможет помочь ее Трое, воскресить ее братьев и сам город.

Когда ахейцы ворвались в храм и набросились на нее, совершилось бы непоправимое, то, отчего она наложила бы на себя руки. Но за их спинами появился грозный вождь. Его голос взлетел под купол, и они отступили в ярости, не в силах противиться ему. Они знали своего царя, и понимали, что он расправится с любим, кто прикоснется к ней.

Сам царь хорошо помнил о том, что происходило, когда он пленил другую жрицу, правда, та служила Аполлону, но и тогда ему пришлось рассориться с Ахиллом, захватить царицу, которая чуть не подарила им гибель и поражение, и вернуть ее назад своему воину. Да и как мог относиться сам бог красоты к тому, кто совершал насилие над принадлежавшей ему.

Кассандра была жрицей Зевса, потому он забрал ее с собой, но трогать не собирался, ему хватило бы и других девиц. Но оставлять ее на развалинах Трои не хотелось, и потом он хотел показать Громовержцу, что не так ненасытен и неразборчив в связях, как тот. Агамемнон всегда готов был поспорить с богами, и в тот момент забывал, что это во все времена скверно кончалось.

№№№№№

Сначала Кассандра была благодарна ему за спасение. Она смирилась с тем, что должна принадлежать царю - победителю, тем более что от ее мира ничего не осталось, а здесь будет только он один. Но в первый раз за все время

она ошиблась, он не стал делать жрицу наложницей. И тогда она даже немного обиделась на царя, видя, что другие девицы проводят с ним ночи.

- Я недостаточно хороша для тебя? - спрашивала она

Он взглянул сурово, не время своим ушам. Но он понимал, о чем она говорила в тот момент. А потом заговорил:

- Я наделал много глупостей в своей жизни, потому моя победа оказалась такой тяжелой и чуть не завершилась поражением. Но Зевс даровал мне ее, и я не стану на тебя посягать. Хотя кто же спорит, ты нужна мне, я хочется знать свое будущее.

Кассандра тут же забыла о личных обидах, она взглянула на него внимательнее, и произнесла заворужено:

- Тебя в будущем интересует только одно, связано ли оно как-то с этой блудницей, которая погубила наш мир, - вдруг выдохнула Кассандра.

Ей неприятно было то, что тот, кто отверг ее, способен был если не любить то пылать страстью. И если бы это была любая другая женщина, но не Елена, почему все в этом мире с ней связано. Кассандра знала и другое - она выпьет из кубка забвения, и забудет про все, что им всем никогда не удастся забыть. Боги всегда были к ней благосклонны.

Если бы она не была жрицей, царь бы просто придушил ее, но он сначала хотел узнать, связана ли его судьба с Еленой.

- Да, - говорила она, - только не так, как ты думаешь. Пока ты платил за нее и за страсть свою неумную чужими жизнями. Но скоро заплатишь своей собственной. И все напрасно, она любила и будет любить только одного царя и его зовут.

Жрица оборвала свою речь и ждала. Хочет ли он знать имя этого царя или нет.

Агамемнон упрямо молчал. Он ни о чем не собирался ее просить.

И тогда она сказала сама, потому что хотела причинить ему такую же боль, какую он причинил ей, хотя даже она не могла знать, как можно измерить эту боль.

- Блудница была со многими, но любила она всегда только одного царя, и его зовут Тезей.

Да, конечно, как он сам мог о том не догадаться, конечно, Тезей, кто это мог быть еще.

Ничего на это не ответил грозный царь. Он хотел сказать, что если он выжил на войне, то, что ему может грозить теперь?

- Ты оставил там столько лучших воинов и героев, что боги тебе даровали жизнь, но ведь никто не может знать, для чего ты остался жив, и ты не ведаешь этого.

- За молчи, я больше не хочу этого слушать.

И Елена холодной змеей снова вползла в его душу. Он казался спокоен, но только Кассандра могла знать всю силу этой страсти, бушевавшей в душе победителя.

- Так нельзя любить и желать женщину, это настоящее безумие, - размышляла она, глядя на него.

И в первый раз она не злилась, ей стало жаль грозного царя. Но еще больше ненавидела она при этом Елену. Им приходилось сталкиваться за стенами Трои, Кассандра тогда пыталась понять и оправдать ее, она винила во всем безумного Париса, который просто подчинился собственным капризам, но тогда она еще не ведала, как может любить эту женщину грозный царь. Что там Парис, ее брат просто стал игрушкой в ее слабых и красивых руках, и заплатил за этой своей жизнью, жизнью Гектора и всех троянцев.

№№№№№№№№

Елена тем временем стояла на борту корабля, который приближался к берегам Египта. Она еще не знала о том, что грозный Посейдон ничего не оставит от этого корабля. На этот раз он не позволит им добраться до Спарты, куда и отправился Агамемнон, чтобы с ней встретиться, и украсть ее у родного брата, они снова не будут вместе.

- Только не в этой жизни,- говорил Владыка морей своей жене Амфитрите.

- Почему ты так суров? - удивилась она, лучше бы на Афродиту обрушился, разве не она во всем повинна.

- Он муж и герой, и если он не может противостоять ей, и этой негоднице Елене, то пусть страдает, - говорил он.

Амфитрита, в отличие от Геры, никогда не спорила со своим мужем, хотя и согласиться не могла. Она не понимала, почему они во всем обвиняли Елену, которая и повинна была только в том, что была красива, и всегда кому-то хотелось ее украсть. Она с усмешкой припомнила сына Посейдона Тезея, ведь он был первым, а лиха беда начало, потом все и закрутилось вокруг нее. И она должна была только спасаясь от одного попасть в руки другого, а если ее даже не крали, как Агамемнон, то все равно, только об этом и мечтали, и при других обстоятельствах поступили бы точно так же.

Корабль разлетелся на куски, Амфитрита подтолкнула к берегу Елену и того, кого она выбрала в мужья, только для того, чтобы ей в чужом мире не оставаться одной. Другого мужчины с ней рядом тогда не было.

№№№№№

- Зачем ты направляешься в Спарту? - спрашивала Кассандра царя.

Он только взглянул на нее удивленно и раздраженно.

- Ты так хорошо знаешь морские пути?

- У меня другие видения. Они не собираются туда пока возвращаться, твой брат понимает, чем это закончится. Ты не Парис, с которым так просто расправиться, она же после всего стала ему дороже, он не собирается уступать ее тебе.

Агамемнон не верил ушам своим. Он понимал, что она может предвидеть какие-то события, но чтобы знать все подробности того, что с ними случится и не случится - это слишком.

Если это так, как говорит эта девица (она на что-то была годна все-таки), то он подумал немного и приказал поворачивать корабли к своим Микенам. Становиться посмешищем среди спартанцев, если их там нет и пировать не с кем, он не собирался.

- Он разумен, - подумала Кассандра.

Она радовалась тому, что может за свое спасение от насилия отплатить ему тем же. Хотя какая ирония судьбы, от насилия ее спас тот, кто уничтожил при помощи того же насилия ее мир. В это почти невозможно было поверить. Но их личные судьбы не всегда связаны с судьбами мира, того, где приходится жить.

В ту ночь в тревожном сне к царю пришли погибшие герои, и среди них видел он Патрокла и Ахилла, а рядом с ними стоял Гектор и Парис. Как странно молчаливы были они все.

Они просто смотрели на то, как он возвращается к себе домой. И спрашивали погибшие герои, а справедливо ли то, что тот, кто затеял все это, пролил кровь и своих и чужих, возвращался в свой мир, цел и невредим. Они могли бы порадоваться тому, что вместо Елены он получил сначала Клитеместру, а теперь вообще Кассандру. Женщин ему совершенно не нужных, и по-прежнему стремился за неуловимой мечтой своей, но он был жив, он мог делать со своей жизнью то, что вздумается, в то время как все они стали прахом, только тени, которыми повелевает неумолимый Аид. А им теперь жить хотелось еще больше, ведь они были значительно моложе, чем он.

А почему мир вообще должен быть справедлив?

№№№№№

- Он возвращается, - простонала Клитеместра, обратившись к Эгисфу, своему новому возлюбленному, - почему он должен был вернуться? Мне каждую ночь снится моя Ифигения, почему богиня простила ему гибель Ахилла, я не говорю о Менелее, тот всегда и во всем ему подчинялся, но почему все так спокойно, словно он настоящий герой.

Эгифс задумался. Он готов был расправиться с героем и занять его место, но он уже знал, что с ним была пророчица Кассандра, и она могла предупредить его о том, что они задумали. И тогда грозному царю не составит труда с ними расправиться. Конечно, Микены были для него желанны, но он не собирался умирать в этом мире, в несправедной схватке, в которой невозможно победить.

- Кассандра? - переспросила его царица, - ты боишься ту, которая своего мира и своих близких спасти не смогла, зато стала его очередной возлюбленной. Но разве она не знает, что для царя существует только одна женщина, моя сестра, из-за которой он уничтожил ее мир, как она могла стать его любовницей? Он что, так неотразим, что ему можно простить все.

Она странно громко рассмеялась, потому что вспомнила, как сама умирала от страсти, которая только значительно позднее переросла в ненависть.

- Разве не она отвергла Аполлона, - не унималась Клитемистра, - и не смогла отказать ему. Что вообще творится в этом мире.

Почему-то мысли о пророчице толкнули ее на крайний шаг, то, о чем она только могла смутно думать, стало реальностью.

- Я встречу его, как подобает встретить царя.

Эгифс чувствовал беду. Он не знал, сейчас ли ему убежать, или немного позднее. Он не хотел прослыть трусом, и надеялся на то, что боги заступятся за своего героя, а меч упадет из рук царицы, и тогда, но что будет тогда, тоже невозможно было себе представить. Но это надо было видеть самому, чтобы потом не гадать и не сожалеть.

Царь Агамемнон ступил на собственную землю. Слезы восторга блеснули в глазах его, он велел разжечь самые высокие костры, чтобы его царица видела, что он возвращается победителем, в те минуты торжества он готов был если не любить, то хотя бы терпеть ее. Потом начнется серая и обыденная жизнь, нынче его триумф.

- Полыхают костры, отец вернулся, - услышала царица голос Электры, дочери, которую он оставил ей, не принес в жертву своей Елене, хотя как сказать, что будет дальше, этого не было известно даже Кассандре.

№№№№№

Кассандра ступила на землю Микен вместе с другими пленниками, и в полумраке ей показалось, что она шла по крови. И меч уже был занесен над ее головой.

Она с самого начала знала, что ее пророчества никогда и никого не спасали. Что толку его предупреждать, если обиженная и разъяренная женщина исполнит свою угрозу. Она бессильна перед ней, но она не видела тела убитой дочери на жертвеннике Артемиды, она не могла так ненавидеть того, кто был ее мужем, потому она и не могла судить царицу, да и не собиралась этого делать. И потом, зачем ей жить. Она провела столько дней и ночей рядом с царем, когда он был без жены своей, в одиночестве, здесь же все страшно осложнилось, и это больше для нее никакой роли не играло. Она готова была ко всему и не собралась никого, ни о чем просить. Но самое главное, она хотела увидеть мертвым того, кто разрушил ее мир, и только потом можно было умереть самой. Разве не ради этого проделала она это долгий и трудный путь.

Агамемнон разыскал ее, когда они направлялись ко дворцу, и заглянул в глаза:

- Ты ничего не хочешь сказать мне, - вкрадчиво спросил царь.

Он видел, что она любит его. И если ему грозит какая-то опасность, то она его о том предупредит, обязательно предупредит. Хотя почему он должен был доверять своей пленнице, которая по его воле потеряла все, если она не рассталась с жизнью, то может быть, потому, что просто хочет увидеть его смерть?

Но он не стал об этом особенно долго думать. Впереди был победный пир, жена, и он таил надежду на то, что Менелай и Елена могут поджидать их в его дворце - это было бы самым дорогим подарком для грозного царя.

Царь вошел в собственный дворец. Его брат приветствовал его, он не стал спрашивать, как тот тут оказался, вероятно, поджидал его, чтобы встретить первым и получить часть тех богатств, которые вез он с собой из Трои, коршуны быстро слетятся на добычу, только вести разнесутся по миру.

Клитемистра все время держалась в тени, и только тень улыбки появилась в уголках ее губ. Царь оглянулся вокруг, и тогда услышал ее голос:

- Ее нет здесь, она снова сбежала от тебя, и я рада.

Он отстранился от нее, произнес что-то грубое, но она больше не смотрела в его сторону. На всякий случай он дождался, пока его воины попробуют вино, и только потом стал пить сам. НО они ничего такого, вероятно, делать не собирались. Он упрекнул себя за то, что стал слишком подозрительным. Но в тот момент ворвались воины в залу. К нему подошла царица, в руках ее был кубок, но меч обрушился на него сзади.

- Пей за нашу дочь, ты думал, я прощу тебе это, пей за свою Елену, ей понадобится твоя помощь, если ты не окажешься у Аида. Ему нужны такие воины, а среди живых тебе нет больше места.

Последнее, что он видел в своей жизни, как приподнялась и упала вниз лицом Кассандра. Но она не издала ни единого звука. Она была готова к такому повороту.

- Ты знала, - прошептал царь, - но почему ты ничего не сказала мне, почему не сказала.

Когда царица наклонилась к нему, он был уже мертв.

- Я приношу тебя в жертву твоему Зевсу.

Она оглянулась яростно вокруг, с ними не было ее сына Ореста.

- Куда делся мальчишка, - бросилась она к палачу, - я же просила тебя следить за ним. Все поиски были напрасны. Он в тот момент исчез бесследно.

- Ты оставил того, кто погубит тебя, но это только твоя вина, - говорила царица.

Когда люди приблизились ко дворцу своего царя, он возлежал на смертном одре в прекрасных одеждах, украшенный самыми дорогими сокровищами, которые он привез с собой. На этот раз царица была щедра.

- Ты понравишься теперь Елене, - шепнула она, - настоящий герой, и не забудь, что я тебя сделала таким.

Ничего не мог ей на это ответить победитель.

Глава 18 ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ВО ТЬМЕ

В которой мы снова встречаемся с Еленой Прекрасной, пытаемся понять, что чувствовала та, из-за которой все началось.

Мне снится сгоревшая Троя, о, эти безумные сны
Мир дико и страшно утроен, он весь из любви и войны
Сплетен, и они неразрывны, о Гектор, о милый Парис,
Вы все только тени в Аиде, смеется усталый Старик.
Мой муж, он ко мне возвратился, но жизнь в пустоте не мила,
Мне снится сгоревшая Троя, хотя я совсем не спала.

Приам выступает из мрака, и в гневе согнулся Ахилл,
Не кончится вечная драма, как странно утроен наш мир.
Сестра моя в гневе и страсти, казнила царя своего,
И в этой отчаянной власти еще я живу, ничего
Не радует больше, но больно, всех видеть во тьме гробовой,
Оставь меня, Зевс, о, довольно, отец, ты жесток, дорогой,

Отправь меня в тьму без возврата, а Троя горит и горит.
Пожар, это я виновата. И каждый четвертый убит.
Со мною жесток нелюбимый, я только укоры встречаю
Мне снится сгоревшая Троя, и с нею я снова сгораю.

Давно закончилась Троянская война. В мире оставалось все меньше тех, кто был свидетелем и участником ее. Те, немногие из ахейцев, кому посчастливилось вернуться домой, тихо доживали свой век. Они рассказывали порой истории, которые с каждым разом становились все более

удивительными и загадочными, и те, у кого хватало фантазии, дописывали и додумывали то, что могло быть в далекой Трое. Особенно любили слушать рассказы об Одиссее, всем нравились его хитроумие и те трюки, которые он проделывал. Ведь именно они и позволили грозному царю Агамемнону победить благородного и несчастного троянского царя Приама.

И жены и девицы, которые слушали эти истории, часто спрашивали о царице, из-за которой все это когда-то началось. Они не называли ее по имени, не потому что не помнили этого имени, просто не хотелось тревожить ту, которая была обвинена во всех грехах, но не была виновата ни в чем.

Они шепотом говорили о том, что она еще жила где-то в этом мире, хотя казалась такой же далекой и туманной, как и любая богиня.

№№№№№

Елена никогда не говорила о своем прошлом, о том времени, которое было связано с войной. Она не рассказывала и о Тезее, с которым столкнулась в детстве и которого продолжала любить, еще был жив Менелай, и она не хотела причинять ему лишних страданий, хотя происходило все это задолго до их встречи. Наверное, ни одна жена не доставила своему мужу столько забот и хлопот, как она, и хотелось ей просто от них отстраниться, успокоиться, забыть.

Все, кто видел Елену в Спарте и знал, кто она такая, поражались спокойствию и невозмутимости этой никогда не старевшей красавицы. Но каким могильным холодом от нее веяло, страшно было даже приблизиться.

Но рано или поздно этот мир покидает любой. Шагнула за черту и Елена. Сам Танатос - бог смерти, почтительно склонил перед ней голову, и стал спрашивать, куда она хочет попасть в первую очередь. Ответ удивил его немало:

- Во дворец Персефоны, - услышал он ее негромкий голос.

Редко кто из смельчаков отваживался добровольно идти в том направлении, особенно после того, как Тезей вместе с другом своим

Пирифоем оказались там прикованными к камням. Потом Геракл спас Тезея, и вывел из тьмы вместе с Цербером. Адская собака почти сразу же вернулась назад, а вот Тезей после гибели своей оказался во владениях Посейдона. А Пирифой на своем камне до сих пор оставался, потому желающих составить ему компанию и не было особенно, и вдруг Елена оказалась такой храброй девой. Конечно, она дочь Зевса, но после всего, что случилось.

Но бог смерти с тех пор как Аид стал здесь властелином, никого ни о чем не расспрашивал и советов своих не раздавал, вот и проводил он Елену прямо к дворцу Персефоны. Хотя, если бы выбор нужно было ему самому делать, он отправился бы в бескрайние просторы к богине Амфитрите. Та была добра и великодушна, уж она бы точно посочувствовал им. Хотя именно ее муж разметал корабли Менелая, когда они возвращались из Трои, и на долгое время пришлось оставаться в Египте, именно там, где она была счастлива когда-то с красавцем Парисом, похитившим ее в свое время.

№№№№№№

Елена же направилась в подземный мир, никто ее не остановил, да и некому было останавливать.

Когда она шагнула в заповедный лес Артемиды, который находился по дороге в Аид, сама богиня - девственница вышла к ней. Она была последней, кто видел Елену на земле, и тоже очень удивилась, когда та отправилась в бездну.

- Почему ты выбрала Персефону? - удивленно спросила она, и настойчиво ждала ответа.

- Только она может понять меня.

- Хорошо, ты к ней успеешь, а пока поговори с моей жрицей, ты не узнаешь ее?

Елена не могла не узнать дочь своей старшей сестры, хотя она упорно молчала. Но богиня поняла, что она ее узнала - это точно.

- Я - Ифигения, - говорила девушка, - вероятно, ты еще не успела узнать мою историю.

Елена молчала. Она тоже не решилась продолжить, удивившись тому, что та так равнодушна к тому, что происходит даже с ее близкими, и тогда снова подала голос богиня, она не собиралась особенно с ней церемониться.

- Когда корабли Агамемнона остановились, не было попутного ветра, воины уже готовы были повернуть назад, и войны не началось бы, если бы он не исполнил мое требование, и не принес в жертву свою дочь. Он сделал это, девушка навсегда осталась со мной, но там, в Микенах ее считают мертвой.

- Но почему ты была так сурова? - не выдержала Елена, никто другой не решился бы спросить о том богиню.

- А почему я должна быть доброй? Но я всегда дивлюсь их жестокости. Просто маленькая девочка, царская дочь стала первой из бесчисленные жертв. Потом он и со счета сбился, и при этом сей царь продолжал считать себя победителем и героем. Но я все думаю, нужны ли нам победы и герои, которые достались такой ценой.

- Оставь ее, - попросила Ифигения у своей богини, она и сама переживала боль невероятную, но готова была взять боль и страдания своей тетушки.

И богиня вняла ее тихим словам, хотя она и Зевсу никогда не подчинялась.

- Пусть идет, Персефона ее уже заждалась.

Шутила ли она или говорила серьезно, понять было невозможно, Елена и не пыталась даже.

- Агамемнон, - повторяла тихо Елена, - когда она осталась совсем одна, - почему ты был жесток к нам ко всем, разве слава и почести стоят того?

И не то чтобы она одобряла свою сестру, расправившуюся с ним, но наступило какое-то облегчение после его гибели. Хотя вторая ее племянница, Электра так не считала.

Какими они были разными, две родные сестры. Но если разобраться, ведь и ее принес в жертву суровый царь. Семь лет она растила брата своего и

хранила ярость в душе. Она все время думала о том, как однажды придет во дворец свой вместе с братом, только за тем, чтобы расправиться с матушкой и дядей - царем. Как странно, что и для такого царя, как Агамемнон нашлись свои мстители. Но она тогда даже не попыталась разыскать девушку, которая так изуродовала свою жизнь. А ведь если бы она поехала туда, где они прятались, возможно, она смогла бы убедить ее в том, что не стоит ради него, особенно ради него свои руки кровью близких марать.

Но Электра была достойной дочерью своего отца. И как могла знать Елена, кто из них окажется прав? Она столько лет молчала обо всем, старалась даже не думать о том, и только теперь решила поговорить обо всем именно с той, которая была когда-то похищена грозным Аидом.

Елена была уверена в том, что если кто-то и поймет ее, то именно Персефона, нет ни на этом, ни на том свете другого такого человека, только богиня подземного царства, а если не случится такого, то она так и останется в вечности со своей болью и страданиями.

Электра была здесь, она так и не решилась подойти к той, которую так любил ее отец, из-за которой страдала ее мать, и совершила столько глупостей, из-за них ей не рассчитаться. Она вышла из своего укрытия только когда их тетушка уже растворилась в тумане.

- Почему ты пряталась, - спросила ее Ифигения.

- Я не хочу ее видеть, ты представь, если бы она туда, в подземный мир, отправилась раньше, и осталась бы со своим любимым Тезеем на камнях сидеть, то ничего бы не было, ничего. Да если бы я была на ее месте и знала, что из-за меня такое произойдет, я бы сама сквозь землю провалилась.

Эти пылкие речи слышала Артемиды и помощник Афродиты - бог страстного влечения Гиммер.

- Какая противная девчонка, - не выдержал он, - она не твоя жрица, а может быть, мне на нее свои чары наслать, тогда она и посмотрит, что такое страсть.

Артемиды взглянула на него, она догадывалась, что это он Елену тогда заколдовал. Не могла она без его стрелы за Парисом последовать добровольно. Вот теперь и не может забыть о собственных проделках. Он немного испугался суровой богини, и сразу заскулил:

- Я не сам это сделал, меня Афродита заставила. А ты представь, если бы она Париса совсем не любила. Так хоть какая-то радость для этих двоих была, а влечение бывает сильнее всех иных страстей, и это такое упоение, - от восторга он прикрыл глаза, но внимательно следил за Артемидой, потому что она и сама однажды попала в его путы, когда Адонис у них появился. Она никогда не говорила о том, но знала, что это такое.

- Не трогай Электру, ее жизнь и без тебя исковеркана, пусть теперь в ее жизни будет большая, светлая и тихая любовь, без всех твоих болезненных страстей.

- Что это вдруг ты девиц таких дерзких жалеть стала?- оживился Гиммер.

- Я не жалею, а просто предупреждаю тебя, что дело ты иметь будешь со мной.

Гиммер поспешил уйти, ему не хотелось иметь дело с Артемидой, тем более что она не простила его за прошлое. Надо было выбрать себе кого-то спокойнее и безобиднее.

Так Электра и не испытала страстного влечения, и не могла понять свою несчастную тетушку, для нее она осталась виновницей всех прошлых и грядущих бед, даже когда Харон перевез ее по реке забвения.

-Здесь был Тезей, - говорил ей Пирифой, как только увидел ее, - он так много хорошего о тебе говорил.

Елена убедилась в том, что его тут нет, конечно, его искать надо было в подводном мире, но пока она шла к Персефоне, и это было даже важнее, чем встреча с любимым.

- Тезей всегда был добр ко мне, - задумчиво отвечала она, - только он один и бывал добр. Как жаль, что он не вмешался и не спас меня, сколько жертв я приносила, сколько молила богов.

- Он рвался к тебе, но только Геракл мог его освободить, и освободил, да больно поздно, а тогда у него были другие дела.

И поняла Елена, что напрасно его ждала, но он ни в чем не был виноват.

Она чувствовала себя в бездне спокойнее и уютнее, чем на земле, случается же такое. Но у каждого есть то место, куда он стремится всей душой, и где может обрести покой. Странно, но дочь Зевса никогда не думала об Олимпе, хотя честолюбивый Менелай думал, что именно туда она его со временем и приведет. И только потому он был спокоен и терпелив по отношению к ней. И теперь вероятно ощущал себя страшно обманутым. Но о нем она после ухода думала меньше всего.

А потом она обо всем говорила Персефоне. Та, зная, о странном капризе сестры своей сразу согласилась ее принять. Никогда прежде не говорила столько Елена о пережитом. А потом вдруг замолчала и взглянула на Владычицу тьмы.

- Мне хотелось бы посочувствовать тебе, - услышала она в ответ,- но посмотри, сколько убитых воинов тут. Вот и Ахилл с Гектором никак не могут завершить свой спор, хотя каждый из них по-своему прав, но что с ними сделать можно? Нам для них пришлось даже часть нашего Ада освободить, чтобы они среди других теней не терялись, ведь им есть о чем поговорить.

- И ты веришь в то, что это случилось из-за меня. Но это был только предлог, они все равно бы развязали войну.

- Может быть, только тогда тебя никто и ни в чем больше не смог бы обвинить. Не говори мне об Афродите и о ее Гиммере, хотя он и сейчас вокруг тебя вился, но права была Электра, знаешь, что она сказала, что если бы была на твоём месте, то раньше бы под землю провалилась.

- А Ифигения? - почему-то спросила Елена.

- Она тебя защищает, она славная девочка, хотя еще ребенком столько пережила. Артемида спасла ее, но имеешь ли ты представление о том, что такое быть ее жрицей? И лучше никогда тебе этого не знать.

- Все повторяется, сестра моя родила двух девочек, одна из них по моему образу и подобию, а вторая, так похожа на нее.

- И хорошо, что она не повторит твою судьбу, и никакая другая не повторит, - столько твердости, почти ярости было в голосе Персефоны, даже насмешливая богиня охоты была к ней более добродушно настроена.

А говорят, она рыдала, когда Орфей пел ей свои песни. Вот во что невозможно проверить. И все-таки Елена радовалась тому, что она хоть кому-то рассказала о том, о чем так долго молчала и делала вид, что ничего больше не помнила.

- Я, возможно, поняла бы тебя, если бы ты любила этого мальчишку, скажи мне, что он был тебе дорог.

- Нет, не могу, я любила только Тезея.

Это прозвучало так неожиданно, что растерялась Персефона, она была уверена, что услышит имя Агамемнона, еще кого-то, но не Тезея. И чтобы скрыть свое замешательство, она заворчала:

- Тезей, Тезей, только о нем все говорят, вот и Медея была уверена, что на нем свет клином сошелся, и ты туда же.

- Он так долго был тут у вас, и что же?

Ни звука не произнесла Персефона, она ни за что не призналась бы даже себе самой, что опустел без него подземный мир. Но Аид не собирался его допускать назад, и ее муж был прав во всем и очень даже мудр, здесь она с ним никак не могла не согласиться.

И все-таки очень грустно. Но кто бы мог подумать, что эта глупая кукла Елена тоже любила его, хотя не придумали ли они себе героя, а она не придумала ли его?

И тут произошло неожиданное, Елена поняла, что что-то происходит за ее спиной. Она не выдержала этого напряжения и повернулась. И удивилась: Кассандра, Ахилл, Гектор, Агамемнон, они стояли и смотрели на нее, они все в первый и в последний раз слышали ее признание в любви к Тезею.

Угрюмо стоял в стороне Менелай. Он не надолго пережил ее, но он теперь знал точно, кто был главным его соперником, он радовался тому, что это оказался не его родной брат, но тягаться с Тезеем, это смешно, и хорошо, что черт его унес к Посейдону, хотя он не сомневался в том, что Елена найдет способ для того, чтобы покинуть их снова и тоже оказаться там.

И только теперь черная огромная тень пробежала по бесконечному залу, ярко вспыхнул факел, в своих владениях появился Аид, слышал ли он то, что тут происходило или только что к ним присоединился, кто мог это знать, да и не волновало это Елену. Он узнает все от Персефоны, если ему это будет интересно, но в тот момент он торжествовал:

- Ты напрасно проделала свой путь, здесь нет твоего Тезея, нет, и никогда не будет.

Можно было подумать, что он ревновал Елену к герою, на самом деле всем было понятно, что слова эти относились к его ненаглядной жене, и он радовался тому, что принял тогда правильное решение.

- Тебя некому спасать, - между тем продолжал он.

- Я здесь, - и я спасу ее, - услышали они голос Агамемнона, на него совсем не подействовало недавнее признание, неужели он и на самом деле способен был любить?

- Я могу сказать вам всем о том, что она ни в чем не виновата.

И смотрела на него Персефона, и сам Аид смотрел. В первый раз у вождя ахейцев хватило мужества признать, что он любит ее и готов защищать.

- Что за привычка, в схватке, где дерутся мужчины, винить женщину.

Но Елена на этот раз оказалась не такой тихой и покорной, на нее не произвело впечатления его заступничество. Она взглянула ему в глаза:

- Я видела твою дочь, ту, которая была принесена в жертву. А ведь есть и вторая. Электра семь лет готовила план мести, на это ушли лучшие годы жизни, она вместе с сыном твоим убили свою мать и родного дядю. Война не закончилась, она продолжается, ты снова победил, можешь праздновать свою

победу. Твоя любовь потребовала от нас от всех слишком больших жертв, если бы даже я и захотела, и тогда не смогла бы ее принять, прости меня.

В зале наступила гробовая тишина.

- Я не понимаю ее, - обращалась Персефона к Аиду, - я хочу ее понять и не понимаю,

Елена уходила молча, никто не решился пойти за ней, она скрывалась где-то во тьме Аида. Она все сказала, и снова погрузилась в тишину и молчание.

Больше о ней ни в одном из миров ничего не слышали. И пошло поверье о том, что красота и одиночество, жуткое одиночество всегда неразрывно связаны. Если бы совершилось чудо, и сюда пришел Тезей. А что Тезей, разве не сбежал он один раз сюда же, бросив ее на произвол судьбы. И это повторится снова, и только еще больше умножит страдание. И все происходить будет на глазах у Персефоны, которую сам Аид ревновал к Тезею, нет, очень хорошо, что нет его тут поблизости, пусть он у Посейдона в бескрайних его просторах и остается навсегда.

Это был единственный в мире мужчина, который не любил прекраснейшую, вероятно потому она так и не смогла его забыть. А возможно он и на самом деле был так неотразим, что не отражался в ее душе.

Тьма поглотила Елену, ее никто не звал и не искал, так никто и не смог ее понять, как ни грустно было это сознавать.

И даже Зевс не решился спросить о ней, хотя она оставалась его дочерью.

Мне снится сгоревшая Троя, о, эти безумные сны
Мир дико и страшно утроен, он весь из любви и войны
Сплетен, и они неразрывны, о Гектор, о милый Парис,
Вы все только тени в Аиде, а Троя горит и горит.

ГЛАВА 18 СЛЕПАЯ СТРАСТЬ

И снова Медея и Тезей, он вернулся из Аида, как и герои с войны, но что же ждало его в новом и совсем непонятном мире?

Как страшно и странно было возвращаться из загробного мира, из своего заточения. Тезей простился с Гераклом, который яростно тащил упиравшегося пса к трусливому царю. Тот должен был убедиться в том, что он выполнил его поручение. И понятно было всем, что спрячется он от Цербера, и прикажет отпустить его и отправить назад. Но такими бесполезными были все подвиги Геракла, он давно уже примирился с ними и терпеливо сносил все издевательства, который у Геры было пруд пруди.

Тезей простился с ним и побрел в неизвестном направлении. Мир за это время странно переменялся. Ему не хотелось братья за меч, и возвращать себе Афины. Он вспомнил почему-то Медею в самом начале, как она хваталась за соломинку и боролась за этот мир, кубок с отравленным вином мог еще в самом начале решить все проблемы, но тогда бы ничего печального и радостного в его жизни не случилось.

Вот если бы они столкнулись с ней сейчас, он бы еще подумал, отказываться ли от такого угощения или нет. Какими мрачными были мысли у героя. Даже в вечной тьме он не терял надежды и оптимизма, но что случилось, когда он увидел свет.

Но стоит помянуть Медею, она тут же и явится. Впрочем, она еще до появления Тезея на земле знала о том, что он нашелся и возвращается. Об этом говорила Цирцея, когда она от нечего делать, заглянула к своей тетушке. Волшебница была спокойна и беззаботно на своем острове, она же совсем не собиралась там, в одиночестве оставаться, ей надо было действовать.

- Ты снова за свое, - просила ее Цирцея, когда она, узнав главное, стала поспешно прощаться.

- Я должна довести начатое до конца, - упрямылась та.

- Но что ты еще не доделала до конца, он уже с тобой все прошел и лабиринт, и потерю любимой, и потерю нелюбимой, и в подземном мире сидел послушно, что ты еще хочешь, не достаточно ли?

- Мести никогда не бывает много, если он выбрался и жив, я должна ему помочь вернуться назад, а так как Аид его больше не примет, пусть отправляется к его отцу Посейдону.

- Неутомимая, но зачем тебе это нужно. Уж гонялась бы за Ясоном, а этот парень ни в чем перед тобой особенно не виноват.

И вдруг она взглянула на нее еще раз и словно бы догадалась о главном. И сама удивилась тому, что такой волшебнице, как она, что-то могло быть не известно с самого начала.

- Даже я была уверена в том, что ты любила того, а не этого, а что же на самом деле.

Она утрюмо молчала, а потом все-таки произнесла.

- В любви к тому кроме стрел Амура и не было ничего. Если бы не богини, я бы даже и не заметила его и не запомнила, а здесь не было никаких богинь, и положение мое было плачевным, но не могла забыть его никогда потом, ни с кем мне больше жизни не было.

Цирцея и верила и не верила тому, что слышала. Ведь во всех сказаниях она была безумно влюблена в Ясона, так что же такое творилось в ее мятежной душе на самом деле. Тот был просто прикрытием для этого?

Что говорить об этой глупенькой Елене, если сама Медея все эти годы любила его, потому и в покое не могла оставить, ведь она могла вернуться в Афины после его исчезновения, но Медея даже и не подумала об этом, любой владыка бы сбежал, как только увидел ее. Но нет, - размышляла Цирцея, и истинная картина прорисовывалась перед ней. И волшебницы могут заблуждаться, когда они неправильно что-то принимают и понимают, и ей ошибки не были чужды.

- Но если ты любишь его, тогда оставь в покое, - снова опомнилась Цирцея.

- Не могу и не хочу. Ему плохо здесь, Геракл вернул его напрасно, он бродит как неприкаянный и не знает куда деваться.

- И ты решила помочь ему?- удивленно спросила Цирцея. Она много что понимала, но не свою племянницу, а ведь ее никто не знал лучше, чем она сама.

- Он и сам не знает, что лучше, что хуже.

- А ты думаешь, что тебе это известно, какая самоуверенность.

Но Медея уже вскочила на своего дракона, понимала волшебница, что удержать ее, то же самое, что голыми руками ветер удержать - ничего из этого не получится.

№№№№№№№№

Тезей подошел к острову Эвбея, где у него оставались какие-то земли, и он решил там укрыться от старых и новых знакомых. Как странно доживать свой век, когда все подвиги уже совершены, все женщины твои на том или этом свете тебе давно не принадлежат, и мир переменялся до неузнаваемости.

Остров казался пустынным. Там не было никого, и не знал Тезей, радоваться ему или огорчаться. И только черный всадник - царь Скирос, выехал к нему навстречу. Именно к нему заглянула Медея по пути к Тезею от волшебницы.

- Тезей возвращается, - говорила она, - он отнимет земли, которые ты давно считаешь своими.

И никому ничего не говоря, бросился тот догонять непрошеного гостя. Улыбнулся Тезей. Его встречал хоть кто-то, и, кажется, Скирос был ему рад. А герою так не хватало простого душевного тепла.

Встретились они как раз на высоком берегу над морем, долго говорили о чем-то, и когда он отвернулся, услышав пронзительный крик птицы над головой, то какая-то волна налетела на него. И ему показалось, что он взлетел в небо, в какой-то момент полет и падение так похожи, это потом начинаешь разбираться, что есть что. Страшно побледнел царь и отошел от берега, он был уверен, что может полететь туда вслед за Тезеем. НО странный смех заставил его остановиться, рядом с ним стояла Медея.

И Тезей, оглянувшись во время своего полета, заметил ее на берегу.

- Медея, - задыхаясь, произнес он.

Она вздрогнула, и хотела броситься туда, чтобы спасти его, но не могла этого сделать, ведь это она потребовала его смерти от царя и не могла противоречить самой себе. Да и не стоило доверять такому порыву.

Но как странно сжалось ее сердце, ей казалось, что она сама умирает.

- Ты ушел, тебе там будет хорошо, а мне еще оставаться в этом мире, таком жестоком и несправедливом, хотя и у меня тут больше не осталось никаких дел, - повторяла она в забытьи, и чувствовала, как сердце ее разрывается в клочки.

Но еще больше удивилась Медея, когда волны сомкнулись над ним, и он даже не попытался вырваться из них объятий.

Амфитрита давно поджидала героя. Сначала она никак не могла простить ему того, что он был сыном ее мужа и живым свидетельством измены. А потом, когда она узнала, что Персефона была довольна и счастлива, и грустит оттого, что он покинул этот мир, она стала обижаться на то, что он так долго задерживается во тьме, в то время как принадлежит им.

Медея слишком поздно поняла, что она доставила великую радость повелительнице морской. Конечно, это была ее плата за то, что они когда-то позволили им плыть по морям, и уберегли от свирепых воинов ее отца, только если бы этого не случилось, и корабли их разбились, она не страдала бы столько и не совершила бы столько скверных дел, и не страдала бы так. Вот и не знала Медея, благодарить ли ей Посейдона или проклинать.

Впрочем, ей предстояло еще одно, последнее испытание, когда она оторвала свой взор от морской стихии, то заметила, что с ней рядом кто-то стоит. Царь поспешил убраться, сделав свое черное дело, а может быть, богини возмездия погнали его прочь, только его больше не было нигде видно, зато Афина, Гера и Афродита стояли за ее спиной.

Их было трое, и настроены они были вовсе недружелюбно.

- Ты так и не можешь остановиться, тебе все герои спать спокойно не дают, - усмехнулась Афина.

Медея пока молчала, она старалась понять, что ей делать и как быть дальше.

- Она помогла ему от нас уйти, он развлекал Богиню Тьмы, а теперь к этой глупой Амфитрите пошел, - вторила ей Гера.

- Да о чем вы, может быть единственный раз она сделала доброе дело для того, кого так беззаветно любила.

Подслушала ли богиня любви их разговор с тетушкой или ей и самой все было прекрасно известно, как знать, только она огласила то, о чем Медея никому говорить не собиралась.

Любовь к юноше, который ни в чем не был похож на вашего бессильного Язона, на этот раз наша Медея не ошиблась в нем, но она все равно сбежала, а потом, когда решила вернуться, он от нее в подземный мир к Персефоне сбежал, этого она никак не могла ему простить.

Они говорили так, словно ее не было тут, и перед ними была не грозная внучка Гелиоса, а простая смертная, над которой можно было издеваться.

Когда на остров прилетел черный ворон, и Цирцея узнала, что погиб Тезей, а Медея столкнулась с тремя богинями, теми самыми, как и в начале своего пути, она взволновалась не на шутку. Сборы были недолги, она помчалась за грозной птицей к тому самому обрыву, где и были они.

№№№№№

- Я не узнаю нашей Медеи, - подступала к ней Гера, - ты и на самом деле любила этого мальчишку, сына Посейдона. Ты без нашего ведома и вмешательства могла влюбиться? Это что-то новенькое.

- Так, как ты никогда и никого не любила.

- Но почему же ты позволила ему оставаться с этими девицами? - Гера задавала вопрос, о котором скоро должна была пожалеть.

- Он никогда и ни с кем из них не оставался. Все мне помогали в том, и пьяница Дионис, и Гермес, прогнавший Амазонку, которую он никогда и не любил, и Пирифой, который от Елены его в ад увел.

Они вспомнили те события, и на самом деле это было похоже на правду.

- Но зачем, для чего было их вообще допускать, если ты сама с ним не была ни разу?- спрашивала наивная Афина, которая забыла о том, что перед ней могучая волшебница.

- А кто тебе сказал, что она не была, - возражала более искушенная Афродита. - Кто спал с ним, они или сама Медея, этого мы никогда не узнаем. Герои так слепы и немые, когда опускается мгла, разве могут они разглядеть, кто с ними в постели находился.

Об этом не догадалась даже Цирцея, но разве что-то могло ускользнуть от взора богини Любви.

- И все-таки я не понимаю, - упорствовала прямая Гера, - зачем было прятаться.

На этот раз Медея не выдержала, она понимала, что Гера может на нее весь свой гнев обрушить, но молчать она не стала.

- С Ясоном все было: сначала пылкая страсть, потом охлаждение, потому привычка, и желание убежать подальше, я не могла совершать те же самые ошибки снова. И этому молодцу я еще быстрое надоела бы, потому что он ничем не был мне обязан. Тезею всегда нужны были разные женщины, и я дала ему их, пока не надоедали, пока он не уставал, не уходил от одной к другой. Труднее всех было бороться с Ариадной, ведь она была первой и она была мертва, но как странно, как смешно было смотреть на то, как он со мной по мне страдает, как он бежит от меня ко мне. И ты, Гера, была самым ярким примером для того, чтобы не появляться, не вешаться на шею ему, не держать из последних сил, это была своеобразная игра, которая позволила мне сберечь наши чувства и наши страсти. Мне удалось, отсутствуя, заполнить весь этот мир, кто бы из вас смог это сделать?

Цирцея давно уже стояла за высокими кустами и слушала ее монолог, она была уверена в том, что придется бросаться в схватку и защищать ее от богинь, потому она и удивилась, когда поняла, что их надо защищать от нее. И хотя все трое они просто молча слушали ее пламенные речи, но каждая из них чувствовала себя явно проигравшей. Только теперь Гера поняла, что если бы она не гонялась за наложницами Зевса, а, убрав незаметно каждую из них, сама приняла ее облик, то она была бы со своим мужем от начала до конца и ни с кем бы его ни делила. Она бы даже слушала его рассказы, как была страстна Леда и как прекрасна и ласкова Лето, как восхитительна Европа, и какой пылкой оказалась Майя. И она бы тогда не лопалась от злости, а придумывала свой новый облик, который можно было подсмотреть у той богини или смертной, к которой был обращен его взор в данный момент. Медея совершенно права, хотя Гера никогда бы не признала этого. А чего добилась она, кроме лютой ненависти, равнодушия, и шуточек, о том, что если бы Аид узнал о счастье брата своего, то никогда не захотел бы жениться.

Афродита злилось, думая о себе. Она скорее готова была менять любимых, но не себя с одним любимым. И вместо стабильных многогранных чувств, она получила только тела и лица, который никогда не могла бы вспомнить, и о многих ли из них она смогла бы хоть что-то определенное сказать, вот в том-то и состояла вся суть тайны Медеи, которая странно унизила, почти раздавила каждую из них.

Но древняя мудрость Бога Солнца, наверное, передалась ей, они же были так молоды, задиристы и неопытны, что им только и оставалось учиться у нее.

Богини ушли, не прощаясь, у каждой нашлись какие-то очень важные, неотложные дела. Запал Медеи кончился, она поняла, что сказала слишком много лишнего, но должна она была как-то остановить их.

Но ей только показалось, что она оставалась в тот момент одна. В лучах заходящего солнца перед ней появилась Цирцея, во всей своей ослепительной красоте.

- Я спешила к тебе на помощь, как только мой ворон сообщил о том, что происходит, три богини, это много даже для тебя, но я рада, что услышала все, что ты им говорила, ведь мне бы просто так ты никогда такого не рассказала, - мягко улыбнулась она.

- А ты сама не знала этого?

- Знала, конечно, догадывалась, - поправилась она, - только ты так говорила, что я поняла, что это не случайность и не заблуждение, твоя связь с ними и с ним. Но когда же ты все это придумала.

- Когда Язон что-то мямлил о том, что он спасает меня, но женится на ней. С ним было все потеряно, но я решила для себя, что если они не могут любить только одну женщину, то остается только меняться самой. И на этот раз помогло. Все оказалось не так плачевно.

- Почему ты не решила выйти к нему и оставаться с ним теперь? - спрашивала ее Цирцея, она догадывалась, но хотела услышать ответ.

- Потому что все уже было, я не могла придумать ничего нового, да и он вернулся безучастный и потерянный, а я слишком его любила, чтобы спокойно принять такого.

Они молчали обе. И золотая колесница Гелиоса остановилась перед ними.

- А я все смотрел вы ли это, дорогие мои, поехали, что вам делать на земле, небеса, полет - это так прекрасно, я хочу показать вам звезды.

И ожила в один миг Медея, и исчезла ее грусть, переходящая в отчаяние. Кто еще из богинь, не говоря уж о смертных, мог бы прокатиться по небесам в его золотой колеснице. И пусть они остаются в своих мирах, цари и герои, а она уносилась к солнцу, чтобы растворится в его лучах и вечно сверкать на небесах.

- Она столько натворила здесь на земле, почему он забрал ее с собой, - спрашивал Гермес у Пана.

Они давно уже расположились рядом с той поляной и с удовольствием подглядывали и подслушивали. Богини и не представляли себе, сколько посторонних глаз и ушей было поблизости.

- Она много страдала. И не так уж была виновата, как принято считать, а ему сверху все это прекрасно было известно.

-Я давно за ней наблюдал, Медея ужасна, я не встречал более страшного создания, - говорил Гермес.

- Она прекрасна, и тебе это известно не хуже моего, а говоришь ты так, потому что тебе до нее не дотянуться.

- Какая глупость, Аполлон был прав, когда шкуру с тебя чуть не стащил.

- Не с меня, а с сатира, мне эта от рождения дана, какая уж есть. Но ему самому не больше везет, чем мне.

И они стали обсуждать последние происшествия. Медея исчезла, но жизнь на земле продолжалась.

ГЛАВА 19 ГЕРОИ В АДУ

О том, как правые и виноватые встретились в Аиде, что они почувствовали, и как там все определилось для каждого из них

Никта помнила тот день, когда за границу бытия шагнул молодой и хмурый Аид. Как она радовалась его появлению и понимала, что все изменится в ее крошечной тьме. И хотя света там со времени его пребывания особенно не прибавилось, но и не убавилось тоже, и стало суетно и даже порой весело и забавно. Когда такое могло быть в добрые прежние времена, когда там были только ее ужасные детишки. Она должна была быть благодарна Гее за то, что та так изменила их мир, и ее жизнь. Один Сизиф чего стоил, с ним нельзя было быть спокойным ни минуты. И хотя теперь он упорно трудился по подъему на гору камня и ни о чем другом думать не хотел. Но и в это время он успевал будоражить остальных, подбрасывал им какие-то головоломки, сталкивал лбами. И только когда он поднимался очень

высоко, так, что его не было видно и слышно, остальные могли немного расслабиться и передохнуть. Но тут же раздавался грохот, камень летел вниз, герой бежал за ним, стараясь догнать и подхватить его. Это не удалось ему ни разу, но он не унывал и с завидным упорством брался за дело снова. Аид все время убеждался, что надежда не оставляла его даже в подземном мире.

Но про Сизифа скоро все забыли, потому что после появления Персефоны, сюда стали наведываться живые герои. Порой делали они это от отчаяния, иногда от какой-то невероятной дерзости, зная, что живым сюда нет и не может быть пути, они словно стремились доказать и себе и всему миру, что это другим нет, а с ними все в полном порядке, на то они и считались героями. Кому - то из них в самых затруднительных вопросах оракулы и пифии сказали, что если кто-то и знает истины, то души из подземного мира.

Аид молча и равнодушно принимал такие забавы, но Персефона оживала в такие минуты, они были ей родственны если не по крови, то по духу, потому она и возилась с ними, понимая, что это совсем другое дело, чем те, которых сюда просто забросила судьба и неизбежность. А уж Никта и вовсе не скрывала своего любопытства, ей так нравилась эта новая, для нее неведомая порода, что она бросала все свои дела, чтобы взглянуть на них и поговорить с ними.

Приходили они без Танатоса, а чаще наоборот старались его избежать и спрятаться, пока он брел по одному ему ведомым путям.

Конечно, бог смерти и видел и слышал их, и будь это старые и добрые времена, он бы им показал, где раки зимуют, так бы их перепугал, что они бы забыли обратный путь, до своего часа. Но в новые времена, и Персефона и Аид вели себя странно. И никогда не угадать, что им надо, а что нет, что хорошо, а что дурно, он даже и не старался чего-то переменить, махнул рукой и ждал их приказаний, прикажут назад оттащить героя, исполнит, нет - пусть сами с ними и разбираются.

Так совсем иные имена во тьме и грянули. И уже не из подземного мира, как когда-то рвались они всей душой и хитрости придумывали, а то же самое делали, только в обратном направлении.

Первым, конечно, Тезей пожаловал, он всегда был бродягой легким на подъем, и еще с тех пор, когда добровольно отправился к Миносу и по лабиринту побродил, полюбил он разные подземные сооружения, почему бы и в царстве тьмы не погулять, особенно когда другу своему слово дал, не подумав, что невесту ему отыщут. Тот только потом сказал, что жениться он хочет не на ком-нибудь, а на жене Аида Персефоне. Уж лучше бы Геру выбрал, Зевс бы им такого испытания не устроил, может, даже и благодарен был бы, но гиблое дело уводить богиню, которая обожает своего мужа. И он души в ней не чаает, а если мужа этого еще зовут Аид, то настоящее безумие, только ничего этого слышать Пирифой не хотел. Одного его отпустить Тезей не хотел - друг единственный все-таки, вот и отправился он вместе с ним к Аиду самому, потому что был сыном Посейдона, и родственником его близким

По дороге Тезей вспомнил старую историю о том, как хотела за него жена Агамемнона замуж выйти в то время когда прекрасная Елена просто заставила похитить ее, а что если и Персефона поступит так же? Что тогда ему делать, у Елены только женихи в то время были, а тут муж, да еще Аид. Но обдумать свои предполагаемые действия он не успел, в тот момент они, так долго во тьме блуждавшие, пред воротами адовыми и оказались. Он понял, что выяснять и решения принимать придется по ходу дела.

Аид видел, как дерзок и упрям Тезей, вот и пусть посидит и подумает тут какое-то время, а когда Геракл пожалует, он возможно и согласится его назад отпустить. Он не расправился с ним еще и потому, что не хотел огорчать свою милую жену, ведь она не давала ему повода для того, чтобы он расправился с Тезеем, а прикованный к камням, он совершенно безопасен.

Тезей в оцепенении своем и услышал о том, как Аид говорил Персефоне, что вызволит его из плена тот самый Геракл, бедняга, от которого коварная Гера не отстает с момента появления на свет, и должен он по ее милости

исполнять все глупости, которые требует от него царь безмозглый. Тезей знал, что он не только за ним сюда пожалует, его там никто отдельно спасать не собирался, но еще и за адским псом Цербером. Соседство не особенно приятное. Тезей уже подумывал о том, что в такой компании и спастись не стоит, ведь и друг его тут навсегда останется. Но и Геракла одного с собакой адской ему оставлять не хотелось, а если его помощь там потребуется, в то время как Пирифой и здесь его дождетя, разве не его это была распрекрасная идея, богиню тьмы украсть, вот и пусть ее теперь охраняет.

Времени на раздумья у него пока еще было много, Геракл, скорее всего, отправился Прометея освобождать, ведь тот за все человечество страдает, а он только из-за собственного легковерия и наивности. Вот и подождать может, ничего с ним в царстве Аида больше не случится, и печень ему никакой орел клевать бы насмелился. С какой стороны не посмотри, положение его не такое уж и страшное. И только Персефона никак не могла понять, отчего он не унывает, и, встречая ее, остается бодрым и жизнерадостным, она же чувствовала свою вину, и призывала поскорее явиться Геракла.

Она к тому времени узнала и о том, что они с Гераклом с Амазонками дрались, и тот по широте душевной подарил ему их плененную царицу.

- Скажи Тезей, она ведь и на самом деле самозабвенно любила тебя, я от своих нимф такие истории слышала.

- Не знаю, главное, что я ее совсем не любил. Геракл тогда подарил мне то, что совсем мне и не нужно было, боюсь, что и теперь произойдет то же самое.

Она внимательно смотрела на него. Она так мало прожила на земле, и как можно было понять и людей вообще, и мужчин в частности. Для нее это было непостижимо.

Но Персефона знала и историю с Федрой, он понял, каким скверным парнем должен был в ее глазах казаться.

- Мне хотелось вернуться к месту своего преступления, - взорвался вдруг он, - я был уверен, что одним махом все исправить можно вернется юность и в

лице Федры моя Ариадна вернется, но я оказался еще глупее Диониса. Федра никогда не была Ариадной, хоть их одна мать и родила, она, наверное, боялась меня, но никогда не любила. Она осталась только тенью, а тень не может принести счастья. Мне так хотелось знать, что она любит этого негодника Ипполита, а он ее, но они каких-то глупостей оба на совершали, и к вам поспешили, словно я был влюбленным и ревнивым мужем, глупцы.

№№№№

Появляется всегда тот, кого не особенно ждешь, вот и на этот раз, вместо Геракла к ним прорвался Орфей. Персефона слышала о сладкоголосом певце и содрогнулась, когда его юная жена к ним пожаловала, но то, что не воин и герой, а певец раньше Геракла прорвется, в это поверить она никак не могла. Но в отличие от легкомысленного Тезея, с чувствами у Орфея все было настолько серьезно, что без слез на него и смотреть нельзя было, и Персефона рыдала.

Как только увидел это Аид, (она не плакала даже тогда, когда он украл ее и поместил сюда) так сразу и понял, что парня надо поскорей отправлять назад. И с ним-то проблем не было, он был жив и невредим, но как можно вернуть назад мертвую Эвридику, что ему на это Зевс скажет, и что начнется среди остальных, когда такое чудо случится. Но Аид прекрасно знал породу мужчин, и все самые слабые их стороны - ревность и недоверие.

Когда прозвучало условие, никто не усомнился в том, что Орфей его исполнит, и Эвридика вернется с ним на землю. Персефона сама попрощалась с Эвридикой, уверяя девицу в том, что она вернется в тот мир. Это придавало сил и Орфею. И только Аид усмехался, ему было все известно.

Страшный крик услышали они, когда тень Эвридики снова стояла рядом с Персефоной:

- Он оглянулся, в самом конце он оглянулся, - повторяла она,- он не смог исполнить такого простого условия.

И богиня понимала теперь, почему улыбался ее хитрый и коварный муж, но ведь винить было некого.

- Он не достоин тебя, он знал, что случится, но не смог исполнить даже этого, - уверял их обеих Аид, и они смирились, воплей Орфея никто больше слушать не хотел, что после драки кулаками махать, раньше надо было думать.

Персефона поняла, что их герои могут быть и не такими славными и забавными, как Тезей. Но это было все равно какое-то потрясение, и она не могла не радоваться происходящему.

В тот момент, когда они еще не успели заскучать хорошенько, и появился Геракл. Он остановился перед Тезеем в недоумении.

- Я искал тебя, спрашивал о тебе, но оракул сказал, что тебя нет среди живых и мертвых, я тогда ничего не понял, - говорил он, - но тайное рано или поздно становится явным.

И он узнал от Персефоны, которая была добра к нему, то, как здесь оказался их Тезей. И забыв о собственном поручении, сразу же бросился он Аиду.

- Я пришел, он не должен больше ни минуты томиться тут, он надерзил тебе, но если бы ты знал, какой он славный парень. И с Еленой такой беды бы не случилось, если бы он был там, а не сидел без дела у тебя тут.

- А тебе кроме Тезея ничего не надо?- поинтересовался Аид.

Неужели он так любит этого коварного типа, что и о своих подвигах забыл.

- Мне нужен еще твой пес Цербер, царь мой без него никак жить не может, - вспомнил Геракл о самом главном.

- А может, ты и Сизифа с собой прихватишь, раз такой добрый и сердце у тебя такое большое? - поинтересовался Аид, у него в последнее время с чувством юмора все было в порядке, непрошеное вторжение героев шло ему явно на пользу.

- Я не могу идти, повелитель, - услышали они голос самого Сизифа, - ведь мне все еще не удалось закатить камень на гору, если бы он пришел немного позднее, и я уже выполнил бы свою работу - тогда другое дело.

Сразу видно было, что у Сизифа с чувством юмора стало значительно хуже, чем было в самом начале.

Тезей смог подняться со своего каменного трона. Он прощался с грустной Персефой, и уверял ее в том, что они скоро встретятся, он уходит только на один миг.

- Держи карман шире, - подумал Аид, - так я тебя и верну назад, наивный, отправишься ты во владения Посейдону, и Амфитриту его развлекать будешь, он так часто ее оставляет одну, что там ты нужен больше, чем моей Персефоне.

Но ни Персефона, ни сам Тезей о таком решении Аида еще не ведали, и надеялись, что скоро снова встретятся.

- Хватит с него и Ариадны, и Федры и Елены, - подумал он, когда вспомнил слова Геракла о том, что Елена не попала бы в беду, если бы Тезей в то время не прохлаждался у них в аду.

№№№№№№№№

Прошло еще немного времени по меркам богов подземного мира, и закончилась самая долгая и жуткая Троянская война. За эти десять лет столько героев туда пожаловали, что пришлось Аиду отдельное место для них отводить, чтобы они там размещались, пировали и продолжали поединки свои, если кто-то и чего-то на земле совершить не успел. Ему и самому такие забавы нравились, и почему бы ни устроить такие игрища в его жутком мире, тем более что никакого особенного вреда друг другу они причинить не могут, никому не приходилось умирать дважды.

Но только одного из всех выделил сам Аид, и это был Ахилл - сколько о нем рассказывали и друзья и враги, но сам он онемел, воды из реки забвения

напился столько, что любой другой лопнуть мог бы, но было видно, что ничего он не забывал.

- Почему герой героев так мрачен, - допытывалась Персефона у Танатоса, который терпеть его не мог.

- Ему землю пахать хочется.

- Я не хочу никого видеть и слышать, - только и твердил он, и это было похоже на правду.

Но не так просто было провести Персефону. Когда появилась Бризеида - царица, которую он так любил, все изменилось немного, они так обнимали друг друга, так радовались этой встрече и при ней дали клятву, что никогда больше ни на минуту не расстанутся.

В тот момент взор ее пал на славного Гектора, и она сразу заметила, что с ним не было его Андромахи. Вот уж точно новость. О ее верности всем уши прожужжали сочинители. Ни о чем не стала у него спрашивать повелительница, и искать ее не пошла, пусть все так и остается. Она давно убедилась в том, что в реальности не всегда все бывает так, как им того бы хотелось - жизнь капризная штука, а после смерти вдруг все в их судьбах меняется до неузнаваемости.

Но эти герои пожаловали сюда не по своей воле, а так нужно было, куда им после смерти еще деваться. Персефона еще раз увидела Гектора, когда тот привел к ним живого Одиссея. Он наткнулся на злейшего своего врага в одном из лабиринтов, и согласился его проводить прямо к Аиду, потому что был уверен, что туда ему и дорога, и таил надежду, что тот отсюда уже не выберется. Жаль, что Аид, как только взглянул на Одиссея, так и отрезал:

- Он нам здесь не нужен, будет души только мутить, зря ты его тащил, старался. Мы Сизифа кое-как утихомирили, а на этого уже никаких адских сил не хватит. Надо же чем-то и Посейдону заняться. Вот и пусть он его по морям по своим гоняет, да испытания разные устраивает, а мне и вас всех хватит. И единодушны они были в тот момент с Персефой, она всегда за троянцев

была, и никогда не простила бы Одиссею его коня деревянного. Так судьба Одиссей в подземном мире и определилась - не было ему туда дороги.

И только Эней из сонма героев последним появился у них, но тот всегда был на особенном положении, его предсказатели в новый мир отправили, он очень спешил, так, что толком все они его и рассмотреть-то не успели. Герои кончились. И можно было хоть немного передохнуть после то холодного, то горячего приема непрошенных гостей.

- И что они все к нему бегут, как угорелые, - спрашивал Зевс у Гермеса, который всегда знал больше остальных, - мне кажется, что подземный мир у нас медом намазан.

Он немного обижался из-за того, что на его Олимп они не особенно рвались, так только авантюристы, но чем мог их привлечь Аид.

А сам Аид в то время старался утешить загрустившую Персефону, которая гладила Адского пса, вспоминая о веселых и грустных минутах, с ними пережитых.

- Вот видишь, Цербер наш уже вернулся, и они вернуться назад, пусть не все, Одиссея мы к Посейдону отправили, но вернуться, ты еще намаешься, будешь просить, чтобы я их назад отправил, но тогда я ничего не смогу сделать, а пока отдохни хорошенько.

Из тьмы своей следила за ними Никта, ей определенно нравились новые боги все больше и больше.

ГЛАВА 20 ЖИТЬ, ПОТЕРЯВШИ ЦАРЯ

О том, как царица Электра решила отомстить за отца своего, и что из этого вышло.

Царица Микен Электра была по-настоящему прекрасна и очень юна. И только странная боль все время оставалась в ее юной душе. Десять лет она не видела отца своего, которого так любила. О как гордилась царица своим отцом, более славного воина и справедливого правителя никогда не знала она,

и не потому что больше никого не видела, она сталкивалась и с царем Спарты Менелаем, который был ее родным дядей, и хитроумный Одиссей, царь Итаки бывал у них, но разве хоть один может с отцом сравниться. Она гордилась тем, что была его дочерью, и готова была, не задумываясь, отдать за него свою жизнь. Ее мать не понимала этой странной любви, и она казалась ей опасной, тем более, она хорошо знала все недостатки своего мужа, и понимала, что когда их увидит и девочка, то пылу у нее поубавится.

И напрасно мать ее внушала девушке, что более страшного и кровожадного создания нет в этом мире. Юная царевна привыкла доверять только себе самой. Она видела его высокого, широкоплечего, такого красивого и справедливого.

Это чувство не исчезло, даже когда исчезла ее младшая сестра Ифигения, и на ее прямой вопрос матушка ответила, что та принесена в жертву богине Артемиде.

Электра не стала спрашивать о том, кто это сделал. Если бы отец этому воспротивился, то никто и никогда не посмел бы расправиться с девушкой, но она старалась не думать об этом странном происшествии, и скорее готова была не доверять матери своей, чем ему.

- Ты была там с ней, почему же ты ничего не сделала, или ты уже не царица? - спрашивала она.

- Он вероломно обманул меня, он уверял, что готов отдать ее в жены Ахиллу, потому мы и поспешили туда.

При упоминании имени Ахилла, девушка странно побледнела. Она хотела с самого начала стать его женой, и теперь, когда не было ее сестры, она хотела только одного, чтобы отец исполнил свое обещание, и она осталась навсегда с героем, второго такого больше не было в этом мире, и никто другой ей не было нужен.

Она не понимала, что между ними происходило, почему мать так люто ненавидела того, кто был ее мужем, и сделала ее царицей - самой могущественной и яркой в их мире. Она слышала, что связано это как-то с

тетушкой Еленой, которая заставила ее так долго разлучиться с отцом. И хотя та была дочерью самого Зевса, но люто ненавидела ее Электра, в чем-то они с матерью были похожи - от них исходила беда, угроза. Ведь именно из-за Елены она столько лет не видела отца своего.

Ей порой снилась Ифигения, она уверяла ее, что ничего страшного с ней не случилось. Но Электра и сама знала, что богиня и отец не могли причинить ей вреда, это глупые сказки ее матери, которая пыталась заставить ее ненавидеть того, кого она не могла не любить больше жизни самой.

- И война закончилась, - говорила она, - тебе недолго осталось ждать, только все беды тогда и начнутся.

Электра вслушивалась в ее слова. Они были так непонятны, так туманны, что от бессилия своего она готова была разрыдаться.

Отец вернется живым, она бы предупредила, что он погиб, и тогда из их дворца придется убраться дядюшке, который захватил тут все. Но она чувствовала и сама, что странная угроза исходит от матери. Та словно пыталась ей что-то сказать, но упорно молчала.

Вернувшись домой, она стала подглядывать и подслушивать. Она не могла оставаться в стороне, потому что ее брат был слишком юным, совсем ребенок. В тот момент царица злилась. Они о чем-то долго говорили с тем, кто называл себя нагло царем. Царь первым увидел девушку, и повернулся к ней. Он пытался с ней о чем-то договориться, но Электра только отпрянула от него.

- Я не хочу тебя слушать. Отец жив, он возвращается, тогда и посмотрим, что он с тобой сделает.

Ничего не сказал самозванец, он только еще внимательнее на нее смотрел.

- Ты не смеешь его защищать, - услышала она голос матери и порадовалась тому, что та злится - так она проявляла свое бессилие.

- Я не понимаю, - говорила она, - почему война и победителя ты предпочла этому проходимцу.

- Любой проходимец не так страшен, как твой воин и победитель, - отрезала та.

Она начинала злиться. Говорить с ней было бесполезно. Электра замолчала.

Орест внимательно следил за ними. Ему хотелось знать, что происходит между его матерью и сестрой, но ничего он тут никак понять не мог, и только волны ненависти очень больно ранили его юную душу. Его пугали обе женщины, но он невольно тянулся к своей сестре, потому что она никогда не была так холодна и жестока, она все время о нем заботилась и готова была защитить его.

- Ничего, - говорила ему Электра, - вот вернется отец, и все будет так, как было прежде.

- Говорят, что там погибло много людей, больше нет в живых Ахилла, что же это за победа такая?

- На войне всегда бывают жертвы, - говорила ему она и все время старалась оправдать отца.

Мальчик скорее верил ей, чем матери, он ее боялся и старался избегать, но он чувствовал, что правда была где-то совсем в другом месте, и до нее не так-то просто добраться.

№№№№№

- Корабли, они возвращаются, - услышала Электра его голос, и пошла на берег.

Она радовалась и рыдала одновременно. Как же долго пришлось их ждать. Это казалось невыносимым. Она бродила по берегу, словно неприкаянная, но страшные предчувствия теснились в ее душе.

Она боялась свою мать больше, чем отца. Ей снилась Ифигения, все в белом, далекая и несчастная. И она просила, чтобы та, защитила его, а не ее. Хотя ведь это ее мать вышла замуж за другого, таила ярость в душе своей. И тогда Электра спросила жрицу:

- Почему ты хочешь защитить его, ведь это он отдал тебя в жертву.

- С него за это и спросится, но мы не должны повторять такие поступки, потому что у нас еще вся жизнь впереди.

Ничего на это не ответила Электра. А корабли уже приближались к их владениям, и отец появился на борту главного из них. Тогда и стали прыгать усталые воины на берег. Она уже видела его, и Электра ликовала. Тревоги растворились сами собой.

Он шел по воде медленно, вглядываясь в силуэты своих подопечных вышедших встречать его.

Там не было царицы, и странно заволновался Агамемнон, с ней за это время могло что угодно случиться.

И он припал всем телом к земле своей, и благодарил богов за то, что они позволили ему вернуться.

Уже запылали костры - он распорядился возвестить мир о своем возвращении. И в той девушке, которая шла к нему навстречу, царь не мог узнать старшей своей дочери. И вдруг ему показалось, что это могла быть та, другая, которую ему пришлось отдать в свое время Артемиде. Но могла ли она вернуться.

- Ифигения, - прошептал он растерянно.

- Нет, отец, я, Электра. Разве тебе не известно, что Ифигении нет с нами. С тех самых пор, когда вы отправились на войну.

- Да, конечно. Я знаю это, просто странные мысли и видения лезут в голову. Я так устал, я так долго стремился сюда.

Ты дома, все кончилось, больше не случится ничего скверного с нами, больше не может случиться, повторяла она. А ему казалось, что его дети остались прежними, так часто он представлял себе, как возьмет ее на руки, и понесет в свой город.

Электра была странно задумчива, она решала не детскую проблему - сказать ли ему сейчас, что трон его занял брат его и вряд ли захочет так просто

уступить, или надо подождать пока он все увидит сам. Она набрала побольше воздуха в легкие и заговорила:

- Многое тут изменилось отец.

- Конечно, за эти годы многое изменилось вообще, погиб Ахилл и этого боги мне никогда не простят, да и много чего еще.

Когда она услышала о красавце Ахилле, то и забыла в тот же миг то, что хотела ему сказать, она видела его, стройного и такого красивого и хотела попросить отца, чтобы он помог ей стать его женой. Ведь она верила в то, что он может все, и герой рад будет именно ее взять в жены. Электра понятия не имела об их противостоянии, она так далека была оттого, что между царем и героем могло происходить.

Извести о гибели Ахилла заставило ее забыть обо всем. Агамемнон немного нахмурился, когда на пороге дворца увидел брата своего.

- А где твоя мать? - спросил он, повернувшись к дочери.

- Не знаю, но с ней ничего не случилось, не бойся.

- Хорошо, позаботься о Кассандре, я забрал ее с собой, потому что не мог оставить царевну в ее разрушенном мире, она знает судьбу каждого из нас.

- Но зачем нам знать судьбу, - возмутилась Электра, и ей стало по-настоящему страшно.

А незнакомая женщина невиданной красоты стояла уже рядом с ней и Электра всматривалась в ее черты. Она улыбнулась и попыталась что-то сказать, хотя и догадывалась, что та была возлюбленной ее отца. Но она готова была сделать все, о чем бы он ее не попросил. У него была над ней какая-то невероятная власть, и он знал это. Она была уверена, что царь прав, чтобы он не делал, и ему льстила такая уверенность дочери, он хотел получить от нее то, чего никогда не мог получить от своей жены. Но возможно дочь его будет более добра и терпима. Ведь его никто никогда не понимал, все только и пытались обвинить его во всем, в чем никогда он не был виноват.

Царица так и не появилась. Электра пошла рядом с Кассандрой. ТО, что сказал о ней отец, было страшно привлекательно. Она вспомнила, как какая-то из сказительниц, говорила, что она наказана за то, что отвергла любовь самого Аполлона.

- Ты видела Одиссея, - просила ее Электра, ей хотелось хоть что-то узнать о тех, кто был ей знаком и дорог.

- Не напоминай мне о нем, это он разрушил наш мир, когда украл статуэтки Афины из храма, удача нам изменила в тот момент.

Электра ничего не стала говорить, но она была уверена в том, что не Одиссей во всем повинен, а боги, и если ему что-то удалось, то только потому, что они были с ним заодно, но она ничего не стала говорить пленной жрице.

А Кассандра уже говорила о еще более грозном его обмане - деревянном коне, которого он подкинул им.

- И это стало гибелью для нашей Трои, - Электра никак не могла поверить ни одному ее слову.

- Стало, - говорила Кассандра, - мой отец был благороден и наивен, а в коне были воины, которые и ворвались к забывшимся Троянцам.

Электра из всех ее рассказов поняла главное - она пыталась найти виновников всех бед совсем не там, где они были на самом деле. Но ей не хотелось говорить о прошлом, она желала знать о том, что их может ждать здесь.

- Скажи мне лучше, как все будет дальше?- вырвалось у нее в тот момент.

- А ничего не будет, - говорила Кассандра.

И поразила ее словам Электра.

- Я понимаю, что не будет войны, но как мы все вместе будем жить, мне снилась сестра, и она просила беречь отца.

- Его никто больше не уберезет, и тебя никто не уберезет от бездны, но прежде, чем она убьет меня, а брат брата, я хочу видеть его гибель.

После этих слов Кассандра стала ее врагиней, она никогда не собиралась и слова говорить с той, которая проделала весь этот путь, чтобы увидеть смельца ее отца. Она просто сумасшедшая, если думает, что победителя, лучшего из царей кто-то может убить, но если такое случится, то сама Электра своими руками разорвет любого, кто пойдет на такое.

Передернулась девушка, и в тот момент, забыв обо всем, она бросилась к своему брату. Он больше, чем могучий и грозный отец нуждался в защите, она чувствовала свою ответственность за него.

Поверила ли она царевне? Трудно сказать, но она хотела только одного - спрятать Ореста надежнее, до того момента, пока она не будет знать о том, что все это только фантазии полоумной жрицы, которую беды совсем лишили разума. Иначе бы она не посмела отказать Аполлону, хотя, скорее всего, это были только странные сказки. Электра не верила в то, что божественный красавец мог посмотреть на такую, как Кассандра, и мог проявлять какие-то чувства к ней, она же была явно не в себе, и все казалось таким странным в этом мире. И никто не смог бы объяснить Электре, почему ее отец согласился взять ее с собой. Он, вероятно, тосковал о другой жрице, которую должен был вернуть своему отцу.

Когда Электра, надежно укрыв брата своего, вернулась во дворец, она застала картину пригодную для Аида. Они все были мертвы, и только новый царь, ее дядюшка, и мать стояли рядом и смотрели на дело рук своих. Она оттолкнула его и бросилась к ней, все еще не веря в то, что такое могло случиться.

- Что здесь происходит, скажи мне, что случилось, - допытывалась Электра, ее била дрожь, она не верила в то, что все они мертвы, казалось, что они разыграли страшную пьесу, сейчас поднимутся, и все будет по-прежнему.

- Где Орест? - просила ее мать, - найди мальчишку и приведи его ко мне

- Я не знаю где он, - спокойно говорила Электра, она понимала, что с этой минуты мать стала главным ее врагом навсегда.

Она шла между телами, и подошла к отцу. Он лежал в какой-то неестественной позе, и странно перекошено от ярости было лицо его. Словно бы он хотел обрушиться на обидчика, но не успел этого сделать.

Новый царь подошел к ней, и тогда она с такой силой оттолкнула его, что он пошатнулся, и забыл, что это была довольно слабая девушка. В ее глазах прочитал он собственную смерть, хотя ни за что бы в это не поверил.

№№№№№

Электра исчезла из дворца. Сколько они не пытались разыскать ее, но нигде не могли обнаружить. Тогда они просто жили, помня о случившемся, и не говорили о том, что произошло, когда домой вернулся победитель.

- Почему она так со мной поступила? - спрашивала царица, разве не он убил ее сестру, и всех, кто был близок и дорог, я не могла позволить ему остаться в живых, не могла.

Угрюмо молчал новый царь. Он уже и не знал, нужно ли ему это, стоит ли тут оставаться, или лучше подальше отправиться из этого мира, глаза царевны, в которых отразилась смерть сама, преследовали его, но что-то удерживало его на троне Микен. Он понимал, что очень легко от всего этого отказаться, но что с ним будет потом, как он сможет жить дальше, если вообще сможет, и сама власть была так упоительна. Даже если ему грозит беда, то это случится не нынче, он успеет что-то важное сделать, а там и помирать не так страшно будет.

№№№№№

В то время девушка стала взрослой женщиной, вырос и брат ее. Она ему в который раз рассказывала о том дне, когда с победой возвращался домой их отец. О том, как первый день стал последним его днем.

- А что было потом.

- Потом жрица предупредила меня о беде, я не поверила ей, но решила, что должна спрятать тебя, и когда вернулась, они были мертвы.

- Ты веришь в то, что это сделала наша мать?

- Я знаю, что это сделала она, он снится мне все время, а она спокойно живет и радуется, но так не должно быть, пока мы живы.

- Но она наша мать, - говорил юноша, в душе его вовсе не было такой уверенности, он плохо помнил матушку, и не верил в то, что она могла учинить расправу над отцом.

- НО тебя бы уже не было в живых, они бы не пощадили тебя, - убеждала его Электра, - разве ты не понимаешь, что ему нужен трон, а ты первый его соперник после отца. Если ты не расправься с ним, то он убьет тебя.

Странно было слышать такие речи из уст молодой женщины, но она не собиралась ему врать. Она все время чувствовала эту опасность.

№№№№№№

Они шагнули на землю родных Микен, и даже те, кто помнил мальчика, никогда не узнали бы его в стройном и очень красивом юноше. На могилу отца они пришли ночью - не должны они были выдать себя. С ними был Пилад - двоюродный брат и лучший друг. Они смотрели, как опустилась Электра перед ним:

- Мы вернулись, отец, я спасла твоего сына, и те, кто лишили тебя жизни, они за все заплатят. Они не могут оставаться спокойны.

- Иди во дворец, и скажи им о том, что ее сын Орест мертв, - потребовала Электра, - она полагала, что мать ее узнает, а этого ей хотелось меньше всего. И самое главное - он должен был убедиться в том, что их безумная мать - главный враг для него.

Он шагнул к царице. Какое странное чувство было в душе юноши, он меньше всего хотел, чтобы она узнала его. Он не хотел больше быть ее сыном, совсем не хотел, на каждом шагу убеждаясь в том, что Электра была права.

- Кто ты, чем ты хочешь поведать мне?- спросила царица.

Она и на самом деле не узнала своего сына. Она всегда была плохой матерью.

Она была страшно далека и утомлена.

- Меня просили передать тебе печальное известие о том, что твой сын и наследник Орест погиб, - глухо проговорил юноша, и в тот миг он считал себя мертвым, по крайней мере, для нее.

Как пристально он всматривался в ее глаза. И хотя стоял довольно далеко, но ничто не могло ускользнуть от него в тот момент.

Электра рассчитала все точно, он должен был сам увидеть, как она к этому отнесется.

- Это печальная весть, - говорила царица, - и хорошо, что ты мне сказал о том.

Она едва скрывала радость на лице своем. И он понял, что у нее нет сердца. Если бы она зарыдала, если бы она хоть что-то предприняла для того, чтобы выразить скорбь.

В тот момент он поверил словам сестры о том, что его давно бы уже не было в живых.

- Она чудовище, - думал он в те минуты, и никто не мог бы разубедить его в том.

Если бы царь не появился в тот момент, то неизвестно, как бы все было, но он стоял в дверях, и Электра была за его спиной. Она побоялась, что ее брат отступит, и должна была все сделать для того, чтобы покончить с тем, что мучило и томило ее так долго. Царица в тот момент и увидела свою дочь, и еще раз взглянула на юношу. Меч пронзил грудь царя.

- Орест погиб, - говорил юноша, повернувшись к царице, - но я обещал ему, что исполню его последнюю просьбу, и я не могу поступить по-другому.

Он бросился к царице. Она не узнала бы своего сына, если бы не увидела дочь прямо перед собой.

- Мы вернулись, мама, - говорила Электра, - ты и без того задержалась долго тут, тебя давно Аид дожидается.

- Ты не посмеешь. Остановись, несчастная, ты не можешь.

- Я так похожа на тебя, а если тебе удалось убить героя героев, то расправиться с тобой, не так уж и трудно.

- Остановись, ты будешь мучиться всю жизнь.

О ее ли муках беспокоилась царица или о своих собственных, как знать.

Больше ничего она не успела сказать, меч пронзил ее грудь.

Они увидели людей, уже собравшихся около дворца, но ничего так и не успели сказать - Эриннии налетели на них со всех сторон, словно дикие жуткие птицы.

И тогда он бросился к Аполлону, не зная, куда еще отправиться.

- Вы должны отправиться в Тавриду, - услышала Электра, когда замерла перед жертвенником, и привезите назад статую богини Артемиды.

Они уселись на корабль и отправились в путешествие.

- Зачем ты послал их ко мне?- спросила Артемида у брата своего.

- Они должны встретиться с твоей жрицей, все трое детей Агамемнона должны увидеть друг друга, со старым покончено, они так молоды и прекрасны.

Ничего на это не ответила богиня Охоты.

Электра могла, наконец, перевести дыхание. Отец не являлся больше к ней во сне, она не видела и матери своей, которая так исковеркала ее жизнь. Эта странная тень не решилась ее преследовать.

- Я не могла нести этот груз всю жизнь, - говорила она, - с этим надо покончить, я знаю, что сестра моя Ифигения не согласилась бы со мной, потому она и мертва, а я жива, и не собираюсь допускать несправедливости.

Впереди была Таврида, совсем другая жизнь, встречи и огорчения. Чего там только не было, и они радовались тому, что там происходило в те странные времена.

Царевна Микен Электра стала немного старше после всего пережитого, но она все еще была прекрасна и очень юна, и так много радости и печали было у нее впереди.

ГЛАВА 21 ДЕТИ ГЕРОЕВ

О превратностях судеб и тех лабиринтах, которые подстерегали детей героев, что с ними случилось и чего не случилось в этом мире.

Закончилась Троянская война, странно изменила она судьбы всего мира. Герои ее были выброшены из жизни на десять лет, да и потом судьбы их складывались по-разному, часто трагически по воле ли отцов, вопреки ли этой воле. И многие из них должны были еще позавидовать дочери вождя Ахейцев Агамемнона Ифигении, которая была принесена в жертву богине Артемиде еще до того, когда началась эта война.

А те, кто остался жив. Они подросли за эти годы и стали взрослыми. Но отцы затмили их навсегда. Мы едва различаем их слабые тени.

№№№№№

Это была одна из самых ярких историй любви в античности. Сын царя Агамемнона Орест, с самого детства души не чаял в дочери Елены и Менелая. И юная Гермiona любила этого отважного и очень красивого юношу. И царь царей поступил на этот раз великодушно, они были помолвлены с самого начала. И ничто не предвещало беды. Если бы не была похищена ее мать, а потом не началась война, то объединились бы они и были счастливы, и умерли в один день.

Но все переменилось после того, когда была похищена Елена. Девочка не просто осталась без матери, и чувствовала себя одинокой и потерянной, но она всей душой ощущала грядущую беду. По резким словам своей тети - могущественной царицы Клитемestры, она понимала, что мать ее, хотя ни в чем не виновата, но станет главной причиной бед, несчастий, смертей. Каково ей было в те дни. И только Орест, когда они оставались вдвоем, мог как-то утешить ее.

- Не печалься, мы любим друг друга, никакие цари и войны не смогут нас разлучить.

Как наивен и юн был он в те дни. И хорошо, что боги не слышали их, потому что не потерпела бы такой самоуверенности Афродита, да и не только она. Но не требовалось вмешательство Афродиты, чтобы все исковеркать и покалечить в их судьбах. Для этого достаточно было исчезновения Елены и начала Троянской войны.

№№№№№№

Они стояли на берегу, когда бесчисленные корабли отправлялись в Трою. Тогда и Ифигения цела и невредима была еще рядом с ними.

Орест невольно любовался своим отцом. Гермiona с тревогой думала о том, что многие из них не вернутся, и жизнь их может измениться внезапно. Хотя они оставались дома, и были так далеки от Трои, название которой слышали совсем недавно, но оно уже казалось им зловещей.

Когда появились гонцы, и приказали царице вместе с дочерью отправляться к Агамемнону, они снова переглянулись и прижались друг к другу.

- Она обещана в жены отважному Ахиллу, царь хочет, чтобы они породнились, и остались навсегда вместе.

Не удивило царицу то, что у Ахилла сын был ровесником их дочери, и время для свадьбы совсем не подходящее, она молча простилась с домочадцами и отправилась туда, куда ей было приказано. Девочка плакала, обнимая их всех по очереди, ее пугал легендарный герой, ей хотелось остаться дома. Но ее никто не о чем не спрашивал. Она еще не знала, что отец лукавил, Ахиллу не было до нее дела.

Но она еще не могла знать, что предназначена в жертву вовсе не этому таинственному типу, многого еще не знала в те дни Ифигения.

№№№№№№

Орест помнил тот день, когда вернулась мать. Она ничего не сказала им, но он слышал, как она говорила с кем-то в темной комнате о том, что

произошло там, почему корабли отправились в путь. Она яростно призывала богинь мести, чтобы они обрушились на голову отца, и всех, кто окажется рядом с ним.

Ему все услышанное казалось чудовищной сказкой. Но если это окажется правдой, а он уже успел узнать нрав своей матери, то еще неизвестно, что произойти может, одна беда влекла за собой другие. Об этом он и говорил с Гермией. Как странно оказались замешаны во всем этом их близкие, словно бы кто-то все спутал в единый жуткий клубок и не собирался распутывать.

- Что будет, когда они вернуться?- спросила она, обнимая его, и слушала, как шелестит море у ее ног.

- Я не могу знать этого, но чтобы не случилось, мы останемся вместе навсегда.

Орест, словно творил заклятие. Но что могли дети сделать против коварных и жестоких взрослых, ведших войну не только между мирами, но и в душах их не смолкали эти баталии, а жертвами всегда становились юные и невинные.

А потом они узнали о вероломстве, которое касалось их самих. До Гермией дошли слухи о том, что царь Менелай пообещал ее в жены сыну Ахилла Неоптолему.

Она порывисто взглянула на Ореста, когда дико захохотала царица.

- Эти двое стоят друг друга. Вы все будете принесены в жертву. Пока длится эта дикая война из-за распутницы, кому они еще вас пообещают, с кем захотят свести. Мне жаль тебя, детка, говорят, этот парень настоящее чудовище.

И в первый раз за все время Орест был на стороне своей матери. Он возненавидел бы сына Ахилла, даже если бы тот оказался самим Аполлоном.

№№№№№

Рожденный от нелюбимой царевны, в то время, когда по воле матери герой прятался на далеком острове, мальчик был заброшен и несчастен. Он

напрасно искал любви и понимания у отца, а потом, когда его увез этот хитрец Одиссей, и у матери своей. Она только проливала слезы по тому, кто в ярости и спешке забыл с ней проститься, и ходила на берег к Фетиде, которая и сама была несчастна и обманута много раз, и горевала, зная, что никогда больше не увидит своего сына милого.

Она радовалась тому, что успел родиться ее внук, но радовалась только до того момента, пока не увидела мальчика. Он был сильным и красивым, но более замкнутого и злобного создания не было в этом мире среди людей и богов. Она даже не стала спрашивать о судьбе его, потому что знала, что там все будет еще хуже, чем она могла себе представить. Потом, когда все совершится, но жить с этим заранее она не могла и не хотела. Ее жизнь и без того была сплошной мукой. Не стоило увеличивать число этих мук.

Ее сын не мог знать, что такое любовь и верность, потому что она с самого начала была разлучена с ним, и не могла ему этого объяснить.

Она закалила его в Стиксе, но в это могучее тело не проникла любовь. Да и остальные чувства были ему чужды, Так говорила она несчастной царевне, признавая свою вину.

Прометей, спасший когда-то людей, и из-за этого принявший адские муки, погубил ее, когда сообщил Зевсу страшную тайну - о том, что если тот изберет ее, то сын превзойдет отца.

И трудно сказать, что было страшнее, гнев Геры, если бы Прометей промолчал, и ее расправа, или то, что случилось после того, когда тайна была раскрыта, а она отдана в жены простому смертному.

И после всех бед и страданий, на их свадьбе появилось то самое яблоко раздора, которое подбросила им обиженная богиня. Так все начиналось, невинные дети расплачивались за ошибки и обиды отцов и богов, и на долю их внуков тоже всего еще горького и страшного хватит.

№№№№№

А молодые влюбленные терялись в догадках.

- Я попрошу отца, - пылко говорил Орест, - он давал слово, он не может так с нами поступить.

Она только улыбнулась грустно, почти отрешенно.

- Не делай этого, у него с Ахиллом всегда были сложные отношения, будет только хуже. Давай подождем, возможно, война все расставит по своим местам.

Он хорошо знал свою любимую и догадывался, о чем она думала, только на мир смотрел более угрюмо. Ему казалось, что война только уничтожала все и никому не помогала. Если даже сын Ахилла и отправиться на войну, то боги сделают все для того, чтобы он выжил. В том не было никакого сомнения.

Она рыдала. Орест старался успокоить ее, но не находил слов. Он понимал, что все они полностью зависят от сильных мира сего, а тем не было дела до чувств. Они жили по другим законам и были суровы и нетерпимы ко всему миру, и к собственным детям.

- Мы пока вместе, и мы должны радоваться каждой минуте, - говорила вдруг повзрослевшая дочь Елены и внучка Зевса самого Гермiona.

И ее возлюбленный старался радоваться, хотя у него это не особенно хорошо получалось.

И они радовались пока. Война подарила им тогда не так уж и мало времени, как выяснилось позднее, и все-таки это была только капля в море.

№№№№№№№№

Когда был убит Ахилл, юноша отправился на место отца своего, в Трою. И хотя он не любил его вовсе и не признавал, но ему хотелось во всем превзойти героя. Он не просто решил доказать и ахейцам и троянцам, что он его сын, но и лучший из сыновей.

Никто не спорил с тем, что отваге его не было предела. НО он все время озирался на небеса, уверенный, что именно там отец его и находится, и хотел показать, каким беспощадным он будет ко всем.

Насилие над троянскими пленницами и воинами стало для него забавой, игрой. И боги содрогались от такой жестокости.

Но он ворвался в охваченный огнем дворец царя Приама, когда Одиссею удалась шутка с деревянным конем, и, разбросав всех, сначала обрушился на старика, потом на Андромаху, насилуя и издеваясь над вдовой поверженного героя. Когда Елена вышла к нему навстречу, он готов был броситься и на нее, потому что ему не было дела даже до того, что она дочь самого Зевса, но еще до Зевса его остановил Агамемнон, отшвырнув в сторону.

- Вот уж точно, сын превзойдет отца своего, - яростно воскликнул царь.

И он не посмел против него идти.

- И его ты пообещал нашей дочери в мужья?- тихо спросила Елена у Менелая.

- Я обещал, и не могу нарушить своего слова,- только и отвечал он.

- Тогда лучше было ее тоже принести в жертву, - невольно вырвалось у нее.

Она не могла забыть жестокости того, кто погубил свою дочь, а потом и разрушил этот мир.

Она оглянулась на Агамемнона, он слышал ее слова, но ничего на это не ответил, да и что посреди крови, разгрома можно было сказать.

Они все смотрели на растерзанное тело царя Трои и ничего не говорили.

№№№№№

И после войны одна беда следовала за другой. В то время как корабль Менелая разбился у берегов Египта, а ахейский царь был убит в собственном дворце сразу же, как только вернулся домой. В то время Электра, узнавшая от Кассандры, что должно было случиться, успела спрятать Ореста, любимая дочь героя готовила оружие мести против вероломства собственной матери. А Неоптолем уже отправился в Спарту, за обещанной ему невестой. Ему не нужна была девушка, которую он никогда не видел, и видеть особенно не желал, но ему нужна была Спарта, и он решил исполнить свой долг, и все

решить еще до того, как царь и ненавистная Елена вернутся из своего затянувшегося путешествия.

И заметалась в ужасе и ярости Гермiona. Она понимала, что не стоит больше ждать чуда. Она станет женой недостойного сына, достойного отца - так уже называли ее жениха. И не зная, что делать, одинокая и растерянная, она бросилась в храм Аполлона.

Знала ли она о сложных отношениях Ахилла, и его сына с этим богом или просто храм оказался на пути у нее, как знать, только в том ее спасение и оказалось.

Неоптолем бросился за ней. Его никто не мог остановить, и красавец бог, которого он победил, потому что тот защищал троянцев - особенно. Но в этом-то безумец и просчитался. Колонна неожиданно обрушилась на него в том самом храме, не задев царевну, и раздавила его в лепешку. От него просто ничего не осталось. Сам ли Аполлон решил отомстить ему за прошлое, или Зевс настиг его, но такое было уже не раз, и был он раздавлен.

И плакала и смеялась царевна, видя, что произошло, она была свободна. Только ни матери любимой, ни Ореста рядом не было. Она оставалась во дворце своей тетушки ждать их возвращения, и грозная тень убитого царя все время пугала и преследовала ее.

№№№№№№№№

Она помнила тот день, когда появился Орест. Но она увидела его уже после того, когда была убита царица. Он взглянул на нее, на ходу обнимая свою любимую, и сказал ей о том, что они должны отправиться в далекую Колхиду, чтобы очиститься от крови.

- Я не могу настаивать на том, чтобы ты ехала с нами, ты ни в чем не виновата.

- Ты хочешь бросить меня здесь, среди трупов, или там, где мой отец отдаст меня в жены кому угодно. Но разве ты забыл наши клятвы, ты уверял меня, что мы всегда, до конца будем вместе.

- Это говорил царевич, а не изгнанник, но я не о чем не жалею, - говорил Орест.

- Я хочу быть с тобой, где бы ты ни был, - пылко заявила она

- Он скажет, что я похитил тебя, - вспомнил Орест о дядюшке своем.

- Но ты похитил меня давно, в самом начале, и если даже этого зверя убрали с нашего пути, то я и должна быть похищенной, - спокойно говорила Гермiona.

№№№№№

Фетида вошла в храм Аполлона, хотя и понимала, что тот не особенно хотел ее видеть.

- Отдай мне тело моего внука, - обратилась она к богу, возможно, он во всем виноват, но не он придумал эту войну, и он должен быть похоронен, как и все в этом мире.

- Забирай, ему не стоило оставаться и жить, и уж этой славной девушки, ни в чем не виноватой, он никак не мог достаться.

- Ты отдал эту славную девушку, тому, кто убил собственную мать, - упрекнула его Фетида.

- Да, потому что тот еще успеет очиститься и вернуться в мир. Твоего внука и могила не исправит, пусть он отправляется к отцу своему, им есть, о чем поговорить.

Она прекрасно знала, что не стоит ждать сочувствия от Аполлона, и только горестно усмехнулась, забирая его изуродованное тело.

Война продолжалась, хотя уже пала Троя, но люди и тени, и дети героев продолжали воевать, выясняя запутанные отношения.

Она видела, как эти двое - Орест и Гермiona - соединились в его храме. Они были усталы и немного измучены, но вполне счастливы в те минуты.

Им предстояло еще многое пережить в Колхиде, и столкнуться там с Жрицей Артемиды, которая и была когда-то принесенной в жертву сестрой Ореста. Именно она поможет им избежать смерти. Потому что по приказу

царя все пришельцы должны были быть принесены в жертву, но она узнает его, и узнает о том, что случилось в их мире после того, когда закончилась война. До далекой Колхиды не доходили рассказы о ней, и только Электра, обнимая ее (а она тоже отправилась в это путешествие), расскажет ей о том, что произошло с ними после того, как она исчезла из их мира навсегда.

Дети героев, невинные жертвы и страдальцы, но они были в те дни еще такими юными. Они должны были пережить все эти бури и оставаться в своем мире, у них еще было время для того, чтобы любить и страдать и что-то сделать для мира, а не для войны, которую когда-то развязали их отцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Когда ты столкнулся с Медеей, внезапно в начале пути
То женщины все не посмели б, с тобою на ложе взойти.
И он то смеясь, то итожа, ту странную дивную ночь,
Забывать до конца он не сможет. Медея. Уносится прочь.

Миноса дочь роковая, и плачет Елена во мгле,
Во тьме Персефона вздыхает, а призрак живет на земле
Той первой, не справиться с нею, страдает последний герой
И гневно взирает Медея, и вечно она над тобой,

О призрак любви запоздалой, о, чувств и событий мираж.
И снова она увлекала, во тьму, и когда ты воздашь
Колдунье сполна, счет потерям ужасен, смеется Тезей
И в пропасть летит за Медеей, за женщиной первой своей.

Вот и закончилось наше повествование, античная мозаика, где переплелись судьбы, жизни и смерти наших героев, она могла бы выглядеть совсем по-другому, если бы мы взглянули на нее под другим углом зрения. Она все время меняется, в зависимости от того, кто и как на нее может взглянуть и что хочет там увидеть и разглядеть.

Даже на картине художников все меняется, а здесь, где они такие разные, яркие е и живые, тем более. Они жили, любили, старели и умирали, но они сумели остаться в веках и шагнуть в наш мир.

И глядясь в картины и скульптуры несравненной красоты, вчитываясь в повествования, мы пытаемся разглядеть и понять, то, что таит от нас за далью веков седая и вечно юная античность. Она наше прошлое, но и будущее наше, это тоже она, мы радуемся этому открытию, и гордимся им. И снова заглядываем в мире от Персея до Тезея, и остаемся навсегда в этом мире.

МЕДЕЯ И ЯЗОН ТАЙНЫ ЛАБИРИНТА

1

Прекрасна залитая солнцем Колхида,
Там девы чудесны и грозны цари.
Но что это вдруг? Зазвучит панихида...
О темном коварстве и светлой любви,
Слагаются дивные вечные песни.
И где-то в тумане все слушает царь,
О том, как погибнет и снова воскреснет
Прекрасная дева, вещать не устанут.

Внезапно волшебница в этом тумане,
Заметит с усмешкой богиню любви,
И тонет. И тонет она в океане,
Страстей, только Гелиос светит вдали.
А где же Медея, куда твою внучку
Уносит во тьме золотистый дракон?
И дивно поют о любви и разлуке
Прекрасные барды далеких времен.

2.

Эрида была нетерпима и зла,
Когда к Афродите внезапно пришла,
- Ты снова с Язоном, зачем тебе он?

Печальная песня грядущих времен.
- Он мил и отчаян, грядущий герой,
Руно золотое мне снится порой,
И я награжу им, поверь мне, царя.
Эрида вздохнула, - пришла она зря.
Сам Зевс с Афродитой не сладит порой,
- Ну что ж, ты увидишь, какой он герой.
Плечом повела и капризно молчит.
Эрида страшна, скучен мир без Эрид.
И вот уж корабль для героя готов.
И он подчинился богине без слов.

3.

Цирцея с Ээтом в ту пору была,
Но брата утешить она не смогла.
- Придут испытанья, мой брат дорогой,
Я видела сон, больше Зевс не с тобой.
- Но разве не с нами наш звездный отец?
- Он слишком далек, и печали венец
Подарят упрямые боги опять.
И сыну Титана едва ль устоять.
И гневно на солнце взирает Ээт
Что в жизни случится, но сил уже нет.
- Я с нашей Медеей спокойна была,
Пока Афродита сюда не пришла..
- Богиня любви? Ты о ней говоришь?
Она перед нею едва ль устоит.

4.

Но если б Эрида не спорила с ней,
Мы б все становились нежней и сильней.
Богиня раздора свой гнев не скрывала,
Когда об Язоне Афро ворковала.
-Язон, кто такой? – Я не знаю пока
Но жди для Медеи своей жениха.
Он явится скоро, о брат, мне поверь,
И не было в мире страшнее потерь,
Чем этот нелепый и горький союз.
- Но как избежать? – Я судить не берусь.
- Так значит, повержен Титан здесь опять?
И боги готовы опять пировать?
Молчала Цирцея, и что ей сказать,
Царь будет сражаться с богами опять.

5.

В печали и неге бродила она.
А в милой Колхиде бурлила весна,
Сам Гелиос снова обнимает с небес,
Ей будут покорны и небо и лес,
Лишь море готово беду подарить
Душа, словно чайка над бездной парит,
Там тетушка где-то колдует вдали,
Медея живет в ореоле любви.
Когда Афродита заглянет тайком,
В Колхиду, любуясь драконом, руном.
За этой вещицей сюда устремясь,
И хан иноземный, и царь наш, и князь,
Могли б о подарке чудесном мечтать,
Да только руна никому не видать.

6.

Лишь дерзкий юнец с Афродитой своей
Собрал аргонавтов, идет все быстрее,
Спокойно взирает во мгле Посейдон,
На эту забаву грядущих времен,
Он все позволял Афродите своей,
Язон покорила все просторы морей.
И бродит устало Медея без сна
И грустною думой томится она.
Волшебнице небо покорно и лес,
Но грозное море – шкатулка чудес.
Раскрыть – о появятся чудища вновь,
Ей море подарит Язона любовь.
Она на скале в это утро была,
А даль так туманна, душа так светла.

7.

Но хмурился Гелиос в небе в тот час,
- Несет Афродита погибель для нас.
- Да разве же Ээта юнец страшит?
- Любого сразит он, лишенный души.
Его ослепило однажды руно
И всех он погубит, мальчишка шальной.
И снова умчался в туман Посейдон,
Немного виновен и вечно влюблен.
От всех Афродиту готов защищать,
Во мгле на Язона он сморит опять.

- Ну что же красавец, могуч и силен,
Но звезд не хватает на небе Язон,
Медее бы лучше сгодился жених,-
Властитель морей загрустил лишь на миг.
8.

Как царский дворец и огромен и нем.
- Зачем ты явился, Язон, о, зачем,
- Подарит мне власть золотое руно, -
Твердил он, от страсти немой и хмельной.
Да только губительна голая страсть,
Она безрассудна, как дикая власть.
И грозно шипит золотистый дракон.
Но воины снова спешат за руном.
И вот пред царем он стоит в тишине:
- Но если явился сегодня ко мне,
То должен ты поле вспахать, а потом,
Взрасти и сразишься с незримым полком,
А после невесту себе раздобыть,
Чтоб в мире безжалостном гордо царить.
9.

И лишь усмехнулся суровый Ээт,
- Быть может, отступишь? Язон ему:- Нет,
Я столько прошел, и теперь отступать?
И поле он начал уже засеять
Зубами драконов отчаян и нем.
Измаялся бедный царевич совсем.
И молча взирала из башни Медея,
От страсти нахлынувшей вдруг холодея.
Забыла про дом и не помнит отца,
С Язоном остаться решит до конца.
Богиня исполнит наказы царя,
Старается Ээт испытать его зря.
Беда угрожает герою опять.
Он должен погибнуть, коварен наш царь
10.

Но кто б с золотым вдруг расстался руном,
Гуляет Язон там от страсти хмельной,
Сама Афродита Медеею вдруг
Предстала, дракон засыпает от рук,
От ласк ее нежных, навеки пленен,
В объятьях богини затихнет дракон.

- Руно забирай, да и дочь прихвати,-
Богиня герою из мрака кричит, -
Я вас догоню. И послушен ей он,
Язон с золотым уносился руном.
О, как же Медея тревожно спала,
Но сладить с богиней любви не могла.
И где-то Цирцея молчала вдали.
Ей тоже хотелось тепла и любви.

11.

Лишь в море открытом очнулась она,
Медея тогда поняла – пленена.
Язон и Руно. Не простит ей отец.
А ей Афродита готовит венец,
Ну что же, до тетушки ближе теперь,
Душа исстрадалась от бед и потерь.
Но как объяснить деду, ей и отцу.
Язон же в объятьях, дриады несут
Любимцу богини такие дары.
Медея молчит в тишине до поры.
- Как страшно коварство богини любви.
И даже Эрида растает вдали,
Помедлив немного, она не смогла,
Медею спасти, так коварна и зла

12.

У нас Афродита, - Цирцея твердит,
И скроется где-то в пучине обид.
В печали Цирцея племянницу ждет.
К ней нынче Медея с Язоном придет.
И знавшая тайны коварных богинь,
Она в эту бездну печально глядит.
-О, тетушка, что же нас ждет впереди?
- Не знаю , дитя, этот путь ты пройди.
Отца задержу, только там, за чертой,
Держись, лишь Аид там пребудет с тобой,
А Зевс с Посейдоном теперь далеки,
Им проще с Язоном, себя береги.
И долго махала волшебница вслед,
Ведь это начало грядущих всех бед.

13.

Цирцея к Аиду устало спешит.

И зря говорят, будто он без души.
В свою Персефону навеки влюблен,
Не то, что наш Зевс или злой Посейдон
- О, грозный правитель, - она говорит.
Смотри, что Эрида в тумане творит.
Легко с Афродитой сцепилась она.
И таит Медея в безумных волнах.
Ты сможешь ее от кошмара спасти.
Прости, что угодно, ее защити.
И лишь усмехнулся устало Аид,
Когда Персефона ему говорит:
- Я знаю, как пусто ей в мире чужом,
И знаю, не любит Медею Язон.

14.

Иначе б Цирцея сюда не пришла,
Какой же жестокой Афро с ней была,
Но если б Эрида забыла о них,
Все скверно: богиня раздора, жених,
Спаси ее, милый, упрямя Посейдон,
Не хватит ей силы, коварство кругом.
Вот так же когда-то весь мир ополчился,
Когда ты со мною в свой мир возвратился,
И матушка даже принять не могла,
А я ведь богиней, не девой была.
Медея становится верной женой,
Язон вновь бесстрастен глухой и чужой.
Он к милой царевне, забыв обо всем,
Все рвется в порыве безумном своем.

Мифоложка 2 Лабиринт ошибок

1.

Царь тело наследника вдруг получил,
На трон опустился Ээт наш без сил,
- Скажи мне, что было там с ними потом,
Будь проклят коварный, безумный Язон,
- Он зять твой, ты дочь проклинаешь шутя? -
Спросила Эрида: - Не рады гостям?
Когда над Колхидой стущается тьма...
- Медея свой путь выбирала сама.
- Не льсти, мой владыка, богиня любви
Ему помогала. Тревоги твои

И беды тебе принесла Афродита,
Медея похищена, сын твой убитый,
Руно у Язон, бессилен Дракон,
Все беды свалились, и ты побежден.

2.

И снится Медее Колхида родная,
И вольные степи, конца им и края,
Не будет, и странно вздыхает она,
Тоской этой дикой Медея пьяна.
- О, тетушка, что же мне делать теперь?
Как жить на чужбине средь бед и смертей?
- И это пройдет, только ты не грусти.
К тебе твой дракон золотистый летит.
Я вижу, как дивно-прекрасен дракон.
Но что ты грустишь? – Это видно Язон,
Готовит опять нам беду за бедой.
- Ее не зови, о, Медея, стой!
Но как успокоиться, если в глуши,
Лишь волком глядит он, лишенный души.

3

И хочется снова Медее домой,
Рыдает она без Колхиды родной.
И видит во сне, как царевна мила,
И с ней откровенна богиня была.
- Любовница ты, но не станешь женой,
Язон предназначен судьбой для другой
Он станет царем, ты помеха теперь.
Перечить не смей, избежишь ли потерь?
А если ты любишь, смирись и оставь,
Дай царствовать, ты не царица, он – царь.
Царем он Карифа в бессмертье уйдет.
Оставь его, Главка царевича ждет.
Она обмерла, не могла говорить,
Богиню ль Медее за это корить?

4.

- Ну вот и прекрасно, о будь же мудра.
Эрида взывает: - Отмстить нам пора,
Ты это потерпишь, Медея, опять?
Увидишь, как с Главкой он будет стоять
Пред богом, оставив тебя навсегда?
Но я не оставлю царя никогда.

Молчала Медея, к Эриде прильнув,
Она не посмеет забыть ту весну,
Она Афродите готова перечить.
Милы ей Эриды опасные речи,
А та приготовит и плащ, и венец.
- Проснись же, Медея моя, наконец.
Пусть всем неповадно любовь предавать,
И ненависть тоже способна пылать.
5.

Молчать, отпустить и вернуться к отцу,
Потом посмотри, как идут там к венцу,
И тот, кто твой мир разорил, он опять
С царевной готов до зари пировать.
- Медея, - взывает влюбленный Язон,-
Меня отпусти, я влюблен, я пленен,
О прошлом забудь и оставь нас теперь.
А я одарю здесь по-царски детей,
Тебя не забудет любимый твой царь.
Но ты не перечь, нас с царевной оставь.
- Конечно, мой милый, о чем разговор?
Земля тебе пухом, - и пламенный взор
Смущенный Язон больше медлить не мог.
К царевне бежит, да простит его бог.
6.

А что же Медея так странно бледна,
Зачем она нынче с Эридой дружна?
Готовит им дар, об обидах забыв,
И праздник, он будет по-царски красив.
Язон ошалел, он не верит, но ждет,
Когда же царевна в объятья придет,
- Венец золотой, от кого этот дар?
Эриде для Главки подарка не жаль.
Царевна примерила сразу венец,
Ну, вот и герой с ней теперь наконец.
Но что это? Пламя ее охватило,
И дикая боль гибкий стан пепелила,
Смеется Эрида, Медея молчит,
Пусть царь свою дочь от беды защитит?
7

- Останешься жив, о проклятый Язон,-
Эрида смеется, сжимается он.

От боли и страха бежит в никуда.
Аид усмехнулся: - С Язоном беда.
Молчит Афродита – с Эридой не спорит.
- Язона постигло извечное горе,
Но я ей впервые не стану мешать.
- Ни дна, ни покрывки тебе, о наш царь.
Богини закончили яростный спор,
А что остается, кошмар и позор.
Никто в целом свете его не поймет.
И снова куда-то, забывшись, бредет.
Хрипит, что во всем виновата Медея,
Меж жизнью и смертью висит, холодея.
8.

Дракон уносил ее снова куда-то,
В Афины пришла чародейка крылатая
И видит – Эгей ею вечно пленен.
Медее так верит в отчаянье он.
Она с ним спокойна и даже мила,
Надежду на молодость снова дала.
И к жизни второй возродиться готов,
Эрида смеется: - И будет любовь.
Не этот старик, я героя найду
И к милой Медее его приведу.
Мне будет служить, проиграв, Афродита,
И сын Посейдона готовится к битве.
- Герой, - усмехнулась устало Медея,
- Все будет, ты жди, дорогая, Тезея.

9.
Медея в Афинах прекрасных царит.
И ждет вдохновенно она до зари,
Но только не верит Медея в добро,
И в грозный свой час, то красиво, то зло,
Все видит те страстные, дивные сны.
- С Тезеем иначе поступим здесь мы.
Ты будешь все время в тиши ускользать,
Он будет стремиться, надеяться, ждать.
Едва обнимать, терять и манить.
Медея, позволь лишь страдать и любить,
Цирцея с Эридой не спорит опять.
И ей Одиссея в тумане встречать.
Но счастье, оно мимолетно, увы.
Царица сильна, если чувства мертвы.

10.

Отрава страстей посильнее иной,
И старый Эгей сына ждет и покой
С любимой Медеей решил обрести,
Но вот и герой уже вроде в пути.
Медея, на глади прозрачной воды
Чарует Тезея за миг до беды
Эрида с усмешкой отметит: - Он твой,
Но делай, как надо, не спорь же со мной.
- Отравлен, - Афина твердит Афродите,-
И как ты могла уступить их Эриде.
- Хочу посмотреть, что же сможет она.
Тезей покорен, он скользит по волнам,
И с женщиной первой, от страсти сгорая,
Понять он желает, но кто же такая?

11.

Царица, богиня, волшебница, страсть.
Он знает Медеи безумную власть,
И что ему царства, и что ему мир,
Медея всевластна сегодня над ним.
И зла не скрывает теперь Афродита,
Пусть страсть торжествует, любовь позабыта,
Но хочет узнать, что же будет потом,
Медея сегодня играет с огнем.
Ее забавляет веселая власть,
Его покоряет безумная страсть
И все остальные в пылу роковом,
Уйдут незаметно, оставят потом.
И в том лабиринте тревог и страстей
Мечтает Тезей о Медее своей.

ЧАСТЬ 2 ГЕРОМЕС, ГЕРОИ И ЦАРИ

1.

Нам бы миф пора вернуть,
Да в реальность в этот час,
За Гермесом в путь шагнуть.
Пусть ведет он смело нас.
В мир, где встретит нас Пегас,
И к Медее довезет.
Что случилось там? Как раз
К ней сейчас Тезей придет.

Где-то Посейдон грозит,
Что героя не отдаст.
Только пыл он свой смирит.
Все здесь сходится у нас.
Пусть у всех дорога в Рим
Будет трудная вести.
Мы шагаем на Олимп,
Чтобы время провести
В лабиринте дум и грез,
Где они еще сражались.
Было это все всерьез.
Смех и грусть, любовь и жалость.

Мифосказ 2

Тезей приходит в Афины. Царица Медея.

Когда цари в глуши грешили,
И с кем-то спали, с кем-то жили,
То всякое могло случиться,
Такое может приключиться.
И чтоб узнать в прохожем сына,
Царь оставлял там грозный меч,
Ушел, раскланявшись картинно
Осталась дева сон беречь.

И в час назначенный явился
Наследник, говорят Тезей,
И странно доли удивился,
И спросит о судьбе своей
- А кто отец? А мать молчала,

Грустила, случая ждала.
- Иди в пещеру и сначала
Добудь тот меч. Там холод мгла

2.

И он в пещеру деловито
Явился средь своих друзей,
И жрец еще смотрел сердито:
- Скажи мне имя. – Я Тезей.
- Бери же меч. И он хватает
И меч покорен в первый раз
- Что это значит? Вырастает
Афинский царь здесь среди нас

К нему с почтением и страстью
Все обратились в этот час.
Он наделен особой властью.
Живет царевич среди нас.
И только мать его тоскует.
Она совсем не хочет знать,
Что выбрала судьбу такую
Для сына, только вспоминает
Как в час суровый на закате
Пришел к ней радостный Гермес;
- Молчишь, скучать я вижу, хватит
Пришел твоей тоске конец.
3.

И вот теперь куда-то надо
Его до срока провожать.
Афины – страшная награда
Когда он к ней придет опять?
Но только усмехнулся отрок.
- Я Посейдона гордый сын,
И здесь остаться неохота.
- Пойдешь туда? - Пойду один.

И он ушел, луна белела
Была пленительная ночь.
Дриада о печали пела,
Но торопливо шел он прочь.
За ним следила Амфитрита.
Пыталась разглядеть во мгле
Порой лукаво и сердито
Сын Посейдона на земле.

4.

В Афинах шумное гулянье,
Царица дивная мила...
Медея все таит признание -
Она царицей стать смогла.
И пусть он стар и так печален,
Во всем подвластен ей Эгей,
Она других не замечает.
Но что там вдруг? - Пришел Тезей.

И вздрогнет - это так опасно,
Принес его, наверно, Зевс.
И что же, снова все напрасно.
- Не может быть, чтоб он исчез.
Но где-то в тишине за гранью
В печали ждет она одна
Того, угрозу мирозданию.
Медея в ярости бледна.

5.

Отрава страшная готова,
Но Афродита не спала.
Волшебница влюбилась снова -
Медея влюбчива была.
И кубок падает в пустыне,
И где-то в суете дорог
Она и он – они отныне
Едины, разлучить не мог
Никто Медею и Тезея,
И сколько б дев и сколько б жен
Не шли за ним в туман, не смея
Перечить, дерзок и смущен
Пред нею, словно бы мальчишка,
Тезей все ждет свиданья с ней
И страшной тучею нависла
Медея средь других царей.

6.

Она порою уходила
И возвращалась в этот час.
Она порой была строптива,
Порой покорна - веры глас

И ярости ее прозренье:
Все было в ней, и только с ним
Летит Медея легкой тенью
И шепчет: - Вместе мы сгорим.

А что царевич - смел и дерзок
Тот Посейдона дивный сын.
-Что это было? Только Детство
Когда впервые ночи с ним,
Она проводит на закате
Забыв и царство и царя.
Но страсть утихла, воли хватит
Уйти во мрак, забыть тебя.

7.

И царь зовет его мертвея,
О Миносе опять твердит.
И здесь бессильная Медея
О страшной доле говорит.
- Там, в лабиринте бык ужасный
Он ждет все юности цветы
- О чем ты снова?- Очень страшно
-Медея, разве это ты?
И вот она уже в тумане
Готова отомстить царю.
Но судно где-то в океане
И долю горькую свою
Сын Посейдона не отринет.
- Вернусь, когда останусь жив.
-Вернешься,- свет луны над ними
Медея, радость ты и жизнь.

8.

Она уже слова такие
Слыхала, только в этот раз
Тезей Медею не покинет,
Не об Язоне этот сказ.
Он предал и за все заплатит,
Лишенный радости и сил.
Но прошлое, о нем нам хватит
Здесь говорить. Тезей красив.
- Прощай, - Медея отвечала,
И страстью огненной горя
Она в тумане провожала

Царевича, назад царя
Вернет, встречая Чародея
И будет в чистом поле вновь.
Любить прекрасного Тезея
Укрой их - чаровница ночь.

9 Песня Медеи

Пленники любви, творцы иллюзий,
Грешники, живущие в раю.
Словно тени – остальные люди.
Я люблю, и значит я парю.
Над простором, листьями увитым,
Это страстью безрассудной сжатом,
Пленники трагедий и открытий,
Мы любимы, значит, мы крылаты.

Знаю состояние полета,
Торжество над серостью угрюмой,
Помню: нам за дерзость воздается,
Только ты летай, люби, не думай.
Пусть они с земли на нас взирают,
С раздраженьем, яростью, усмешкой,
Ведь они, мой ангел, не узнают.
Отойдут от пропасти замешкают.
10

А любовь рванет в такие дали,
Что уже вовек не дотянуться,
Вот и ходит женщина печальная,
Кто же ей поможет улыбнуться?
Пленники любви, творцы фантазий,
Дерзкие создатели мечты,
Мы в полете, с нами им не сладить,
Нет, мы не боимся высоты.

А когда и сил уже не хватит,
И печаль окажется сильнее,
Кто-то в небесах меня подхватит,
И удержит, и шепнет : - Не смей.
И тогда, на эту пропасть глядя,
И не видя тех, кто на земле,
Вырвавшись из пустоты и ада,
Ты прильнешь отчаянно ко мне.

Два крыла - прекрасно, но четыре -
Это то, о чем они мечтали.
Как же мы влюбленные парили
В небесах, и устали не знали.
Словно тени – остальные люди.
Я люблю, и значит я парю.
Пленники любви, творцы иллюзий,
Грешники, живущие в раю

Мифоложка 3. На острове царя Миноса

Царь быка отдать забыл,
Перепутал царь скотину,
И другой в свой путь поплыл,
Остров Миноса покинув,
Посейдон узрел вдали,
- Что за жертва, Зевс мой, право,
Как могли шутить цари,
Да еще смотреть лукаво.
Шутка ли и то сказать,
Не сойдет ему такое.
Грозный Минос, что же ждать
Вам с любимой женою.

3.
Родила царица в ночь.
Что за чудище, о боже!
Царь бежит, ругаясь, прочь,
На кого же он похожий?
Воют бабки в этот час,
Как его боятся гнева,
В сердце Ариадны страсть,
А у Федры сердце немо.

Только этот дикий зверь
Всех сожрет, куда деваться.
Тут Дедал стучится в дверь,
Чтоб на острове остаться.
Царь, чужак тебя спасет.
Грозный Минос – это ясно,
Лабиринт изобретет,

И гнечишься ты напрасно.

4.

Пусть там бродит грозный сын,
Ждет расправы и добычи.
В эти лунные часы
Твой позор там кто отыщет?
А найдет погибель там,
В этом тайна лабиринта
И шагает по пятам
Ариадна с тонкой нитью.
Все она поймет в тот час,
Пусть проложит им к спасенью.

Будет лабиринт у нас.
И Тезей вернется тенью
Легкой в этот мир скользнет,
Все поймет и все узнает.
Только деве воздается
За коварство, наступает
Там расплата в этот миг
И давно забыв о доме
Там цареvна все стоит,
О своей печалысь доле.

5.

Кто ее схватил во тьме?
И так жарко обнимает?
Дева белая, как снег,
Вестника легко узнает.
Что же будет с ней теперь?
И отец простит едва ли.
Все спокойно, без затей.
Ты должница, он в печали.
Дионису суждена
Любопытная цареvна
Но другого ждет она.
И придет Тезей наверно.

Но с Гермесом сладить вам
О, влюбленные - пустое,
И несется по волнам
Судно, и везут с собою.

Юношей, детей и дев,
Все чудовищу отдали.
Минос свой не скроет гнев,
И жена его в печали.

6.

Посейдона юный сын
Так красив и так спокоен,
Словно не случится с ним
Тот кошмар, герой и воин,
Ты отправлен в лабиринт.
Твой отец был так беспечен.
Перед ней Тезей стоит.
Скорбный путь уже намечен.

Ариадна, что с тобой?
Ты забыла пыл Гермеса?
О, забудь его, постой,
Тут совсем другая пьеса.
И Медея в грозный час
Юношу в себя влюбила,
Мир сегодня против вас
Или это ты забыла.

7.

Но уже клубок в руках.
Говорит ему спокойно:
- Знаю лабиринт и как
Выбраться тебе открою.
А Тезей влюблен и нем.
Всех чудовищ он погубит.
Дева гордая, зачем,
Он свою Медею любит?
Ты ему на миг нужна.
Что случится – будет страшно.
Улыбается она.
Мир устроен зло и странно.

8

Федра грустная молчит.
Ей Цирцея нагадала,
Что в начале лабиринт
Смертью полоснет безжалостно.
А потом придет Тезей,

Грозный царь Афин прекрасных.
- За сестрой придет моей?
- За тобой, мне это ясно.
И молчит, удивлена,
Как же это все случится?
И в Гермеса влюблена
Дева юная, как жрица.

9.

Рев сраженного быка
Огласил тогда округу.
- О, Тезей, ты жив пока,
Там уже бушует вьюга.
Очертанья корабля
Стража Миноса не властна.
Где царевна, дочь твоя?
Ищут девицу напрасно.

Им одна осталась ночь,
Путь до острова чужого
И летит упрямо прочь.
А царевич так взволнован.
Но Медеи грозен вид,
Ревность – это злая сила.
И уже Гермес летит.
Как юны и как красивы.

10.

- За спасение отдашь
Ту, с которой нынче рядом,
Ты герой, спаситель наш,
Не твоя она награда.
И Тезей главой поник
Спорить с Вестником – пустое,
Ариадна сладко спит
И будить ее не стоит.
Пусть еще хоть полчаса,
О беде она не знает.
- Все, Гермес, я жду отца,
И корабль в тумане тает.

11.

Дионис был так утрюм.
Он боялся пробужденья,
Груз его печальных дум
Оставался тяжелой тенью.
- Ариадна, свет очей,
Разве мы с тобой не вместе?
- Кто ты – ужас всех ночей.
Где Тезей? – С Медеей вместе
- С кем, при чем же здесь она
Лжешь ты мне,- царевна плачет,
И несется по волнам
Вопль, за ними, и маячит
Чайка белая во мгле,
Камнем в воду – все печально.
Нет царевны на земле
А вода хранила тайны.

12 Медея.

Усмехнулась. Тонок стан,
Как чудовищно прекрасна.
- В лабиринте ты устал.
Было там темно, опасно.
И уже глухая страсть
Душу юную сжимает.
Раствориться и пропасть
Как с ней быть? И вспоминает
Он царевну, остров грез
И Эриды ликованье.
Он туда душой унесся,
Улыбнувшись на прощанье.
И заснул в объятьях той,
Что любому мстит жестоко,
И за черной полосой
Не услышит бури рокот.
И не сменят паруса -
Царь от траура немеет
И умрет – Отомщена
Там Медея грозно реет.

13.

Этот мир встречал царя,

О Тезее говорили.
В лабиринте был не зря,
Все просторы покорила он.
А она ушла во мрак
И не выдержит напора
О, Медея, в буре драм
Ты хотела ведь другого.
Ариадны скорбный лик,
Не давал ему покоя.
Приходил отец –старик.
О, Медея, что с тобою?

Золотой дракон летит
Прямо к острову Цирцеи.
Оправдает, защитит
Тетушка, и ей поверит.
Только в полночи одна
Ждет угрюмо Одиссея.
- Ты, родная, влюблена?
И несется прочь Медея.

14.
Не хочу я эту власть,
И его рабой не стану,
Полечу, чтоб не упасть.
Пусть они меня помянут
Никакой Язон потом,
Жизнь мне не испортит больше
- Но Тезей не твой Язон.
- Да, не мой, но сколько боли.

-Нет, - уже она твердит, -
Не хочу я быть царицей.
И над пропастью парит
Чародейка черной птицей.
И в горах горит огонь.
Только Гелиос порою
Говорит еще с тобой -
Деду душу ты откроешь

15

Солнца ласковы лучи.
Он светило – не мужчина.

- Не вернусь к нему, прости.
Я навек его покинула.
И напрасно ждет Тезей
Все не то, и все пустое.
Он с Медеєю своей
Разлучен навек, мечтою
Легкой тенью там она
Над Афинами скользила,
То тиха, то влюблена,
Исчезала – воплотилась,
Но пришла уже в конце,
Чтоб с любимым попрощаться.
Солнца луч там на лице.
А в глазах и боль, и счастье.

Дочь Зевса и сын Посейдона

СКАЗ 4 ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНА

1

Елена ждет Тезея на закате,
Дочь Зевса сына Посейдона ждет.
Она достала огненное платье,
Она его пленит, потом сожжет.
- Спаси меня. И он ее спасает.
Сам Агамемнон для него не брат.
Царь Тиндерей отчаянно вздыхает,
И на пиру том женихи галдят.
На Клитиместру смотрит тихо Леда,
Та в ярости, Елена, что творит.
Она исчезала, не осталось следа.
И царь Афин ее боготворит?

2

Но вот в пути им встретила Медя
И усмехнулась где-то свысока,
И золотой дракон летит быстрее,
Остался лишь платок в его руках.
- О, что с тобой, Тезей? - Елена плачет.
Она покорна так и влюблена.
- Прости меня, все ничего не значит,
Она со мной, она моя жена.
- Да кто она? О ком ты, мой любимый,
Здесь только мы, - Елена говорит.

Но взор его за стаей лебединой
Куда-то в бездну грез уже летит.

3.

Так и столкнулись Гелиоса внушка,
И Зевса дочь в пустыне и тоске,
И все слова, и клятвы все наруша,
Тезей о деве лучезарной пел.
- Он так влюблен, - шептал Гермес игриво.
Елена от отчаянья мертва,
И все звучат в тумане горделиво
Обидные и гневные слова.
- Я Зевса дочь, и он меня не бросит,
- Дочь Миноса он разве пощадил?
И на Афины опустилась осень,
А город был так сказочно красив.

4.

-Кто ты теперь? – Но я его царица.
-Царица, дорогая? Где же царь?
И как Гермес беспечный веселится,
Но и ему Елены бедной жаль.
Тезей ее в Афинах забывает,
Что делать ей, вернуться ли назад.
И в гневе Зевс, а Посейдон вздыхает
И все твердит: - Тезей не виноват.
- Кого винить, ответь, о, брат мой гневный
Что делать мне с Еленой, подскажи.
Дракон Медеи золотой и верный,
Несется прочь, Тезей во тьме дрожит.

5

- Отец, она была со мной сегодня,
Она ко мне вернулась в этот час.
- О, ком ты, сын, какая злая сводня
Твоей душой владеет здесь сейчас,
Опять резвится наша Афродита.
И чем теперь ты ей не угодил?
- Была Медея, и душа убита,
И я ее во мраке проводил.
- Опять Медея, вечное проклятье,
Отрава для героя и царя.

Он улыбался, помнил лишь объятья
Колдуньи гневной.- Вот судьба твоя.

6.

Елена к Посейдону шла устало.
- Скажи мне, бог мой, в чем повинна я?
- Ни в чем, мой друг, Медея пролетала
Он с нею был, и не вина твоя,
Что где-то там, в начале были ночи,
Она восторг и ужас дарит всем.
- Что делать мне, ведь он меня не хочет.
- Оставь его, оставь его совсем.
- Я не могу. – Ты можешь, понимаю,
Что это трудно, но вернись назад.
И только чайки белые летают.
И так тревожно в темноте галдят.

7.

Бредет Елена, гордые Афины
Насмешливо взирают с высоты.
- А ты одна, и царь тебя покинул,
Ты много хочешь, что ж получишь ты?
И в этот час летят посланья в Спарту,
И братья слышат этот горький шум.
И говорят царю: - Устали, хватит,
Вернем назад, Тезея мы на суд,
На поединок вызовем с тобою.
- Его оставьте, он не виноват.
Не надо славы множить нам герою.
Верните вы Елену лишь назад.

8.

О чем рыдает в пустоте Елена
И почему герою не до сна?
- О, мой Тезей, сладка тебе измена,
Тезею лишь Медея здесь нужна.
И Зевс молчит, ему ль не знать такое,
И Менелаю снова не до сна,
И все хотят расправиться с героем,
Но защитит Тезея вновь она.
- Оставь его, ведь месть ее жестока,
Я не боялся никогда Медей.
Но Гелиос далекий и высокий

Следит с небес за внучкой за своей.
9.

И остается с братьями Елена,
Из плена в плен попала в этот час.
Летят гонцы из Спарты: -Там измена
Тезея нет, куда-то он умчался.
И за сестрой следят они сурово,
Ее спасут спартанцы от беды,
О, Спарта, Спарта. Разве ты готова,
Стереть из душ Тезеевы следы?
Но лишь Тезею нет сегодня дела.
И к Посейдону Зевс опять спешит.
-Смири его, смотри, что он наделал.
Вся Спарта в дикой ярости бурлит.

10.

И только усмехнулась Амфитрита,
Она его готова защищать.
Вот так легко, печально-деловито
Тезей богинь умеет чаровать.
И только та, из юности далекой
Опять оставит этот дивный мир,
-Медея снова в небесах высоких,
Она к нему явилась лишь на миг.
Елена плачет, чародейка рядом.
- Отдай его, прощу я, не ярись.
- Ну что же ты, красавица, не надо,
Там ждет тебя и Троя, и Парис.

11.

Еще Елена ведала едва ли,
О чем она так яростно молчит.
И женихов вновь в Спарте выбирали,
Сам Зевс свою Елену защитит.
И лишь она с надеждой и тоскою
К Афинам устремляет гордый взгляд.
- Да успокойся, он уже с другою.
- И пусть, я жду, и мой Тезей назад
Ко мне вернется, это точно знаю.
И где-то там, у роковой черты,
Она дает согласие Менелаю.
Чтоб знал Тезей.- О как наивна ты.

12.

А если б он позвал ее с собою.
Рванулась и к Аиду бы она.
Дочь Зевса не нужна совсем герою.
Ему и Персефона не нужна.
Медея это снова ясно видит.
Ей хочется героя испытать,
Она живет, любя и ненавидя
И в жизнь его врывается опять.
Но поздно, и Елена позабыта.
Хохочет чародейка у костра,
И вдруг из тьмы выходит Ипполита
Царица Амазонок, боже правый.

13.

Медея снова в ярости и гневе,
Неугомонен как всегда Тезей,
Идут войной к Афинам эти девы,
Хватай свой меч и выходи скорей,
Ты покажи им мощь свою шальную.
С тобой Медея будет в этот час.
Сражаться, ненавидя и ревнуя,
Она мелькает где-то среди вас.
И вот царица в плен его попала
И Афродита смотрит свысока,
Она сама с Медей воевала
Не выдав светлой радости пока.

14.

Порой была бессильна Афродита,
Но никогда она не отступала,
И на мгновенье скрасит Ипполита
Его судьбу, богиня ликовала.
Царица амазонок покорится,
Как Ариадна, род свой забывая,
Тезей на пышной свадьбе веселится.
И там Эрида гневная мелькает.
- Да что же там богини снова вьются,
В тревоге Посейдон, неровен час,
Они его погубят, и вернуться
Тезей спокоен, счастлив он сейчас.

15.

Но тень Медеи снова где-то рядом.
Ей больше Афродита не страшна.
Дриада иль прекрасная Наяда -
Везде она, повсюду лишь она.
И вот уже в тумане Ипполита
Рыдает и зовет его назад.
Тезей все смотрит в пустоту сердито,
Уходит прочь, он ничему не рад.
И лишь душа, во тьме сырой немея,
Все ждет кого-то и зовет назад
А вот уже явилась там Медея,
И счастлив он и воскрешен и рад....

СКАЗ 5 ТЕЗЕЙ И АМАЗОНКА

Гермес с Афиной долго говорили,
И спорили в тот вечер до утра,
Но Амазонки грузные ступили
В его Афины, в бой ему пора.
И пусть покажет отпрыск Посейдона,
Какая в этом мире спесь и власть.
Они в походе, он сегодня дома.
Ведет в сраженье огненная страсть.
И грозные воительницы немы,
Они уже добрались до Афин,
От стрел каленых потемнело небо,
Как девы ненавидели мужчин.

2.

И все же эта армия разбита,
Пирует победитель - царь Тезей
И рядом с ним сидела Ипполита,
Спокойная в покорности своей.
- Не может быть, я что сегодня вижу? -
Елена где-то в ревности горит.
Но тут Медея милая все ближе:
- И сколько будет в жизни Ипполит?
Он знать не хочет, ведает ли это.
И где-то там, в истоках сентября,
Не спит царица снова до рассвета,
Ее встречает новая заря.

3.

Она спокойно эту боль терпела,
Наследника ему она несла.
И только мальчик посмотрел несмело -
Младенец не изведаль силу зла.
Медея долго помнила в тумане
Других детей, уничтожая род,
Но амазонка ведьму не обманет,
Она его с собой не заберет.
Ладонь щеки касалась в это время,
И на нее уставился Тезей.
- Страсть роковая, - тягостное бремя,-
Твердил Гермес Афине все быстрее.

4.

Печали были радостью согреты,
В младенце снова видела отца.
Но с кем опять остался до рассвета,
Кого теперь ласкает грозный царь?
И нет печалям яростным исхода.
Она идет по берегу в туман.
Уже готовы к новому походу
Там амазонки, эта страсть – обман.
Издаലെка смотрела Амфитрита,
И понимала боль ее и спесь.
Она была на пасынка сердита,
Всю ночь с Медею провел он здесь.

5.

- Он весь в отца, - богиня повторила,
Тезея оправдала, не коря,
И вот для Ипполиты наступила
Последняя, кровавая заря.
- Как это страшно, со своими биться,-
Афина размышляла в этот час.
Но за Афины гордая царица
Сражается неистово сейчас.
Потом она увидится с Медеей,
И будет поединок их суров,
Но Никта допустить ее не смеет,
Туда, в просторы, и не хватит слов.

6

- Оставь ее, - кричит во тьме Афина,

Богиня ночи смотрит в тишине,
И только этот мир легко покинув,
Царица оставалась на коне.
Тезей едва в толпе ее заметил.
И понял, что теряет навсегда,
И не было прекраснее на свете
Возлюбленной, сильна и молода.
Оценим это, если потеряем.
И он остался где-то в пустоте,
И звезды обреченные сияли,
Когда Орфей о страсти их запел.

7.

- О, Брат мой милый, ты сегодня ближе
Ты знаешь, очень страшно потерять.
И пусть ее я больше не увижу,
Но возвращаюсь в этот мир опять.
Царицу хоронили все Афины,
Тезей недолго без нее грустил,
Он милый город в тишине покинул.
Куда-то он за Федрой укатил.
Едва взглянул во тьме на Ипполита,
Наследник спит, он страшно одинок,
Но сбережет до срока Артемида.
- Ты будешь счастлив, спи пока , сынок.

8.

Его ж богиня эта не любила,
И редко обращался к ней Тезей,
На берегу стоял он сиротливо,
- Куда теперь? - А к острову скорей.
Ему сегодня снилась Ариадна,
Он не забудет этот странный сон.
И остров навестить зачем-то надо.
Он в девочку наивную влюблен.
- Она давно, мой друг, похорошела,
И повзрослела, и тебе дана.
- А как зовут? И Федра тихо пела
Когда душа скользила по волнам.

9.

У каждого свой лабиринт и остров,
Известно всем, не будет им конца,
И нас судьба туда опять уносит,

Чтоб путь пройти до самого конца,
Должны мы страсть познать и утопая,
Найти любовь, и оставаться с ней,
И только там, где берег проступает,
Становимся взрослее и сильней,
Тезей опять на Крит седой заходит,
И словно в юность царь наш возвратился,
И где-то в поднебесье дева бродит.
Израненная яростная птица.

Сказ 6 Тезей и Федра

1.

Царь Минос мертв, но дочь его сегодня
Ждет женихов из всех далеких стран.
Она спокойно к воинам выходит
Она с улыбкою идет к царям.
Она беспечна, только помнит снова,
Царевича и старый лабиринт.
И то Цирцеи роковое слово.
И пред Тезеем Федра устоит.
Зачем он здесь на месте преступления,
Пришел в тревоге яростный герой.
Давно ушедших видит снова тени.
- Нет, ты пришел за младшую сестрой.

2.

Одна из них в тиши к нему прильнула,
И вспомнилась единственная ночь.
Вновь обняла и в темноту шагнула.
Как все забыв, за ним летела прочь.
Его спокойно приняла царица.
- Не знаю, что случилось в грозный час,
Зачем ты здесь? – Но я хочу жениться.
- Есть женихи достойные у нас.
Она ему той ночи не простила,
Хотя он сам себя давно простил.
И вдруг увидел: Федра так красива.
И кажется ее он полюбил.

3.

Давно герой не виделся с Медей,
Она ему вернула душу вновь.
И юной девы больше не посмеет

Обидеть царь. А если есть любовь?
Афины так томились, ожидая,
Явления царицы. Ипполит
По лесу, среди жриц ее шагая,
Богине раздраженно говорит:
- Я знаю, он опять решил жениться,
И эта Федра, говорят, мила.
- Все это вздор, Медея лишь примчится
Его увлечь Елена не могла.

4.
Не спас когда-то царь наш Ариадны
А Федра – только призрачная тень.
Будь осторожен, Афродита рядом.
Ты для нее любимая мишень.
- Не дева мне нужна, моя богиня,
А только ты, - ей клялся Ипполит.
- Не сомневаюсь, целый мир пустыня,
Но Афродита тоже не сидит
Без дела, страсти для нее – забава,
И если снова в этот грозный час
Ты клятву дашь, посмотрит лишь лукаво
И бросит в бездну обреченно нас.

5.
И только Федра на него взглянула,
Сбывались Артемиды слова,
Богиня просто в Книгу заглянула,
В ту летопись – она была права.
И там, где солнце призрачное село.
К Медее улетел опять Тезей,
Царицей стала в одночасье Дева,
Но как же нам холодная постель?
Ей юноша опять ночами снится,
Она не может от его отца,
Той страсти и любви такой добиться,
Но Федра шла упрямо до конца.

6.
Она ждала, звала его напрасно,
В объятьях чародейки наш Тезей,
А к ней идет спокойный и бесстрастный
Царь - женолюб, он презирает дев.

Но чтоб его отвоевать, готова
Царица утолить свой тайный пыл,
Сын Амазонки в схватке этой снова
Лишь только пешкой обреченной был.
И вот тогда, в преддверии рассвета,
Когда до этой глыбы не достать,
Царица Федра, позабыв про это,
Наложницей юнца готова стать.

7.

Убить отца и добиваться сына,
И быть в объятьях юноши, смеясь.
Но медлит он, и только страсть лавиной
И рушится отчаянная связь.
Царь все узнал в то утро на рассвете,
Когда вернулся в ярости домой,
Своей Медеи в этот раз не встретив,
Он шел к царице, гордый, но чужой.
Но где она? В объятьях Ипполита,
Предательства жестокая война,
И только боль, когда душа разбита,
Опять с обрыва бросится она.

8

Юнец за ней несется в эту бездну,
Их Посейдон не бросится спасать,
И пустота. Лишь небо будет звездным,
Когда вздохнет так обреченно царь.
Царица и наследник у Аида,
И дядюшка из тьмы посмотрит зло,
Пора бы в гости. Он молчит сердито,
Там Персефоны светлое чело.
А говорят, нежна и так красива,
Жена Аида, взять ее у темноты,
И увести в прекрасные Афины,
Живые, а не адские цветы.

9.

- Остановись,- просила Амфитрита.
И хмурился устало Посейдон,
Он ревновал, богиня им забыта
А тут Тезей, и пусть он не влюблен.
Уж если так, так лучше Персефона,
Пусть дядя говорит с ним, не отец.

- Как страшно быть забытой и влюбленной.
Путь Федры повторишь ты, наконец.
И он уходит, Никта улыбнется,
И чудища во след ему свистят.
- Ты говоришь, он больше не вернется.
Его отправятся, милая назад.

10.

И Афродита спорит с Артемидой,
О том, кого им стоит воскресить.
- Ты посмотри, там все уже убиты,
И только он все продолжает жить.
Их слушает насмешливо Медея,
Она его спасет на этот раз,
Чтоб снова пламенея, холодея,
Горел костер страстей и не погас.
И тихо улыбается Цирцея,
Как Мечь Медеи в этот раз страшна.
И Афродита странно холодея,
Язона видит в том обрывке сна.

11

- Ты мстила мне за глупого Язона?
- Нет, за себя, - Медея говорит, -
Какой была доверчиво - влюбленной,
Пусть он в огне негаснущем горит,
И снова видит полночь и объятья,
- Мне походил для этого Тезей.
И Афродита злится: - О проклятье,
Пусть Гелиос сожжет ее скорей.
А тот ласкает теплыми лучами.
Дракона и Медеи гибкий стан.
Горит костер холодными ночами.
Он и теперь гореть не перестал.

МИФОЛОЖКА 6

ТЕЗЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

И царь пошел в Аид тропой лесною.
С ним Пирифой отчаянный шагает.
- Пусть Персефона поспешит за мною.
Хочу богиню, женщин мне хватает.

Он был хитер, Тезей лишь улыбнулся.
Его манил таинственный Аид.
Он словно в лабиринт опять вернулся.
Вот Минотавр погубленный стоит.
С ним рядом вся в печали Ариадна,
И Ипполит о чем-то говорит.
- Чего ты хочешь? - Ничего не надо.
Огонь в душе так яростно горит.
2.

-Тогда зачем живым сюда пришел?
О, уходи, - одна сестра просила.
О чем-то долго говорил с отцом,
А Федра отвернулась и грустила.
Во тьме немой заблудшая душа,
О бедах и несчастиях молчала,
Здесь Никта проходила не спеша,
Тезея снова в бездну увлекала.
Богиня тьмы была неумолима,
И рассердился пламенный Тезей.
И огненной стрелой летел он мимо
К возлюбленной последней, и сильней

3

За ним и друг в опасный путь пустился,
Глас Ариадны тает на ветру,
Сизиф замрет, и камень вновь скатился-
Продолжат боги страшную игру.
Стоит Эгей, он не узнает сына,
Не милый мальчик, грозный он герой,
Там черный парус – горьких дум лавина
Тезея увлекает за собой.
Смеялась Никта – Он пришел до срока,
Но ничего, не Посейдон – Аид
Таким строптивым мстит всегда жестоко,
И за жену свою он постоит.
4.

Богиня тьмы Тезея не любила,
Он столько им доставил всем забот.
Все женщины, царицы и богини,
Все спорят, а к кому же он идет.
-Тезею не нужны немые тени,-

Эрида им надменно говорит.
Они не верят, весь Аид в смятенье,
И каждая соперницу корит.
- Но спор о чем? Вы все когда-то были,
И если там его не удержали,
То здесь смиритесь, лучше бы забыли,
Нам не нужны излишние печали.

5.

Его встречает где-то тень Орфея,
Он с Эвридикой встретился в аду,
И черный мир, от горя холодея,
Все прямо в пропасть адскую идут.
А где же Цербер, что он зазевался,
Его Медея нынче усыпит.
Ее дракон быстрее туда пробрался,
И яростно посмотрит вдруг Аид.
- Дочь Солнца в темноте - какое благо,
Кому ты мстишь. И для чего пришла?
- Как ты суров, но так со мной не надо,
К тебе Тезея нынче привела.

6.

- А это для чего? Мне не хватало,
Племянника, вот это точно ад,
Когда Медея здесь повелевала
Опомнись и верни его назад.
- Твой мир для нас, последняя преграда,
Я знать хочу, что это не Язон.
Есть в испытаньях страшная услада
И в ад со мной пойдет спокойно он.
- Какая в этом радость? Персефона
Не так беспечна и не так сильна,
А здесь, с тобою, смотрит так влюблено.
Аидом испытать его должна.

7.

Аид молчал, что спорить с глупой бабой,
Ведь все равно окажется права.
Но Персефоне нежность и награда,
И отчего грустна теперь была?
И к ней рванулась в тишине Медея:
- Не смей влюбляться, я не пощажу.

Аид смотрел, бледнея и мертвея,
- Тезей, она? Да ты, я погляжу...
- Я правду говорю, не смей влюбляться,
Он как всегда, готов тебя спасти.
- Могла ль чего-то ты еще бояться? -
Вдруг Персефона яростно спросила

8.

И сила та, которая укрыта,
От света в этом мраке, не видна,
Ее боится даже Афродита
Она Аида верная жена.
Но в вечности, во мраке и тумане
Случиться может все, Медея знает.
И Персефона всех тогда обманет.
Но вот Тезей, он в тронный зал ступает.
Аид встает, огромен и неистов,
Он глыба мрака и у тьмы в плену.
Тезей здесь Персефону снова ищет
- Зачем пришел? – Отдай твою жену

9.

- А я слышал, с тобою Амфитрита.
- О чем ты, дядя, кто тебе сказал?
Он на Медею смотрит деловито.
Отводит дева темные глаза.
- Нет, дочки Зевса Титанит дороже,
Я вечно с ними, но уходят рано.
А Персефона выжить мне поможет,
Залечит все тревоги, боль и раны.
А Пирифой все хмурится устало.
Ему хотелось поскорей домой.
- Но нам с Аидом спорить не пристало, -
И ежится от страха Пирифой.

10.

Тезей опять глядит на Персефону,
И как Елену, хочет увести.
Согласен ли Аид? Еще не понял,
Проснулся Цербер и во тьме рычит.
И взбеленилась в ревности Медея,
Впервые он не видит этот свет.

А друг зовет: - Пошли. Пошли скорее,
Сюда вернемся через сорок лет.
Он долгий век обоим им отмерил,
Но Персефона тоже влюблена,
Взглянул Аид и даже не поверил,
Как может их теперь ровнять она?

11.

И с яростью он смотрит на Медею:
-Оставь его, пусть тут он посидит.
Взирает дева яростней и злее,
И ревность на душе ее горит.
На каменной скамье он каменеет,
Как неподвижен каменный цветок.
Но даже Персефона не поверит,
Что грозный муж был так тогда жесток.
И робко заступилась за Тезея,
- Оставь его, мой милый, Зевс с тобой.
И хохотала гордая Медея,
В пещере страсти не живет любовь.

12.

Ей дотянуться до любви хотелось,
Но страсть Тезея до конца сожгла
Взглянула, прикоснулась, улетела.
И все-таки Геракла там нашла.
- Иди, освободи его, мой милый,
Но только пусть забудет про меня.
И навсегда Медея уходила.
От камня оторвался и поднялся.
От слов Геракла страшно холодея,
О друге безрассудном позабыл,
Он только знал: оставила Медея,
И все искал ее, и все бродил.

13.

И там, в горах, где тени были ближе
И души тех, кто близок и любим,
Порой Тезея я в тумане вижу,
Он где-то рядом снова проходил.
И ждет его напрасно Персефона,
Взирает грозно на нее Аид.

Тезей же смотрит в лица Незнакомок
И с ними о Медее говорит.
И от тоски безумной холодея,
Все кажется, что где-то там она,
К нему вернется навсегда Медея,
Любовница, волшебница, жена...

Глава 13 Поэма для героя

Мифоложки 20 века

Этот танец красавицы в алом,
Как рассвета внезапная спесь.
Там, за гранью она танцевала,
Мы столкнулись в реальности, здесь
Все казалось судьбой и ошибкой,
Но привыкшие жить вопреки,
Что скрывалось за тайной улыбки,
За игрой сумасшедшей строки.

Там, в просторе, где звезды мерцали,
И, сторевшие, свет свой дарили.
Мы не знали, не знали, не знали,
Просто жили тогда и парили,
Этот мир за последней чертою,
Паутиною тайны сокрытый,
Саломея вела за собою,
Угадала лишь тень Афродиты.

Мой Тезей оставлял Дионису,
Ариадну свою и печали,
Шел к Афинам, но тучи нависли,
И дурные их вести встречали.
За предательство платят судьбою.
Ариадна вдруг стала Медеей,
И победно влекла за собою.
Он примерил судьбу Одиссея.

И уставший в пучине скитаться,
Старый миф о спасении вспомнил,
И ее разглядел и остался,
Возвращаясь в реальность сегодня.
Пусть красавица в алом танцует,
И однажды придет Маргарита,

Бегемот ей роман раздобудет,
И в сплетении старого мифа,

Проступает иная стихия,
До нее дотянуться едва ли?
Кто ты, Мастер, Мираж и Мессия,
Снимут маски на том карнавале,
Где хрипели от ярости кони,
И где женщины были прекрасны,
Воскресенье кто-то припомнит,
Сны и грезы милы и опасны
Там, за гранью она танцевала,
Мы столкнулись в реальности, здесь
Этот танец красавицы в алом,
Как рассвета внезапная спесь.

Откуда берутся обрывки мифов, те, которые можно приложить и к нашим судьбам.

Сначала миф о предательнице Ариадне и красавце Тезее, который оставил ее для Диониса.

Конечно, так велели боги, но он сам, вероятно, не очень противился такому повороту судьбы.

И пришлось ему потом скитаться не меньше, чем Одиссею, даже до подземного мира дошел и Аиду вызов бросил.

На много лет стал наш герой, тем Капитаном на Летучем Голландце, который вспомнил легенду о том, что спасает его девушка, которая полюбит. Тогда он и сможет остаться на берегу.

Девушкой этой правда, оказалась Маргарита, а роман и вовсе спас кот Бегемот. НО ведь от этого суть не меняется – все это только детали....

А нити Судьбы можно плести дальше.

Маргарита вовсе не ведьма, а богиня Любви и Гармонии Лада.

Иначе не помог бы ей тот самый чудный крем, сотворенный из молодильных яблок.

И вдруг становится ясно, что мы внуки солнечных богов, туда, к солнцу
уносят нас дивные кони Судьбы.

Не для того ли, чтобы это вспомнить и понять и сохранены были в веках
мифы, и принесли нам таинственные списки БЕРЕГИНИ....

Жаль, если мы не сможем прочитать и расшифровать их

Предчувствие Явления героя ПОЭМА ДЛЯ ГЕРОЯ

Я стол накрыла на троих.

Метались женщины и кони ржали где-то,
Свеча мигала, таяла, как сон.
Но мы с тобой в том доме до рассвета,
Смотрели на огонь, и слыша стон
В порывах ветра видели другое
Отчаянное время в этот час.
Но как же нынче мы сошлись с тобою,
Ведь это время было не за нас,
Да и пространство одолеть едва ли.
Оно безмерно, только в тишине
Чужие кони о разлуке ржали.
И тени в бытие пришли ко мне.
2.

- Но кто с тобой, я лишь тебя тут вижу, -
Сказал Учитель в этот звездный час.
Молчала, ты все дальше, он все ближе,
Тот свет на этот променяв не раз,
Играла я безропотно с судьбою.
Она меня щадила до поры,
Но в миг, когда мы встретились с тобою,
Я поняла нелепость той игры.
- Я жить хочу, - я это сознавала,
Мне рано уходить туда, к нему,
И ржали кони-призраки устало,
И лишь свеча все освещала тьму.

3.
Приблизиться, щеки твоей коснуться,
И убедиться в том, что ты живой.
И к страсти снова вспыхнувшей вернуться

Я не пойму, а что теперь со мной.
В ночном лесу метались чьи-то тени,
Не отпуская, не мог туда уйти.
И медлила, и бред стихотворенья,
Я где-то дописала по пути.
И вот в уютном доме тают свечи,
И тот, кто нас покинул с нами вновь.
И что еще останется в тот вечер,
Его усмешка и моя любовь..
4.

И он тебя узнал в тот странный вечер.
- Не может быть, ты где его нашла?
И только тихо оплывали свечи.
И исказили радость зеркала.
И ревность вся, и вся страстей громада
Обрушилась оттуда, из глубин.
Напрасно я прошу его:- Не надо,
Оставь его, ты нужен мне один.
- О нет, орленок, даже там, в начале
Я видел все, и что теперь жалеть?
И только кони в пустоте все ржали.
Оставить и к покою улетать
5

Я не могла, остановись мгновенье
За миг до счастья смерть приходит к нам.
Останется строка стихотворенья,
Кошмар погони или птичий гам.
Останется до встречи вновь прощанье,
Но веря в сказку, как же я могла
Не выполнить жестоко обещанье,
И принц медведем станет, вот дела.
О, нет, его опять не поцелую,
Пусть он живет, он молод и красив,
И только тени в тишине воркуют.
И он меня забудет и простит.
6.

Обыкновенным чудом проступает,
Реальность, я спасти тебя могла,
Страсть пепелит, когда любовь спасает,
И грянули в тиши колокола.
Ворона на сосне еще кричала,

Свеча мигала в дивной тишине.
Толпа на старом кладбище молчала,
Его душа прильнула вновь ко мне.
- Не уводи, ведь я не дописала.
- Не долюбила, не лукавь хоть тут.
И лишь свеча забытая мигала.
Он отпустил, но мне сказал: - Забудь.

7

.

Пройдут года, сменяя век усталый
К нам новый век ворвался, помним мы,
Что в том году Учителя не стало,
И я не сразу вырвалась из тьмы.
Потом жила, и ничего не знала
О мальчике, растаявшем вдали,
И лишь глаза в тумане вспоминала,
Там кони ржали, там свеча горит.
Какие-то бестрепетные тени,
А говорят, они мои мужья.
Что остается? Горечь и сомненье
Да что там? Только проза бытия.

8.

И дюжина романов и поэма,
В которой нет героя как всегда,
И вдруг весна легко и вдохновенно
Забросила нас в омут, и вода
Она уносит все мои печали,
И хочется щеки твоей коснуться,
И убедиться, что опять в начале
Пути, и то, что ты не оглянулся.
Аид суров он не потерпит слабых,
И Персефона больше не спасет,
И Цербер тронет очень нежно лапой,
И вззоет вновь в тумане: - Не дойдет.

9.

Гермес смеется, сколько же Орфеев,
Теряли в это мраке Эвридик,
Но стала я сильнее и смелее.
И я теперь прошу тебя: иди.
Весь мир за нас, нам нечего бояться,
И в Зазеркалье больше нет тоски,

И только кони весело резвятся,
-О мой Аид, да ты их отпусти.
Что это было? Тени, лабиринты,
Пугали Минотавр и тупики,
Рыдала Ариадна:- Нет, не выйдет,
Медея изнывала: - Отпусти.

10

О, эта жизнь, как много и как мало,
Она подарит нам уже тепла,
И только Афродита понимала,
Как мне твоя любовь мила была
Нет, не покой, довольно нам покоя,
Мы внуки Солнца, нам нужна любовь
Не оглянулся, к свету я с тобою
Иду тропинкой звездой и лесной.
И Мастер тихо машет на прощанье
И Бегемот опять несет роман.
- Я выполнил, мой ангел, обещаенье.
Он не сгорел, и он остался вам.

11.

Вот так и шли, хрипели кони рядом,
Метались где-то женщины вдали.
Я понимала, дотянуться надо,
Пройдя сквозь страсть до веры и любви.
Наш путь один, все будет как когда-то,
Вергилий нем, не одолевший тьму,
Мы доживем, несется конь крылатый,
И вдохновенье ведомо ему.
Там свечи догорят, потухнут лица,
И бал к рассвету завершится вновь,
Сорвите маски, пусть нам лишь приснится,
И лабиринт, и призрачная ночь.

12.

В огне костра шагнет ко мне Ярило,
И Велес выйдет, темный лес пройдя,
- Он так хорош, и будешь ты счастливой,
И аленький цветок мой для тебя,
Отгонит всех чудовищ, полыхая,
Желания исполнит, ангел мой,
А кони ржут в сиянии у края,

И мы еще танцуем под луной,
И лунный вальс так трепетно и нежно,
Заставит вдруг почувствовать тепло.
О, близость душ, когда тела небрежно
Влекут в туманы бесам всем назло.

13.

Свеча мигает за столом нас трое,
И комнатой обычной станет зал
- Да, я не верил, ты нашла героя,
Учитель скажет, - мне пора назад.
А вам еще счастливо оставаться,
Увидимся когда-нибудь потом,
И оживут фигуры, и резвятся
На шахматной доске, а он с котом,
Еще сыграет партию такую,
Что мир очнется от тоски и зла,
И души их, забыв уже, воркуют
И навсегда сливаются тела....